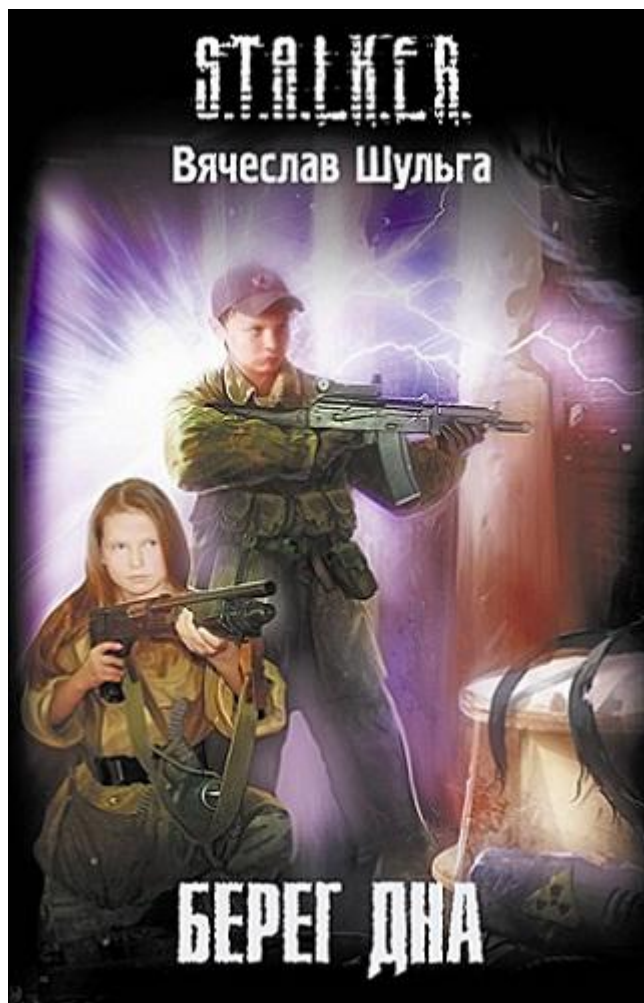

Вячеслав Шульга
Берег дна

S.T.A.L.K.E.R. – 74

Аннотация:

Где-то в недрах Зоны, в «мерцающем» городе Лиманске, пропадает научная экспедиция профессора Титаренко. Профессор передает «наружу» просьбу о помощи и сообщает, что совершил в Зоне невероятное научное открытие. Дочь профессора, четырнадцатилетняя Машиа, решает сама отправиться на поиски отца и нанимает команду сталкеров. Однако, не только она заинтересована в поисках профессора — в дело вмешиваются могущественные силы. На «отряд спасения» объявлена охота по всей Зоне. Что открыл профессор — путь к Монолиту, мрачную тайну происхождения Зоны или что-то совсем неожиданное? Почему на него охотятся? Где он смог спрятаться? Кто они — тайные враги экспедиции, а кто — загадочные помощники? Выходите на «Берег дна» и все узнаете!

Вячеслав Шульга
Берег дна

Пролог

Этот подъезд помнил многое. Даже то, что когда-то его называли вовсе не подъездом, а парадным и к нему подавали роскошные кареты. Помнил подъезд и забаррикадировавшихся в нем Сичевых Стрельцов, и выбивавших их из него петлюровцев, впоследствии пущенных в расход революционными матросами-анархистами. Помнил подъезд белых и красных, энкавэдэшников и врагов народа, подпольщиков и гестаповцев, гуцулов и донецких, оранжевых и бело-голубых. Все они только нарушали покой тихой и зеленой центральной улочки большого древнего города, на которую подъезд смотрел своими дверями. Из всей этой братии подъезд был доволен только молодыми энтузиастами-физиками, лет тридцать назад заселившими дом и отремонтировавшими своими силами все внутри. Многие из физиков до сих пор жили в этом доме и всячески облагораживали любимый подъезд — поставили домофон, наняли уборщиц, посадили консержек...

Мужчина, исполнявший в данный момент роль консержа, тоже многое помнил. Но предпочитал не делиться своими воспоминаниями с окружающими. Консержем он работал здесь несколько дней, его прислали на замену после того, как одна из штатных консержек неожиданно сломала ногу, а другая не менее неожиданно уехала в родную деревню. Нет, это были не случайные события, и совсем уж не случайно мужчина предложил свои услуги. Ему предстояло заняться тем самым делом, которым он занимался уже полжизни. Ждать и наблюдать. А когда наступит искомый момент — действовать.

Мужчина хорошо знал свое дело. За что его и ценило начальство. Еще оно его ценило за полное отсутствие любопытства. Мужчина никогда не задавал вопросов о сути задания. Каким бы нелепым задание ни казалось на первый взгляд. Вот и сейчас странность задачи не смущала мужчину. Не дать сопливой девчонке из девятнадцатой квартиры получить посылку. Посылку изъять. Доставить в контору. Посылку в подъезд, скорее всего, доставит курьер из какой-нибудь почтовой службы. Из какой — неизвестно. DHL, TNT, USPS или какой-нибудь местный Сити-экспресс — возможен любой вариант. Курьера надо перехватить. Обычного почтальона можно не трогать — контора контролирует непосредственно отделение «Укрпошты».

Мужчина не удивился заданию. Он только попросил уточнить, что будет в посылке. Исключительно с целью не допустить ошибку. Он никогда не проваливал таких простых заданий, но всегда старался перестраховаться. «Лучше перебдеть, чем недобдеть!» — говаривал его первый конторский наставник, светлая ему память: перебдел, «скорая» и спасатели четыре часа не могли попасть к нему в квартиру, когда его хватил удар, уж больно дверь была серьезная. Не спасли, в результате.

Мужчине сказали, что в посылке — SSD-накопитель данных. На восемь терабайт. Вот тебе марка — фотку и размеры устройства сам посмотришь в интернете. Что там записано — не твое дело. Главное — перехватить и доставить нам. Третья степень воздействия разрешена. Но нежелательна — все-таки центр города, улочка хоть и тихая, но... Сам понимаешь, огласка ни к чему.

Мужчина все понимал. Все умел. Он был из лучших работников. Он умел ждать и действовать и был готов ждать и действовать. У девчонки не было шансов получить посылку. Никаких.

Глава 1

1

— Оу-оу, — сказала «аська».

— Буль, — через секунду сказал «скайп».

Маша поморщилась. Так, одновременно «аськой» и «скайпом», могла ломиться только Милка. Вставать и идти к компу не хотелось, но Маша знала — если в течение пары минут не ответить, Милка начнет ломиться еще и в телефон — сначала по SMS, потом голосом. Такой уж у Милки был настырный характер — если ей хотелось общаться, то все были

должны немедленно с ней общаться! Недаром, наверное, ее называли Милицей — в честь Милы Йовович. Милка утверждает, что Йовович родилась на ее улице. Врет, наверное...

Маша недовольно откинула плед, поставила на стол чашку недопитого кофе и отложила в сторону книжку, очень интересную, про приключение группы сталкеров, отправившихся в Зону на огромном оранжевом «ситроене». Книжка называлась «Параллельность биссектрисы» и считалась хитом продаж, хотя несколько профессиональных сталкеров уже выступили с разгромными интервью по поводу достоверности описанных в книге реалий и событий.

«Привет Машика!!!!!!» — написала Милка в «аську». Она любила восклицательные знаки и не любила других знаков препинания.

«Привет, че отрываешь?» — Маша попыталась сходу показать свое недовольство. Она любила иногда вот так вот «по-старчески» посидеть с чашкой кофе и хорошей книжкой. Папа называл это «генетическим атавизмом». И где он сейчас, папа?..

«слушай давай галопом ко мне я тебе такое покажу!!!!!!»

«Мил, ну не хочется, занята я немного. Давай завтра? Или лучше ты ко мне вечером, тетки сегодня не будет...»

«я к тебе не могу я новые туфли купила на бааальшом каблукке и ногу подвернула!!! задолбали решетки в асфальте я буду мэру жаловаться и в оон!!!!»

Маша вздохнула. Никуда идти не хотелось. Тетка появится только утром, и Маша наслаждалась тихим и спокойным одиночеством. Тетка хорошая, но суматошная и слишком любит проверять, сделала ли Маша уроки.

«Что, так уж надо срочно?» — сделала Маша последнюю попытку отмазаться.

«не ну ты вообще не врубаешься!!! у меня тут посылка лежит!!! для тебя!!! и не спрашивай даже от кого! пока не придешь не скажу!!!!»

«Мне? Посылка?? Офигела штоль?»

«ну да тебе! я ж в Сити-экспрессе щас курьером шарюсь на айфон зарабатываю!! тока вот ногу подвернула! ну если не хочешь забрать посылку я тебе ее потом доставлю когда с больничного выйду!»

Маша малость оторопела. Бумажные письма ей, конечно, получать приходилось — бабушка в Умани никак не могла освоить даже самый банальный е-мейл, не говоря уж о «скайпе». Но посылку?

Неужели?

От отца?

«приходи не сомневайся будет клево»

А Маша уже и не сомневалась. Наспех надела кроссовки, схватила куртку — на улице уже совсем не лето — и лишь на пару секунд задумалась: какой взять рюкзачок. Выбрала более модный — прозрачный, со светящимися швами и подсветкой содержимого. Он хоть и был поменьше обычного, школьного, но это был Милкин подарок — надо сделать ей приятное. Сунув в рюкзак телефон и зонтик, Маша выскочила за дверь и, не став дожидаться лифта, почти бегом рванула к выходу из подъезда. Новый, незнакомый консьерж проводил девочку равнодушным взглядом.

Воистину, как многое в нашей жизни решают мелочи. Не подверни Милка ногу или реши Маша взять другой рюкзак — история, и не только история Маши, а может быть, и история всего человечества, о чем мы можем утверждать безо всякого пафоса, развивалась бы совсем по-другому.

2

Узор на каменной плитке был знаком Маше с младенчества. Именно поэтому она сразу поняла, что лежит — а точнее, просто валяется, упираясь носом в ту самую каменную плитку пола — в собственном подъезде. Голова раскалывалась, а память совсем не спешила вернуться к своим рассеянным телам и предложить хоть какую-то внятную картину событий. Так. Сначала — встать и осмотреться. Да, вот он, подъезд, в нем никого, даже консьержа. За

окном дождь, но пол, слава богу, чистый, куртка не испачкалась. Голова... что с головой? Сильно болит затылок, на нем взбухает огромная шишка.

«Меня ударили по голове!» — поняла Маша. «Зачем? Ограбили? Да что у меня брать — древний мобильник или проездной на метро? Может, маньяк какой?» Маша осмотрела себя — одежда вроде целая, никто ни на что не покушался. Еще раз огляделась вокруг, увидела валяющийся в углу сверкающий цветными лампочками рюкзачок — и вздрогнула от внезапного понимания сути происходящего. Винчестер из посылки! Красная пластмассовая коробочка! Им нужен был винчестер, или как он там правильно называется, этот девайс компьютерный? Внешний SSD, во как!

Маша метнулась к рюкзаку, но даже не стала его открывать — сквозь прозрачный радужный пластик было видно, что устройств сложнее зонтика в рюкзаке нет.

«Так! Вспоминаю по порядку. „Аська“. Милка. Бегу к Милке. Там посылка. В ней девайс и письмо. Письмо при Милке не читаю, она обижается. Я тоже обижаюсь на то, что она обижается. Иду домой. Вхожу в подъезд. Меня окликают консьерж. Так! Консьерж! Это он меня ударил и спioniерил девайс! Дура, блин, зачем к нему подошла!»

Будка консьержа, как уже говорилось, была совершенно пуста. Маша выскочила из подъезда, закрутила головой. Консьержа, понятно, и след простыл. Маше захотелось зареветь. Навзрыд и громко, как плачут маленькие дети. Но в свои четырнадцать лет она уже считала себя достаточно взрослой, чтобы публично плакать на улице, пусть такой дождливой и пустынной. Поэтому Маша только всхлипнула. Полезла за платком во внутренний карман куртки. Нащупала плоское и прямоугольное. Это было письмо. То самое, из посылки! Еще нераспечатанное!

3

Мужчина, который перестал быть консьержем, пребывал в крайнем недовольстве. Он привык выполнять приказы, действовать по безальтернативным и тщательно отработанным схемам. Он привык планировать все заранее, чтобы не задумываться, когда наступает ключевой момент операции. Сейчас же ему пришлось решать. И решать быстро.

Он прекрасно знал, как поступит с курьером, несущим что угодно посылкообразное в девятнадцатую квартиру. Но он никак не мог предполагать, что искомую вещь понесет сама девчонка! Хорошо еще, что эта дурочка несла накопитель в прозрачном рюкзаке! Но как поступать с девчонкой в таком случае — инструкций не было. Никаких!

Раздумывал мужчина недолго. Заблокировал дверь подъезда, окликнул девчонку, подошел, что-то спросил про то, из какой она квартиры (будто сам не знал!), а когда она отвернулась нажать кнопку вызова лифта, огрел по затылку специально подготовленной стальной телескопической дубинкой с набалдашником, обернутым в тряпки — убивать он никого не хотел. Вытащил из девчонкиного рюкзака винчестер, подошел к будке, в которой провел уже несколько дней, и тщательно стер все отпечатки. Видеокамеру в подъезде он отключил загодя.

Еще раз задумался — правильно ли он сделал, напав на соплячку, и что скажет начальство по этому поводу. Девчонка на полу зашевелилась и застонала — значит, жива. Мужчина вышел из подъезда на улицу, стараясь выглядеть неторопливым, прошагал с полквартиры, затем быстро нырнул в подворотню — на соседней улице у него была припаркована машина.

Он был расслаблен, ведь задание выполнено, хоть и с оговорками, и искомый предмет лежит в кармане плаща. Именно поэтому он не заметил отделившуюся от стены подворотни у него за спиной фигуру в темном.

Удар электрошокером сзади обеспечил мужчине первый в жизни провал — лишив мужчину не только подвижности, но и предмета, считавшегося целью задания.

Глава 2

Верно люди говорят — дурная голова проблемы на пятую точку завсегда сыщет. И угораздило же через Темную долину возвращаться, поленился, решил путь сократить. Вот и сиди теперь, жди, пока стадо зомби соизволит убратся.

Мотя пятый час сидел в кабине старого башенного крана на высоте приблизительно пятого этажа и матерился. Ругал он большей частью себя и свою лень, но доставалось и «долбаным трупам», и «свободовцам», и Хозяевам Зоны. Первых он чихвостил за тупость, «фрименов» за то, что плохо уговаривали идти на Болота в составе их группы, а хозяевам доставалось просто за сам факт их существования.

Он возвращался с богатым хабаром из Рыжего леса, все контейнеры были забиты под завязку, пришлось даже «мамины бусы» и пару «пустышек» в рюкзак кинуть. Фонащие «бусы» носить за спиной совсем не улыбалось, поэтому Мотя вынужден был завернуть на базу к «фрименам» за парой дополнительных контейнеров. Лишней тары у «свободных» бродяг не оказалось, но голь на выдумки хитра: «мамины бусы» были завернуты в остатки от научного комбеза — хоть какая, но защита.

Несмотря на свой вздорный характер, из всей сталкерской братии Мотя враждовал только с бандитами. Поэтому, когда на мосту, ведущем к выходу с базы, он столкнулся с Жорой Бурцевым, «фримен» отказался его куда-либо отпускать без традиционного «брудершафта» — собственноручно выгнанного самогона повышенной крепости. Пришлось возвращаться в казармы и в который уже раз «переходить на ты». После второго братания выяснилось, что Жора готовит караван на Большую землю, выступающий через пару часов, и предлагает Моте к нему присоединиться. Но потерянное время и нежелание кружить по Зоне — две порции Жориного самогона не в счет, для любого настоящего сталкера это детская доза, от которой даже не захмелеешь как следует — разбудили в нем задремавшее было упрямство. Хлопнув для ровного счета по третьей, Мотя не без труда надел тяжеленный рюкзак, троекратно расцеловался на прощанье и, слегка покачиваясь, двинулся в направлении Темной долины.

После отключения «Выжигателя мозгов» и открытия центра Зоны некогда крайне опасная локация стала едва ли не самым тихим местом. По ней не перестали бегать голодные и злые псы, кабаны и снорки, по щучьему веленью не пропали вдруг контролеры и кровососы, аномалий и грязных мест меньше не сделалось, но оттуда почти ушли люди — самые опасные твари из всех, населяющих Зону. Вся бандитская шушера сломя голову кинулась искать проход в Припять, а Темная долина зловещей осталась только по названию.

Не встретить Мотя Бурцева и не выпей с ним самогону, не полез бы он тогда геройствовать и не сидел бы сейчас на верхотуре, не зная, как избавиться от толпы зомби. А всего-то и надо было обойти парочку трупов стороной, а не палить им в головы. На выстрелы из всех щелей повывлезали «товарищи» по жизни после смерти в количестве не меньше полсотни туш и давай всей толпой Мотю ловить. От пары-тройки он бы отбил без проблем, но полроты заторможенных мертвецов умудрились взять Мотю в кольцо и загнать на башенный кран. Забраться наверх по лестнице им соображалки уже не хватало, но упрямства было не занимать, и они с упорством, достойным лучшего применения, уже пятый час топтались у подножья стальной конструкции в надежде, что им что-то обломится на обед. Мотя становиться чьим-то обедом не желал, но и придумать, как ему выкрутиться, не мог. Он попробовал пострелять зомби сверху, но быстро сообразил, что патронов не хватит, а ему еще предстоит дойти до Периметра. Гранатами забросать — слишком рискованно, эдак и кран вместе с собой обрушить недолго, а просить помощи посредством сталкерской сети ему не позволяла профессиональная гордость. Оставалось сидеть и ждать.

Отец Маши, известный физик, доктор наук, профессор Сергей Титаренко, пропал около года назад. Нет, слово «пропал» тут не очень подходит. Иногда от профессора приходили письма на Машин е-мейл с довольно стандартным текстом: «Маша, привет. У меня все хорошо, учись, не скучай, слушайся тетю, скоро вернусь. Папа». Письма были настолько стандартные, что Маша подозревала — их отправляет не папа, а какой-нибудь бот. Тем не менее Маша училась, слушалась тетю и ждала — когда же папа вернется. Единственное, что она знала, — папа с небольшой экспедицией отправился в Зону искать какие-то пространственно-временные сингулярности. Что это такое, Маша не представляла, но папа считал, что его открытие взорвет мировую науку. Папа вообще был помешан на науке, пропадал в институте сутками, а уж когда забрезжила возможность совершить мировое открытие — сорвался в Зону не раздумывая. Несмотря на многочисленные предупреждения — там опасно, там радиация, там мутанты, зомби, мародеры и прочая нелюдь. Да и стalkerам особо доверять нельзя — много и среди них швали.

Маша часто размышляла — за что ж ей такие родители безумные достались? У папы крыша съехала на физике, с мамой же — совсем клинический случай. Мама была гляциологом и палеоконтактером, исколесила полпланеты, исследуя льды, ледники и пытаясь найти во льдах следы пребывания на нашей планете пришельцев. Любимым фильмом мамы был карпентеровский «Нечто», и работа стала хобби. Или хобби — работой? Мама была счастлива в поиске, появлялась дома на пару месяцев, затем опять бросала дочку на мужа и сестру и уносилась в очередную авантюрную экспедицию. Сейчас мама зимовала на антарктической станции «Академик Вернадский», исследовала льды и искала в них вмерзшие древние бактерии, и надеялась заодно найти какого-нибудь замороженного монстра.

В отличие от папы, мама писала часто и даже умудрялась иногда выбивать себе право на видеочаты с дочкой, несмотря на дороговизну трафика в Антарктиде. Кроме того, мама рассказывала о том, что происходит на станции, в «твиттере» и выкладывала фотографии льдов и полярников в своем Живом Журнале. Так что для Маши мама была всегда как бы рядом. С деньгами особенно проблем не было, Маша с детства приучилась жить самостоятельно и не очень раздражать тетю, заглядывавшую раз в два-три дня проверить — не разнесла ли Маша квартиру, не завелся ли у Маши парень, не свихнулась ли Маша из-за переходного возраста. Но с Машей было все нормально. Она уже привыкла жить одна. Она соблюдала режим, ходила в школу, особо нахальных и влюбчивых одноклассников отшивала сразу, менее наглым строила глазки, позволяла носить портфель и водить в кафе (и не более того!), а в квартиру приглашала только пару подружек — потрепаться и почитать «деффачковые» журналы. Контролирующая организация, то есть тетя, была довольна, о чем и отчитывалась Машиним родителям.

И вот — все поменялось.

3

Маша одной рукой прижимала к голове пакет со льдом, другой безуспешно пыталась вскрыть конверт. Бумага была плотной и не поддавалась. Пришлось отложить лед и взяться за дело двумя руками. Эти руки немного дрожали — то ли от страха, то ли от предчувствия приключений, то ли — просто так дрожали. От удара по голове. Бумага поддавалась, порвалась, Маша сглотнула от предвкушения разгадки, но тут же сглотнула еще раз. Разгадка немного откладывалась. В конверте оказалось еще два конверта: маленький розовый, на котором фломастером было крупно написано «Маше», и серый — побольше и без надписей.

Маша часто играла в компьютерные игрушки. Происходящее напомнило ей обычный квест, а также старую сказку. Маша часто читала книжки.

— А внутри там иголка с жизнью Кашея, — пробормотала Маша, — только мы иголку ломать не будем, а вставим в швейную машинку — пусть Кашей поколбасится...

Очень хотелось открыть серый конверт, но законы квеста нарушать нельзя, решила Маша, и открыла розовый. Как и ожидалось, это было письмо от отца.

«Маня, привет.

У меня все хорошо, скоро собираюсь появиться дома.

Манек, у меня к тебе просьба. Передай, пожалуйста, серый конверт и диск одному нашему знакомому. Имя его тебе написать не могу, есть на то причины. Но ты должна его помнить — несколько лет назад он подарил тебе на Новый год большого плюшевого мишку. Вспомнила? Его телефоны, мобильный и рабочий, найдешь в старой записной книжке, что лежит на полке возле Шекспира. Звонить постарайся не из дома и не со своего мобильного, за домом и телефонами могут следить. Маня, чем быстрее ты это сделаешь, тем быстрее я вернусь домой. С меня аграмадный подарок, как вернусь!

Папа.

«ПОЖАЛУЙСТА — НЕ ОТКРЫВАЙ ВТОРОЙ КОНВЕРТ!!!

Я надеюсь на тебя».

«Ага, разбежался — не открывай конверт! Тут такие дела, я из-за его письма по балде получила, а самое интересное и не узнаю!» — думала Маша, вытаскивая из полки с Шекспиром старую (еще бумажную!) записную книжку отца. Но в душе она знала — не откроет она конверт, пока не позвонит дяде Андрею. О ком идет речь, она, конечно же, поняла сразу — Андрей Тимофеевич Синицын был сотрудником отца, доктором наук, и часто появлялся у них в доме.

Зудящая шишка на затылке подсказывала Маше, что пренебрегать советом про секретность звонков не стоит, однако выходить из дома и звонить от друзей было боязно. Вдруг этот урод еще дежурит где-то. Не полицию же вызывать — ах, мне по башке дали, спасите, дяденьки, мне позвонить надо! Выход нашелся быстро. Маша вспомнила, как в прошлом году Федоров из их класса купил анонимную симку, собирался позвонить и сообщить о том, что школа заминирована — так ему не хотелось контрольной по математике. Маша тогда сказала, что он идиот, и если поймают — никогда не расплатится. Симку она на всякий случай отобрала, Федоров благополучно провалил контрольную и долго потом не мог сидеть на пятой точке — отец у него был крут на воспитание. Федоров два месяца не разговаривал с Машей, а симка так у нее и осталась. Валялась где-то в столе.

Маша вставила симку в старый телефон мамы, валявшийся там же, в столе. На всякий случай ушла в ванную комнату и включила воду — так в старых шпионских фильмах люди защищались от прослушки — и набрала мобильный Синицына. Механическая женщина в трубке язвительным, как показалось Маше, голосом сообщила, что абонент отключен или находится вне зоны доступа. Маша чертыхнулась и набрала рабочий номер. Живая женщина не менее язвительным, как показалось Маше, голосом сообщила, что Андрей Тимофеевич в командировке в Японии и вернется через три недели. Маша робко поинтересовалась, как с ним связаться, на что тетенька недовольно сообщила, что наши мобильники в Японии не работают и что Андрей Тимофеевич иногда сам звонит из отелей. Из каких отелей — злая женщина уточнять отказалась категорически.

— Ну вот, папа, — оправдалась Маша в пространство, — теперь ты понимаешь, что я не могу его не открыть!

Выключила воду и пошла за ножницами.

4

А.Т.

Я сейчас в Лиманске, и я в полном дерьме. Меня надо отсюда вытаскивать, и на тебя вся надежда. Дело непростое, я понимаю. Но, уверен, ты рванешь сюда сразу же — как только поймешь, что я тут нарыл. Помнишь нашу дискуссию об

эвереттической сингулярности? Про возможность послышного тайминга временных вероятностей? Так вот, тут я нашел точку смещения. И экспериментально все доказал, и даже практические моменты использования ЭС наметил. Ты же понимаешь, это исполнение нашей мечты. Не только Нобелевка, это, вполне возможно, власть над миром:). На диске, что передаст тебе дочка, — основные результаты наших исследований. Но в открытом виде там только «синопсис». Все остальное закрыто RGP-ключом. Вскрыть это почти невозможно — длина закрытого ключа 8 килобайт. Это — небольшая гарантия, что я буду нужен. Открыть информацию могу только я.

Теперь к делу. Меня нужно отсюда вытаскивать. Требуется экспедиция в Зону. И только не надо мне ля-ля, что ты простой физик. Я прекрасно знаю, на какую контору ты НА САМОМ ДЕЛЕ работаешь! Так вот, учти — конкурирующая контора уже готова наложить на меня лапы, и именно от них, а не от зоновских монстров, я сейчас прячусь в Лиманске. Тем не менее не советовал бы впутывать твою контору в дело — все отберут, а нас уберут. Деньги на экспедицию у меня есть, остались с бельгийского гранта. Где спрятана карточка, дочка знает, пин-код к ней — тоже узнает, если составит дату своего рождения с датой твоего. И обязательно, слышишь, обязательно — попроси ее, чтобы отдала тебе (на время похода в Зону) тот подарок, что я ей подарил на 12 лет, тот, что она довольно редко носит.

Уверен, что как только ты помотришь «синопсис» на диске, ты сразу поймешь, что меня надо вытаскивать. Слишком большой куш, сам увидишь.

Мои координаты по гуглу: 51.340102, 29.970147, второй этаж, спросить аномалию перед выбросом.

Как войти — сам догадаешься. Не забудь подарок. Это ключ.

Жду.

Твой С. Т.

P.S. Дочка наверняка будет рваться в Зону с тобой, я ее знаю. Ни в коем случае!!!

P.P.S. Не следует набирать сталкеров в экспедицию по Интернету или объявлениям в газете. Лучше найди в Дитятках сталкера Мотю — он давний друг нашей семьи, он поможет набрать команду.

Маша отложила листок. Поморщилась. Мысли путались — то ли от удара, то ли от прочитанного. Так, надо подумать. Посидеть, подумать. А потом действовать. Непременно! В том, что надо действовать, Маша не сомневалась. Вот только как?

Маша всегда считала себя разумным человеком, несмотря на возраст, несклонным к опрометчивым поступкам. Родители даже немного гордились Машиной рассудительностью — и именно эта гордость позволяла им оставлять Машу одну дома на долгие сроки. И Маша не подводила их. Настолько, что папа не побоялся оставить Маше банковскую карточку. Она была спрятана в конверте за картиной, изображавшей несущийся подо всеми парусами чайный клипер. Конверт был приклеен к тыльной стороне холста. Там же хранилась наличность — Маше «на прожитье». Пин-кода карточки Маша не знала. Но теперь могла спокойно узнать.

Маша пошла в кабинет — включать папин комп. Надо было залезть в Википедию и узнать день рождения дяди Андрея, добавить дату своего — и четырехзначный пин-код прояснялся. Кроме того, Маша хотела узнать, есть ли в Дитятках банкомат — понятно, что надо будет нанимать сталкеров, а наличность в дорогу брать не хотелось.

Глава 3

На седьмом часу кукования Мотя озверел. Столько времени бездельничать под завывания и бормотания живых трупов — не каждый выдержит. Ошалев от многочасового сидения, он решился на отчаянный шаг. Утвердив набитый рюкзак в углу кабины и на всякий случай примотав его к рычагам управления найденной тут же проволокой, он закинул винтовку за спину и полез вниз.

Заметив, что загнанный сталкер приближается, заволновались зомби. Бормотание усилилось, на фоне общего нетерпения слышались даже довольные нотки. А еще говорят, что зомби безмозглые. Как же! Тупые? Несомненно. Но кисель, в который превратились их мозги, все еще был способен на какие-то эмоции — вон как похрюкивают довольно, предвкушая скорую трапезу. А вот дырку вы от бублика получите, а не Мотю, болваны гнилые.

Мотя не стал спускаться до конца, потому что на земле у него шансов не было вообще, задавили бы массой и не заметили. Он с лестницы перебрался на бетонный противовес и оказался над головами зомбированных, примерно метрах в двух. Плотным кольцом толпа окружила кран, со всех сторон к Моте тянулись гнилые конечности, а он стоял над ними и обалдело крутил головой от нереальности происходящего. Рок-звезда в окружении фанатов на кладбище, не иначе. Вот только он не Джим Моррисон и зомби не автографов хотят. Ну что ж, будет вам концерт ми-бемоль мажор для штурмовой винтовки и оркестра.

Мотя снял с пояса две дымовые гранаты, привел их в действие и расставил на некотором удалении, приготовил светозвуковую и, как только дымом заволокло всю площадку противовеса, швырнул ее за спину. Шум и свет произвели именно тот эффект, на который Мотя рассчитывал — зомби, потеряв из виду добычу, всей толпой ломанулись на звук, а Мотя не мешкая спрыгнул на землю и побежал в недостроенное здание. Он мог бы поклясться, что отчетливо услышал «Держи гада!», понесшееся ему в спину вместе с яростным ревом нескольких десятков глоток.

Ранее эту стройку занимали отморозки Борова, оборудовавшие в подвале что-то типа тюрьмы, в которой держали заложников. В нее-то Мотя и решил заманить зомби, самому выбраться через подвальное окно и захлопнуть дверь. При той медлительности, которой трупы славились, задача казалась вполне осуществимой. Мотя добежал до дверного проема, дождался, когда передовые зомби появятся из-за угла, и направился вниз по лестнице, ведущей в подвал, как вдруг периферийным зрением заметил небольшое искажение воздуха в коридоре первого этажа. «Эврика!» — вскричал бы Мотя, будь он древнегреческим математиком, но так как ни алгебра, ни геометрия в разряд его любимых дисциплин никогда не входили, он ограничился лаконичным «фигасе!» Мощная «мясорубка» во всей красе, свеженькая, с пылу с жару. Внутреннее устройство здания было хорошо известно, поэтому он, почти не задумываясь, взбежал на второй этаж, промчался по комнатам к другой лестнице и спустился ровно в тот коридор, но с обратной стороны от аномалии, и приготовился наслаждаться зрелищем. Спустя секунд двадцать в проем ввалились первые зомби, завидев сталкера, что-то радостно забулькали и, размахивая руками, как те мертвяки в голливудских ужастиках, поперли толпой на Мотю.

И началось! Первую парочку аномалия сплющила в блин, слегка блеснув желтым по центру. Третьего, четвертого и пятого она затащила в себя, сжала-скрутила их вместе в подобие мясного шарика и выплюнула миллионом ошметков. Тупые твари и не подумали останавливаться, они видели только добычу и лезли по коридору, толкаясь локтями, норовя первыми добраться до сталкерского мяса. А «мясо» стояло и замороженно смотрело на всю эту вакханалию.

Через пять минут все закончилось. Мотя, привыкший ко всякого рода зрелищам, дрожащими руками достал сигарету, закурил, постоял еще несколько минут, наслаждаясь дымом и приходя в себя, затем развернулся и медленно двинулся вон из здания. Не торопясь, но поспешая — солнце клонилось к закату, — он забрал рюкзак из кабины и через три часа без приключений вышел из Зоны. Еще через сорок минут он уже открывал бутылку

дешевого виски в «Трех парсеках», отмахиваясь от попыток Дианы, эффектной пышногрудой брюнетки, числившейся в баре официанткой, протереть ему лицо от грязи.

2

Милкин звонок можно было назвать удачей, а можно было — огромной удачей. Когда позвонила Милка, Маша уже полчаса околачивалась на автобусной станции, выясняя, как можно попасть в Дитятки — место, где находится один из КПП в Зону и где надо бы поискать stalkера Мотю. Выяснилось, что билеты до Дитяток просто так не продают — требуется паспорт. Которого у Маши по понятным причинам быть не могло. Маша сунулась было к водителю междугороднего автобуса, но тот везти за деньги без билета отказался категорически — на трассе контроль за водителями. За «подсадку» водителя могут без зазрений совести лишиться работы. Маша было загрустила, но тут позвонила Милка.

Во-первых, Милке было крайне любопытно, что же было в письме. Маше пришлось наплести что-то про подарок на прошедшие именины — блюрей-диск с новым фильмом братьев Коэнов. Про Коэнов Маша соврала специально — Милка терпеть не могла фильмы такого рода, и шансы, что попросит «киношку на посмотреть», были минимальны.

Во-вторых (и в-главных), Милка спросила, не хочет ли Маша прокатиться к ним на дачу в Пироговичи. Брат как раз на машине туда собрался. А там — шашлычок, в лес можно сходить за поздними грибами и все такое.

Маша, не отрывая трубку от уха, просочилась сквозь спины к огромной схеме маршрутов, висевшей на входе в автостанцию, и нашла глазами Пироговичи. Опаньки, это ж в паре десятков километров от Дитяток! Доехать на Милкином брате до Пироговичей, а там поймать попутку, или местным автобусом... Это было очень, ну просто очень заманчиво!

Человек, бывший когда-то консьержем, сидел в зале ожидания и делал вид, что читает газету, а поверх газеты незаметно наблюдал за девчонкой. Он успел сменить внешность — очки и накладная борода делали его похожим на садовода-дачника, дожидавшегося автобуса до любимой фазенды. Он не умел проигрывать и считал произошедшее лишь временной неудачей. И хоть после электрошока болело все, что может болеть, — бывший консьерж и не думал отступать. Пока все складывалось удачно — девчонка ничего не подозревала, и разговаривала сначала в кассе, а потом по телефону столь громко, что маршрут ее был бы ясен даже филеру-новичку. Когда девчонка выскочила из здания, человек, похожий на дачника, встал, раскланялся с соседями и пошел покупать билет до Дитяток. Именно там он планировал проследить за девчонкой и выяснить, кто же его так обидел. Он не был мстителем, но не любил и не умел проигрывать...

3

За окном «ситроена» проносился унылый осенний пейзаж. Путь до Пироговичей не такой уж длинный, всего-то сотня километров, но погода успела поменяться несколько раз — то выглядывало еще теплое осеннее солнышко, то набегали темные тучи, и в какой-то момент даже белыми полосами пронесся за окнами машины небольшой снежок. Милкин брат Петя сосредоточенно вел машину, не обращая внимания ни на погоду, ни на пейзаж, ни на шушукунье на заднем сиденье. Шушукались Маша и Милка. Маша рассказывала страшную историю, как на нее напали хулиганы, дали по башке, но она успела добежать до подъезда и ее спас консьерж, а потом Маша ходила в травмпункт, а потом... Милка охала и верила. Хотя и пискала порой — «Ой, не верю!» — и просилась потрогать шишку на Машиной голове. Маша болтала, пересказывала якобы папино письмо, и громко радовалась тому, что тетя без вопросов отпустила ее к Милке на дачу. Тетя доверяла Маше и благоволила Милке.

У Маши был план. И сейчас, слушая Милкино щебетание о том, какие у них на даче клевые пацаны и девчонки в соседях, Маша ждала нужного момента. Она уже знала, что на

повороте на Пироговичи Милкин брат всегда останавливается и пьет пиво в небольшой кафешке — дальше гаишников можно не бояться, приехали уже почти, километров пять до дома. После того как брат выпьет пива — можно начинать действовать. А пока Маша проверяла — все ли у нее с собой. Письмо она уничтожила, выучив его наизусть. Карточка с деньгами была надежно спрятана в потайном кармашке — не будем уточнять где. В рюкзаке — проверенный ПДА, любимый папин многолезвийный ножик «Викторинокс», смена белья, комбинезон по типу сталкерского, новые кроссовки. Немного наличности — тоже спрятано. В очень-очень надежном месте! Под подкладкой кожаной курточки.

На груди под футболкой — кулон. Тот самый подарок на день рождения, что папа упоминал в письме. Кулон папа сам сделал из опытного образца миниатюрного полупроводникового лазера. Лазер выдавал луч необычайно красивого бирюзового цвета, но в производство так и не был пущен — его себестоимость сильно превышала цену серийных китайских красных, синих и зеленых лазеров. Папа тогда гордо сказал, что дарит дочке уникальный экспонат, один из трех сделанных. Уникальностью частоты излучения Маша тогда не вдохновилась, но кулончик был весьма изящным, да и с котом было играть прикольно — за бирюзовым пятном кот носился с гораздо большим энтузиазмом, чем за красным от дешевого брелка-указки.

Поворот на Пироговичи приближался. Петя съехал с трассы и остановился у небольшого павильончика со странной вывеской «Вдали от жен». Это и был искомый бар. Петя велел не скучать пять минут и скрылся в дверях питейного заведения.

— Про пять минут врет! — недовольно заметила Милка. — За пять минут только одну можно выпить, а ему минимум три подавай! А нас уже там девчонки заждались, шашлык готов небось!

Маша рассеянно кивнула. Она смотрела на проезжавшие по трассе машины и пыталась разглядеть хоть какой-нибудь местный автобус. Надо, чтобы он шел навстречу, в сторону Киева. Левую руку Маша держала в кармане куртки, в руке был зажат телефон. Большой палец лежал на кнопке «PLAY» — чуть надави и телефон заиграет музыкальную тему, ту самую, что всегда звучит у Маши при входящих звонках.

— Ну и где же этот отмор? — Милка начинала кипятииться, вот-вот взорвется от нетерпения. Уж очень ей хотелось к девчонкам, пацанам, шашлыкам и красному сухому вину. О том, что на даче они иногда тайком пьют с друзьями вино, Милка успела Маше сообщить загадочным шепотом на ушко еще до того, как они сели в машину.

В это время Маша заметила на горизонте автобус — древнюю дребезжащую тарантайку. Неважно, куда он шел — в Киев или куда-нибудь еще, но он шел навстречу. Надо было действовать. Маша нажала «PLAY» — телефон заиграл любимую «Money for Nothing».

— Ой, помолчи секунду, ладно, — доставая телефон и прикладывая его к уху, попросила Маша продолжавшую распалиться Милку. — Але, я слушаю. Да, тетя. Ой, что случилось? Да ты что?! Я сейчас приеду!

Маша стала выбираться из машины.

— Ты куда? Ты с ума сошла? Что случилось? Ты обратно? А как мы? — испуганно и расстроено запричитала Милка.

— Мил, ты прости, — прервала пулеметную очередь из вопросов Маша, — у меня тут аварийная ситуация. Это тетя звонила. Она просто бестолочь какая-то — зашла в нашу квартиру, хотела запереть дверь изнутри, а ключ в замке сломался. Теперь она не может выйти, надо дверь снаружи моим ключом открыть. Мне надо ехать, а то у тети какие-то важные дела и она грозит вызвать спасателей, чтобы они ломали дверь или доставали ее через окно... Ага, через окно — она же полтора центнера небось весит, лестница сломается... Короче, ехать надо. Срочно.

— Маш, ну я щас Петьке скажу, он тебя обратно отвезет, — опрометчиво предложила Милка. Потом резко загрустила. — Хотя, наверное, сначала убьет. Но затем отвезет...

— Ну куда он отвезет, он же выпил уже. Даже не дергай его. Вон видишь, автобус идет, я на нем. Деньги на билет есть. Все, побежала, не обижайся, привет соседям и шашлыкам, я

рванула, пока-пока, я позвоню, чмоки-чмоки! — с одного вдоха выпалила Маша, схватила рюкзачок, выскочила из машины и побежала к остановке, что серела через шоссе напротив.

Милка так и осталась сидеть с открытым от неожиданного поворота событий ртом. И когда Маша, даже не посмотрев, куда направляется полупустое дребезжащее колесное чудо ретро-техники, вскочила в него, сунула шоферу мелкую бумажку, невнятно пробормотав «До поворота, тут рядом», и пробралась на сиденье у левого окна, чтобы помахать на прощанье рукой, рот у Милки все еще был открыт.

На следующей же остановке Маша сошла. Перешла шоссе обратно. Наступала более сложная фаза плана — ловля попутки до Дитятки. День был в самом разгаре, ярко светило наконец освободившееся от путы туч осеннее солнышко. Хотя ветерок был все же прохладный, но Маша, как любой самоуверенный подросток, не сомневалась, что замерзнуть не успеет. Деньги у нее есть, заплатить она сможет, сейчас не ночь — и всяких маньяков можно не бояться. Да и в Дитятки ездят только благородные люди, почти такие же благородные, как сталкеры. Про то, что сталкеры очень благородные, Маша читала в беллетристике и еще в газете «Мидянская правда» в заметках знаменитого журналиста Василия Горихова. На этом познания Маши о сталкерах и заканчивались, разве что еще из заметок Горихова было ясно, что любимый напиток сталкеров — коктейль «Хемуль», получаемый из мескаля, настоящего на хитрых червеобразных артефактах. А Мотя, когда бывал у Титаренок дома, ничего про зону не рассказывал. Точнее, Маше не рассказывал. А с Машиным отцом они доставали из морозильника бутылку, запирались на кухне и гудели там до утра.

Первые несколько машин, в основном легковушек, просто проигнорировали поднятую руку. Маше даже пришлось чуть пройти по шоссе от остановки — возле остановки на трассе была лужа, и проезжающие транспортные средства так и норовили окатить девочку грязной осенней жижей. Ветерок не стихал — Маше становилось зябко. И кто придумал делать остановки в чистом поле, да еще ни одного киоска рядом? Хоть бы чаю попить горячего! Маша достала из рюкзака пакетик орешков, почему-то вспомнила журналиста Горихова и стала потихоньку потреблять сей калорийный продукт, не забывая салютовать проезжающим автомобилям.

Наконец было повезло. Обшарпанная бортовая «Газель» притормозила, из нее высунулась небритая носатая физиономия, и, цыкнув зубом, спросила: «Куда тебе, дэвочка, маладая-красывая?» Ноги сами отнесли Машу метров на двадцать назад, подальше от сального взгляда. Водила разочарованно плюнул, но больше ни на что не решился — «Газель», фырча и дымя, скрылась за горизонтом.

Маша вдруг почувствовала, что уверенность начинает покидать ее. Вот ведь, рядом Милкина дача, там шашлыки, там костер, там можно клево потусоваться... Провести ночь в тепле, а завтра утром придумать что-нибудь еще — и рвануть. А папа... Его несколько месяцев не было, подождет еще денек, в конце концов. Маша ругала себя, обзывала всякими словами, пытаясь бороться с таким вот внутренним голосом, съедавшим ее решимость. Потому что был еще один внутренний голос (надо же — а их ведь целых два, внутренних голоса, хмыкнула Маша), который ясно давал понять: надо спешить, иначе может что-то случиться.

Внутреннюю борьбу между ангелом и бесом в Машиной душе решил счастливый случай. А точнее, дальнбойный КАМАЗ, тормознувший на инстинктивно поднятую Машину руку.

— Куда тебе? — пожилой усатый водитель вызывал невольное доверие. Лицо было усталое и доброе.

— В Дитятки, дяденька, не подбросите? — Маша скорчила умильно-просящее выражение, как у кота из «Шрека-2». — У меня деньги есть, не беспокойтесь... Сколько надо?

— Да какие, дочка, деньги? Все равно туда еду. Залезай!

Маша торопливо впрыгнула в кабину, уселась на пассажирское сиденье. В кабине было жарко, и Маша даже немного поежилась от накатившего тепла.

— Замерзла? — посочувствовал водитель. — Ничего, сейчас согреешься. И что, позвольте узнать, столь юная леди делает на трассе вдали от цивилизации в холодный осенний день? Кстати, меня дядя Ираклий зовут. А тебя?

— А меня — Маша! А вы куда едете в Дитятках? На КПП? — Маша попыталась увести разговор в сторону.

— Нет, я на склад к бабе Нате, товар везу. Аж с Одессы, из порта. — Видимо шофер полагал, что раз уж Маша едет в Дитятки, то она без сомнения должна знать, кто такая баба Ната.

Маша немного подумала и решила не переспрашивать, кто же такая эта знаменитая старушка.

— Ну а все-таки, к кому едешь и как тут оказалась? — Шофер не унимался, похоже, ему просто хотелось поговорить, как и любому дальнобойщику-одиночке. Сенсорное голодание — этот термин был Маше знаком из уроков национальной социопсихологии.

Маша тихонько вздохнула и приготовилась врать. Она вообще не ожидала от себя такого. Вроде и дома, и в школе никогда не отличалась способностями к устному сочинительству. Тут ее на лопатки клала даже Милка, особенно когда плела девчонкам, какого она парня встретила на прошлой неделе, и как этот парень на Милку посмотрел, потом пригласил потанцевать, потом позвал на свидание, а Милка не пошла... А теперь Маша слушала себя и поражалась, как складно у нее получается...

— Ой, дядя Ираклий, тут такое было! Ехала я, значит, в Дитятки, а автобус такой дурацкий, развалина полная, да еще шофер дурацкий дурак — как начал курить, а у меня аллергия, а он еще дрянь какую-то курит дурацкую, а я ему говорю: не курите, а он молчит, я опять говорю, а он молчит, я тогда кричать стала, что мне плохо, а он, дурак дурацкий, меня взял и высадил. Жди другого автобуса, говорит, а я не могу за рулем не курить, а если не буду курить, то обязательно врежусь. А тут бабка какая-то дурацкая за него встала — не надо врезаться, говорит, иди, девочка, отсюда...

Маша ненадолго прекратила разыгрывать дурацкую дурочку. Впереди показался поворот на Пироговичи, и у бара до сих пор стоял «ситроен» с Милкой на борту. Похоже, Петя решил не ограничиваться парой кружек. Маша ему не позавидовала — разъяренной Милки даже учителя боялись, а в том, что Милка в ожидании брата налилась злобой по самую макушку, Маша не сомневалась. Когда проезжали «ситроен», Маша сделала вид, что у нее развязался шнурок, и пригнулась, якобы завязывая. Не дай бог Милка заметит.

До Дитяток оставалось чуть больше двадцати километров.

Глава 4

1

Яркий свет пробивался через веки и однозначно намекал — уже утро. Или даже день. Но разлеплять веки ой как не хотелось. Почему-то казалось — как только откроешь глаза, сразу на организм обрушатся все прелести похмелья. И окажешься, как любит говорить Боцман, «вдали от самочувствия». Но вставать все-таки надо. Нас ждут великие дела. Сюр поднялся и сел на кровати — пока не открывая глаз. Нашарил под кроватью пластиковую бутылку с минералкой, открыл на ощупь. Живительная влага вступила в неравную борьбу с сушняком. Все. Пора. Сюр открыл глаза и понял, что был прав. Свет кинжалом разрезал мозг на мелкие кусочки и каждый из них начал пульсировать болью.

— Так. Алкагельцер, потом пиво! Или пиво, потом алкагельцер! — простонал Сюр в пространство. В квартире никого не было, да и не должно было быть. Семья, точнее — бывшая семья, обитала в Киеве, а здесь, в Дитятках, Сюр жил один.

Пространство ехидно молчало. Оно уже знало, что пива нет. Не просто «пива нет», а ПИВА НЕТ! Таблетка алказельцера шипела в стакане слишком громко, добавляя болезненной пульсации в мозг. Шипение из ехидного превратилось в издевательское, когда Сюр убедился, что пива действительно нет. И даже рассола в холодильнике нет...

— Что ж я так вчера нажрался-то? — продолжил Сюр мысленную беседу с пространством.

Боль немного спадала, воспоминания возвращались. Сюр вспомнил, что вчера в «Трех парсеках» появился Мотя. И проставлялся. Ибо весьма удачно для себя спасся от толпы зомбаков. Потом за столом возникли Боцман и Транец. Потом Крот. Потом еще кто-то. Пили какой-то ужасный вискарь. Потом вискарь в баре закончился. Пили «Хемуль». Боцман и Транец спорили, кто принес самый крутой артефакт, потом почему-то решили, что самый крутой артефакт у того, кто попадет бутылкой в вентиляцию. Диана им навтыкала. Сюр доказывал Моте, что тому пора перестать ходить в Зону одному. Боцман, расстроенный, что не удалось покинуть бутылки, сцепился с Кротом и попытался дать тому в глаз, но промахнулся. Мотя доказывал Сюру, что с такими алкоголиками как они в Зону ходить нельзя — пропьют Монолит нафиг, если даже и найдут. Транец разъяснял Диане основные постулаты экзистенциализма по Хайдеггеру. Сюр убеждал Мотю, что в Зоне он совсем не пьет. Ну, почти не пьет. Мотя случайно, не со зла, проговорился, что у Сюра и компании в Зоне — ореол неудачников. Или ареал. Мотя был уже слишком пьян, чтобы разбираться в лингвистике, а Транец был слишком увлечен осоловевшей от экзистенциализма Дианой, чтобы что-то разъяснить. Сюр согласился, про ореол. Или ареал. Вспомнил, что деньги кончаются и надо опять переться в Зону. Помрачнел. Заказал тутовой водки. Потом медовой с перцем. Дальнейшие события благополучно скрылись в тумане...

Сюр посмотрел на костяшки пальцев — целы. Значит, морду никому не бил. И то хорошо. Прошаркал в ванную комнату, сунул голову под холодную воду. Боль отступила и затаилась. Нет, без пива ее не победить. Надо идти. За пивом. К автостанции. Пиво — это маленькая жизнь.

Улица встретила Сюра мерзким, но весьма бодрящим ветром. Да, это вам не Хургада с Сочами, подумал сталкер, поднимая воротник. До автостанции, где киоски с пивом, надо было пройти чуть меньше километра. Но и не Зона, утешил себя Сюр, там бы я этот километр мог бы и сутки переться. Изнывая от опять накатившей сухости организма, Сюр быстро, но стараясь не делать резких движений во избежание нового внутричерепного залпа, зашагал к станции. Тихо здороваясь со встречными.

2

Маша думала, что Дитятки — это небольшая деревенька вокруг КПП, вроде дачного поселка. Оказалось — все не так. Весьма солидных размеров городок, с многоквартирными домами, людной центральной улицей. Да и автостанция, где шофер Ираклий высадил Машу, была совсем не маленькой. И народу на ней тусовалось прилично — кто-то ждал автобуса, кто-то просто слонялся и разговаривал со знакомыми, несколько мужиков радостно похмелялись у киоска с пивом, какая-то бабка ходила с табличкой «Сдаю комнату», другие бабки торговали сигаретами, вяленой рыбкой и магнитиками на холодильник с видами Зоны.

Дядя Ираклий так и не поверил Машиной байке про то, что она едет к брату, который служит здесь в армии на КПП, чтобы пожаловаться на отца, который стал слишком много пить, и маму, которая... Шофер почему-то сразу уверился, что Машин брат совсем не в войсках служит, а вовсе даже бродяга-сталкер, а эту братию дядя Ираклий почему-то не любил. А любил он — Маша аж зажмурилась от нового слова — заниматься филобутонистикой. Короче, пуговицы коллекционировал. И не просто коллекционировал, а был активистом и даже создал общественную организацию легальных филобутонистов с волчьим названием ВОЛФ. Монологом о пуговицах и была занята оставшаяся часть пути, а когда Маше начало казаться, что дядя Ираклий слишком уж внимательно приглядывается к пуговицам на рукавах ее курточки, показались Дитятки. Маша пробормотала что-то про то,

что брат встретит ее на автостанции, и опять хотела было предложить шоферу денег, но тот возмущенно отказался. Попрощавшись с филобутонистом, Маша хлопнула дверью кабины и отправилась в неизвестность. На автостанцию, где, как она разумно полагала, можно начать расспрашивать население.

Действительность оказалась весьма печальной. Почему-то, когда Маша начинала спрашивать у людей про сталкера Мотю, все начинали отводить глаза и бурчать в сторону, что ничего не знают. Ни бабки, ни мужики у киоска помогать Мане в поисках не желали. Отводили глаза и посылали за информацией то в поселковую администрацию, то в полицию. Мол, там посмотрят списки регистрации и дадут адрес. Похоже, либо Мотя был настолько малоизвестен жителям Дитяток, либо, о чем Маша начала постепенно догадываться, само слово «сталкер» отпугивало людей. Маше совсем не улыбалось появляться в официальных организациях, у нее самой не было документов.

Но Маша не отчаивалась. Пока.

Она решила оглядеться, присмотреться и подумать. Подошла к киоску, купила стакан чаю и сосиску в тесте. Присела на скамейку. Чай был невкусный, из пакетика, но горячий и сладкий. Тепло растеклось по телу, аж щеки зарделись. Мозги заработали, мысли забегали, но ничего более путного, чем осмотреться повнимательней, эти мысли Маше не предложили. Так, вот народ, самый разношерстный, ждет автобуса. Вот мужики за высокими столиками у киоска делают вид, что пьют пиво, а на самом деле — водку с пивом. Неприятные какие-то мужики, особенно один, в темных очках. Все над Машей смеялись, мол, зачем такой молодой-красивой всякие сталкеры, мы-то лучше... А этот угрюмо молчал, отвернувшись. Маше от него почему-то стало не по себе. Вот бабки, ждут, когда с автобуса повалит толпа. Чтобы продать что-нибудь ненужное. Бабки обычно отличный источник информации, но эти оказались какие-то неразговорчивые. Наверно, это бабки-мутанты, только из Зоны выползли, хихикнула Маша. Осмотрелась еще раз. О! Вот это нам подходит!

Усатый мужик, высокий и здоровенный, запрокинув голову, жадно глотал пиво из банки. На лице мужика угадывалось вселенское блаженство. При этом мужик не был похож на банального алкоголика. Полувоенная одежда, чуть потрепанная, но аккуратная, да и в самом мужике чувствовалось что-то военное. Неужели сталкер? Маша собрала всю свою решимость, приукрасила лицо самой обаятельной и трогательной из своих улыбок, выбросила в урну стаканчик из-под чая и двинулась к мужику.

3

— Здравствуйте. Извините, пожалуйста, можно вам задать вопрос?

Сюр оторвался от живительной банки. Благо и пиво в ней иссякло. Опустил глаза. Перед ним стояла девчушка лет четырнадцати. В кожаной курточке, джинсах, кроссовках. Явно не местная, скорее всего — городская. Смотрела просительно и доверчиво. Пивная благодать уже расплзалась по телу Сюра, он был добрее доброго и готов был возлюбить весь белый свет.

— Что тебе, девочка? Спрашивай — не стесняйся!

— Дяденька, скажите, а вы — сталкер?

Сюр аж закашлялся. Но любовь ко всему белому свету продолжала бурлить в венах.

— Ну, как тебе сказать, девочка... В общем, в каком-то смысле я — что-то вроде того...

— Ой, как замечательно! Видите ли, господин сталкер, мне очень-очень надо найти одного вашего товарища! Очень-очень!

— Девочка, — назидательно произнес Сюр, — не все сталкеры — товарищи между собой. Скорее, наоборот. Но я готов тебе помочь. Кто тебе нужен?

— Есть такой сталкер, его тут все Мотей зовут. Вот он мне и нужен!

Если бы было, чем поперхнуться, Сюр поперхнулся бы во второй раз. Но он сдержался.

— А ты ему кто будешь?

— Я Маша, его сестра. Двоюродная. И любимая, между прочим. А сейчас он мне очень нужен.

Мысли Сюра резко прояснились. Девочка явно врала, Сюр это чувствовал. Мотя, хоть был всегда скрытен, как-то проговорился, что родственников у него с гулькин нос. На подружку Моти девчонка тоже не походила — не был замечен Мотя в привязанности к малолетним малолеточкам. Что-то тут не так!

Сюр сделал вид, что опять приложился к банке. Незаметно осмотрелся. И почувствовал, что за ними наблюдают. Девчонка явно не одна. Кто с ней? У Сюра опыт и слежки, и ухода от оной имелся в достаточном количестве — молодость его была весьма бурной, в какие авантюры он только не влезал, пока не подался в сталкеры. А походы в Зону чутья лишь добавили — без чутья в Зоне никак. Вот и сейчас Сюр вычислил филера почти мгновенно. Мужик в толпе алкашей у киоска. В темных очках. Вроде бы смотрит в другую сторону и общается с собутыльниками. Глаз не видно, но по мимике похоже, что смотрит именно он — косится на них с девчонкой.

Так, девочка — казачка засланная. Похоже, у Моти неприятности. И не только в Зоне, но и снаружи. Кто пытается вычислить Мотю — полиция, спецслужбы или бандиты, — Сюра не очень интересовало. Хотя, судя по тому, что подослали малолетку, скорее бандиты... И сдавать братка Сюр не собирался.

— Вынужден тебя огорчить, Машенька. — Машу аж передернуло, она терпеть не могла обращения «Машенька», но сейчас стерпела. — Я хорошо знаю Мотю. Он ушел в Зону три дня назад и вернется только недели через две. ПДА он включает крайне редко, связаться с ним сложно. Так что езжай-ка ты домой. Автобус уже скоро, а следующий будет поздно вечером. Пока.

Глядя в по-анимешному расширившиеся глаза девчушки, Сюр испытал было небольшой укол совести, но быстро подавил в себе сомнения, смял пустую банку в кулаке, швырнул в урну, не попал. Повернулся, и, ощущая спиной два взгляда — обиженно-расстроенный и напряженно-заинтересованный, — неторопливо зашагал прочь. Не в сторону дома. Так, на всякий случай. Надо набрать Мотю, но тот ведь наверняка мобилу вырубил. Придется ловить его позже. В «Трех парсеках», когда похмеляться придет.

4

Сказать, что Маша была в шоке, — ничего не сказать. Как будто второй раз по башке получила. Растерянность навалилась, омраченная мраком неизвестности и неуверенности в будущем. Раньше Маша действовала по вполне продуманной схеме, казавшейся весьма логичной и успешной. Теперь все рушилось. Что дальше делать — непонятно. Самым разумным было бы отправиться домой. Подождать пару недель, там, может, Синицын объявится из своей Японии или Мотя вернется из Зоны. Тем более вот он, автобус, подошел и народ в него неспешно грузится.

В какой-то момент Маша даже решила так и поступить и сделала несколько шагов в сторону автостанции. Но потом ее как будто что-то удержало. Нет, надо еще покумекать. Ведь папа явно в беде, и ему нужна срочная помощь. Чтобы не смотреть на народ возле автобуса, мешающий сосредоточиться, Маша зашла за какой-то киоск и села на пустую деревянную скамейку, окруженную окурками.

Что делать? Самой нанимать команду сталкеров? Маша прекрасно понимала, что это задача малореальная. Как только она засветит деньги и карточку, есть большая вероятность, что тут же без денег и останется. Тогда вообще конец всему... Обратиться в военную полицию? Тогда точно останется у разбитого корыта, а делать они ничего не будут. Есть еще спецслужбы — вроде той, в которой работает Синицын и которую упоминал в письме папа. Но как ее найти? В приемную СБУ звонить? Бред какой-то.

Маша хлопнула себя по лбу. Вот ведь дура! Надо догнать того мужика усатого, что Машенькой называл и про Мотю отвечал. Он ведь сталкер, явно. Попросить помочь. Судя по всему, он не жулик и не бандит. Маша вскочила со скамейки, обогнула киоск и выбежала на

площадь. Огляделась. Мужика и след простыл. Как простыли следы большинства обитателей площади — автобус, мигая поворотником, отъезжал в сторону трассы. Площадь автостанции казалась совершенно пустой, лишь по другую ее сторону мужики у киоска продолжали запивать водку пивом. Или наоборот.

Даже бабки куда-то пропали. А ведь я могла бы у какой-нибудь из бабок комнату снять и пересидеть, подумала Маша и еще больше расстроилась. А теперь фиг уедешь, следующий автобус неизвестно когда ночью. Руки опустились. В буквальном смысле. Маша, жалея себя, побрела обратно к насиженной скамейке. Села.

И заплакала. Тихонько и безнадежно. Уткнулась лицом в ладони.

5

— Че реवेशь? — тонко, но с хрипотцой, сказали из темноты.

Маша отняла ладони от глаз, сощурилась от света. Поморгала, чтобы лучше рассмотреть вопрошающего. Напротив стоял пацан. Лет четырнадцати, как Маша, или даже чуть помладше. Пацан был колоритный. В зеленом спецназовском комбезе, явно перешитом под маленький рост, из-под комбеза проглядывала тельняшка. К такому комбезу подошли бы шнурованные армейские ботинки и голубой берет, но мальчишка был в легких, не по сезону, кроссовках и бейсболке с надписью «Boston Red Sox».

Пацан смотрел на Машу участливо и вопрошающе.

— А тебе какое дело? — вежливость Маше в такие моменты была несвойственна.

— Да, в общем, никакого. Иду, никого не трогаю, примус починяю... Смотрю, сидишь ты и реवेशь.

— Ну и реву, а тебе-то что?

— Ну, — пацан вдруг смутился, — я думал, может, помощь нужна какая...

— Да какая от тебя помощь? — Маша уже не старалась отшить, а просто удивилась.

— Вообще-то я здесь живу. И всех знаю. Ты на автобус опоздала? Тебе уехать надо? Хочешь, с водителями с базы договорюсь?

— Ничего я не опоздала! Мне другое надо! И ты тут не поможешь! — Маша опять начала раздражаться от спокойного тона мальчишки.

— Ну а вдруг? — парень вдруг улыбнулся. Искренне и обаятельно.

— Да не вдруг. Мне человек один нужен. А мне сказали, что он в Зоне. Не пойдешь же ты его в Зону искать?

— Хе-хе, я б мог бы и в Зоне поискать, делов-то. А что за человечек?

— Сталкер один... Мотей зовут...

— Что? Мотя в Зоне? — Пацан расхохотался, но не обидно. — Ой, не могу, держите меня четверо!

Надежда всколыхнулась в Маше светлой и теплой волной.

— А где же?

Неужели этот урод пивной-усатый обманул?

— Да, небось еще дома, с бодуна мается. Они вчера, говорят, в «Трех парсеках» так погуляли, что сегодня с утра Диана новые столы заказывала.

Усатый здоровяк был тоже с бодуна, смекнула Маша.

— А ты знаешь, где он живет? Мне очень-очень он нужен.

— Где живет — знаю только примерно. Улицу. Да и не принято это у сталкеров — адресами делиться. Но где будет сегодня — могу сказать наверняка.

— Ну?! Говори!

— Кстати, меня Дима зовут, а тебя как?

Маше было не до ритуалов знакомства, но ответить требовалось.

— А меня Маша. Титаренко.

— Оп-па! Ты случайно не дочка профессора Титаренко?

— Ну да. А ты его знаешь?

— Нет. Только слышал. О нем по Зоне всякие легенды ходят.

— Ой, как интересно. Потом расскажешь, да? А сейчас лучше помоги мне найти Мотю.
— Да чего его искать? Наверняка скоро в «Три парсека» похмеляться придет. Если там не ночевал.
— «Три парсека» — это где?
— На Малой Коммунистической, — сообщил Дима и ехидно добавил: — во дворах... Маша намек поняла.
— Проводишь?
— Спрашиваешь! Только в сам кабак не пойду, не хочу я там светиться...
— А далеко?
— Минут за двадцать дойдем...

6

Человек, который был недавно консьержем, отставил в сторону пластиковый стакан, в котором в пропорции четыре к одному были смешаны пиво и водка. Пьяная болтовня сотрапезников ему совсем не мешала наблюдать сквозь темные очки за мечущейся по автостанции девчонкой. Даже когда она подошла к его компании, он не волновался — не узнает. Он вообще мало волновался во время работы. Алкоголь на него почти не действовал — и он сохранял вполне здравый рассудок, хотя собутыльники от серьезной дозы «ерша» уже с трудом держались на ногах. От падения их спасал высокий столик, спасательным кругом расположившийся внутри компании. Речь соратников по пьянке стала окончательно бессвязной. А бывший консьерж продолжал присматривать за девчонкой. Он уже понял, что она ищет какого-то Мотю, сталкера. Он хотел знать, куда она пойдет. Но девчонка была совершенно бестолковой. Никак не могла решиться куда-то пойти, а все бродила кругами, приставая к прохожим. Потом поговорила с каким-то усатым (консьерж сразу угадал в нем то ли бывшего военного, то ли мента) и удалилась реветь за киоск. Человек даже подумал было, что все сорвалось и девчонка рванет обратно в город. Но огорчился он недолго. Девчонка появилась из-за киоска с каким-то субтильным пацаном и они двинулись в сторону центральной улицы.

Человек торопливо попрощался с невнятно мычащими собутыльниками и двинулся за подростками. «Ерш» все-таки ударил по ногам, и человека при первых шагах шатнуло, но он быстро, небольшим усилием воли собрался и продолжил слежку. Цель была близка.

7

— ...а когда твой отец дошел до нужной точки и прогнал сталкеров домой, они обалдели! Мол, куда ж вы дальше пойдете? С двумя аспирантами! Но профессор их отправил и исчез. Но не погиб, иначе следы бы нашли — многие сталкеры туда потом ходили, поживиться остатками оборудования хотели! У него ведь целая тележка приборов была. А те сталкеры вернулись и сказали всем в «Ста рентгенах», что профессор сумасшедший... А еще ввали, что его укус мутанта не берет...

Дима рассказывал Маше сталкерские байки, возбужденно размахивая руками. Они шли по Руслу — центральной улице Дитятков, довольно многолюдной. Точнее, Маша шла, а Дима то забежал вперед, заглядывая Маше в лицо, то, опомнившись, старался идти рядом. В какой-то момент Маша так увлеклась, что поняла — она слушает этого мало знакомого пацана с открытым ртом. Отец начал представляться Маше с неожиданной, легендарной, стороны.

— А вот еще говорят, — Дима опять забежал вперед, заглянул Маше в лицо, — что твой отец с инопланетянами связался и его на тарелке увезли...

Маша не успела удивиться столь странной сталкерской легенде. Ибо Дима немного изменился в лице, но продолжил тем же тоном и размахивая руками как ни в чем не бывало:

— А еще, Маша, за тобой хвост! Ты только не оборачивайся, иди как шла, рот не закрывай, слушай мои байки.

Маша вздрогнула, но выполнила наказ юного спутника. Лишь спросила:

— Кто?

— Мужик какой-то. В темных очках. Со станции за нами прется. Не волнуйся, сейчас мы оторвемся.

Маша не поверила. Как можно оторваться в небольшом городке? Это же не в метро впрыгнуть. Центральная улица Дитятков, по некоторым табличкам носившая имя Ленина, а по другим называвшаяся Русло, была хоть и многолюдной, но просторной. На нее торцом выходили пятиэтажные «хрущевки» и небольшие частные дома — одно- и двухэтажные. Куда спрятаться? Дима понял Машино смятение.

— Как свернем на Садовую, там сразу слева будет забор. Сплошной. В одном месте отходит доска. Возле номера семь. Нырять туда и сидим тихо. Поняла?

Маша потрясенно кивнула. Неплохого спутника ей судьба на этот раз подкинула.

— Так, поворачиваем налево и сразу бегом — пятьдесят метров! — прошептал Дима.

Так они и сделали. Свернули и припустили. Дима бежал впереди, отсчитывая доски. Наконец нашел нужную, отвел в сторону, мотнул головой — мол, полезай быстрее. Маша нырнула в узкую щель, Дима — за ней. Доска встала на место, Дима прошептал «А теперь — тихо!», и ребята затаились за забором, стараясь сдержать сбитое бегом дыхание.

Через полминуты за забором послышались торопливые шаги. Какой-то человек прошел мимо, потом притормозил и начал заглядывать в ворота и калитки. Маша совсем перестала дышать. Человек еще немного побродил по переулку с гордым названием «Улица Садовая», потом, отчаявшись, вернулся на центральную улицу.

— Посидим тут еще немного. — Дима наклонился прямо к Машиному уху, и Маша поняла, что означает неоднократно читанное в книгах понятие «жаркий шепот», — вон скамейка.

Маша поняла, что больше не может сидеть на корточках — ноги затекли. Присела на небольшую чугунную скамейку, огляделась. Скамейка располагалась возле большого стационарного мангала, в глубине сада белел большой двухэтажный каменный дом.

— Не волнуйся, — прошептал Дима, — там сейчас нет никого. Хозяин... ну, в общем, в Зоне. А сторожит дом один алкаш местный, он только по ночам здесь.

Маша поняла, что ничуть не волнуется. Приключения, еще не так давно грозившие прекратиться, продолжались, и в Маше крепла уверенность, что все будет хорошо.

Только холодно что-то. Но ничего, потерпим.

Они посидели еще с полчаса. Молча. Потом Дима осторожно отодвинул доску, выглянул. Повертел головой. Никого. Дима поманил Машу за собой, и они по очереди протиснулись сквозь щель в заборе обратно в проулок. До бара они добрались уже без приключений, хотя и постоянно оглядывались.

8

Человек, бывший не так давно консьержем, очень злился. На себя. Давненько он не испытывал таких эмоций. Впрочем, и таких провалов у него никогда не было. Надо же, обвели вокруг пальца сопливые детишки. Ну, не детишки — подростки, какая разница! Что делать дальше, человек, в общем, представлял. Все сроки прошли — надо звонить «наверх» и сообщать о срыве задания. Диск утерян, девчонка тоже. Единственная зацепка — человек знал, что девчонка искала какого-то Мотю. Возможно, stalkера. Но с этим пусть начальство разбирается. Он выходит из игры. Проигравшим. Впервые в жизни.

Человек постоял еще немного. И достал телефон.

Бар «Три парсека» нашелся в полуподвале жилой кирпичной пятиэтажки. Вход располагался с торца здания и если бы не неприметная надпись с названием, то вход можно было принять за дверь какой-нибудь жилконторы. Маша подумала, что без Димы никогда бы не нашла бар.

— Так, я туда не пойду. Иди сама. Не найдешь там Мотю, спроси Диану. Она поможет. — Дима повернулся, собираясь уходить. Буркнул через плечо: — Еще увидимся. Пока.

И быстро зашагал прочь.

— Эй, рыцарь, спасибо тебе, — запоздало сообщила Маша удаляющейся спине. Спина вздрогнула, но пацан не обернулся.

Маша вздохнула почему-то и пошла к дверям бара. Спустилась по ступенькам, потянула ручку двери, вошла. В «предбаннике» было пусто. Вешалки на стенах тоже почти пустовали — на них ютилось две или три мужских куртки и женское пальто. Надо бы раздеться, подумала Маша, но вспомнила про потайной карман куртки, где была спрятана папина кредитка, и решила пройти в бар только сняв берет и повесив его на вешалку этого демократичного гардероба.

Помещение бара оказалось совсем небольшим, на дюжину столиков, и полутемным. Маша даже с трудом разглядела стойку в глубине. Потолок был раскрашен под звездное небо, на стенах висели плакаты со странными лозунгами.

Столики пустовали, только за самым дальним кто-то обедал. Или выпивал. Спиной ко входу. За стойкой Маше удалось обнаружить присутствие жизни — это была женщина, но она сидела и из-за стойки виднелась только прическа. Диана, решила Маша, и поспешила к стойке, лавируя между столиками и стульями. Лавировала, лавировала, да не вылавировала. Зацепилась за грубый деревянный стул, он с грохотом повалился на пол. Сидящий в дальнем углу мужчина отреагировал мгновенно и инстинктивно — рванул со своего стула в сторону стойки, засовывая руку во внутренний карман жилета. Маша даже испугаться не успела. Но зрение у мужчины оказалось еще лучше реакции.

— Опаньки! Мария свет Сергеевна, ты ли это?

Как уже догадался проницательный читатель и не сразу догадалась Маша, это и был искомый сталкер Мотя.

Глава 5

1

Маша поняла, что голодна как волчица, лишь когда барменша поставила перед ней тарелку, на которой дымилась яичница с ветчиной. Тогда Маша ненадолго прервала свой рассказ — о письме, нападении (даже шишку на голове дала сталкеру пощупать), звонке Синицыну, дороге — и заняла рот едой. Она ела яичницу, запивая колой, а Мотя сидел напротив и смотрел на нее с каким-то странным выражением лица. В нем читалось и сочувствие, и недоверие, и нетерпеливое ожидание. Потом у Моти зазвонил мобильник.

— Да... Слушаю... Привет, Сюр... Да, живой... О, как... Ви таки будете смеяться, но она меня уже нашла. Да? Эта нога — у того, у кого надо нога. Неужели? Это уже серьезно. Я перезвоню через пару минут.

Мотя отключился. Опять посмотрел на Машу, но уже серьезно и озабоченно.

— Так, ты в курсе, что за тобой хвост?

— Я ышо не ушпела шашкажать, — ответила Маша с набитым ртом.

Дожевала, продолжила:

— Когда мальчишка меня сюда вел, за нами какой-то увязался. Мы от него спрятались.

— Что за мальчишка?

— Не знаю, Димой зовут, он помог мне бар найти.

— Дима? — что-то смутно колыхнулось у Моти в памяти, но не сформировалось, — ладно, неважно. Что за чел за вами увязался, не видела?

— Не рассмотрела. Может, это тот, что мне по башке дал? Ну, консьерж...

— Мда, все страньше и страньше. Так. Ты так и не сказала, что от меня надо-то?

Маша втянула в себя побольше воздуха и выпалила:

— Я хочу тебя нанять! И пойти с тобой в Зону искать отца!
Мотя усмехнулся.

— Нанимают за деньги, а я и сам бы Серегу спасать пошел бы. Бесплатно. Но в одиночку тут не справиться. Надо еще людей и обмундирование, а это деньги, а денег у меня сейчас...

— Во-первых, деньги у меня есть. Во-вторых, с тобой пойду я!
Мотя воздел очи горе.

— Ну, Маш, ну куда тебе в Зону? Там опасно, меня твой отец на месте расстреляет, если узнает.

— Небось, не расстреляет. А еще... Знаешь, я думаю, что без меня вы его не найдете... Я это... Отмычка, вот! И еще, — Маша пошла уже на совсем грубый шантаж, — я не скажу тебе координаты, если не возьмешь!

— Ох, не хочется брать грех на душу, а придется. — Мотя как-то погрузился, допил пиво из кружки. — Придется тебя брать. Но нужно еще человека три-четыре...

Тон его сменился на деловой:

— Значит, сколько у тебя денег, говоришь?

— Достаточно. — Маша полезла в потайной карман, вынула карточку. — Думаю, тут хватит. Я знаю — лишнего ты не возьмешь.

— Понятно. Карточка на Серегу — значит, в банке не снимешь без его документов. Банкоматов в городе пять штук, два круглосуточных. Выдача наличных в них ограничена, в день не больше некой суммы, так что в два банкомата надо успеть сегодня до полуночи, а утром пройти все остальные... Ладно, это сделаем. Теперь люди...

— Нужны самые крутые и надежные! Мы им денег заплатим, да?

— Не скажу, что очень уж крутые, но надежные у меня есть. Как раз трое.

Мотя взял со стола мобильник. Нажал кнопку ответа на последний входящий звонок.

— Сюр. Жду сегодня у себя. Чем раньше, тем лучше. Есть дело. Да нет, не бухать, а нормальное дело. Интересное и прибыльное. Отзвони Транцу и Боцману. И... это... захватите гитары...

Маша хихикнула.

— Сюр? Классно — будет у нас поход в Зону *сюрной*?

— Ну да, только ты при нем это не скажи. Этой шуткой его уже достали.

— А почему он Сюр?

— А фамилия у него — Суриков. Был Сур, а когда узнали, что сюрреализмом увлекается, сразу переделали. Вот посмотри на плакат — он делал.

Маша посмотрела на стену рядом со столиком. На плакате были нарисованы бутылка с прозрачной жидкостью и этикеткой VODKA и банка с чем-то мутным внутри и наклейкой SPERM. Сверху красовался слоган «Мечта прозрачнее любви!» Маша почему-то покраснела.

— Ага, — согласился Мотя, — сюрно. Тут еще его плакаты висят. Но ты не волнуйся, сталкер он хороший. Из ветеранов. Правда, в Зону давно не ходил, были тому причины... А теперь пойдем-ка ко мне домой, скоро гвардия соберется. Эй, Диана, запиши на мой счет.

Симпатичная и молчаливая барменша, она же по совместительству официантка и, вполне возможно, совладелица бара, кивнула из-за стойки и ободряюще улыбнулась Маше. Мотя до этого представил ей Машу как свою двоюродную сестру (Маша внутренне хихикнула — надо же, опять в кухни попала, на этот раз не сама), и Маша чувствовала, что Диана ей симпатизирует.

2

Дом Моти был расположен весьма удачно. С одной стороны, почти в самом центре. С другой — в неприметном, тихом, заросшем пожухлой травой переулочке — какой сталкер любит быть на виду? Сам дом был довольно большим, но Мотя пояснил, что ему принадлежит только полдома, хозяин другой половины — сталкер-одиночка по прозвищу Отверг пропал около года назад. Наследников Мотя искать не спешил — иногда в Зоне и на

большие сроки люди пропадали, мало ли что. Вдруг в тюрягу замели или тому подобное. Гаража в доме не было и Мотин потрепанный «лендровер» стоял под самодельным навесом. Сам дом Маше рассмотреть не удалось — уже изрядно стемнело.

— Проходи, — сказал Мотя Маше, с мобильного набрал эсэмэску с кодом — отключив сигнализацию, отпер бронированную дверь и зажег свет.

Они оказались в небольшом, изрядно захламленном коридорчике, служившим, похоже, одновременно сенями, раздевалкой и кладовкой для инструмента. Мотя открыл еще одну дверь в гостиную, жестом пригласил Машу следовать за ним.

Гостиная впечатляла. В углу красовалась огромная плазменная панель телевизора, рядом возвышалась стойка с хай-файной аппаратурой, на стенах висели полки с дорогими изданиями, прямо посередине комнаты красовался инкрустированный золотом овальный стол. Впрочем, поверхность стола была изрядно попорчена — судя по всему, на нее не только проливали всевозможные напитки, но и прожигали окурками. Еще Маша обратила внимание, что на всех окнах были решетки и могучие ставни. Еще Машу поразил стеллаж, на котором располагалась коллекция курительных трубок — более сотни на специальных подставках.

— Да, я люблю покурить хорошую трубку и выпить приличного виски, — заметил Мотя Машин взгляд. — И вообще, я сибарит, если ты знаешь, что это такое. Для местных властей я вовсе не сталкер, а внештатный обозреватель одной крупной столичной газеты. У меня даже удостоверение есть. А крутой журналист должен быть сибаритом и снобом, не так ли?

— Так, — согласилась Маша, продолжая изучать изобилие. Она уже начала сомневаться в продекларированном Мотей отсутствии денег. Но она не обижалась — в конце концов, даже если он богатый, он не обязан никому помогать за свой счет. Кроме того, Маша, как любой подросток, цены деньгам не осознавала — они для нее были, как правило, просто набором цифр. А цифрой больше, цифрой меньше — какая разница.

Тем временем Мотя подошел к большому старинному глобусу на колесиках и откинул северное полушарие — внутри оказался бар. Мотя вытащил початую бутылку «Гленфиддика», там же в баре раздобыл стакан, налил на два пальца. Сходил на кухню, вернулся со льдом в стакане. Уселся в кресло-качалку. Набил трубку «Данхиллом» и раскурил зипповской зажигалкой.

— А ты садись пока на диван, надо подождать немного. Скоро придут трое. Ты их не пугайся. Они внутри добрые и пушистые, несмотря на внешний вид. Только деньги любят. И водку. Я потому виски сейчас пью — надо чуток расслабиться посредством хорошего напитка. А то потом придется водку пить. Непременно. Ты — можешь не пить, тебе по возрасту не положено, а меня заставят. Таким проще отдаться, чем объяснить, почему не можешь. А зовут их странно — Боцман, Транец и знакомый тебе Сюр. — Мотя довольно улыбнулся, пыхнул трубкой и закончил монолог предложением: — Хочешь, телик включу или музыку? Чтоб не скучала?

— Нет, спасибо, я лучше книжки посмотрю пока.

В этот момент в дверь позвонили.

— О, первый пошел! — Мотя торопливо допил виски и пошел открывать.

Глава 6

1

Баба Ната устроила свою штаб-квартиру на окраине поселка, переоборудовав старую овощебазу. Огромные погреба в два человеческих роста с автоматическим контролем влажности и температуры, соединенные между собой сетью подземных коридоров, пара утепленных цельнометаллических ангаров — это было идеальное место для ее уголовно наказуемых делишек. Любое оружие любых марок оптом, в розницу и под заказ, вплоть до

танков и вертолетов. Только кому могли танки понадобиться в Зоне? Правильно, никому. Но если вдруг надо, баба Ната могла достать любой. Артефакты она скупала в промышленных количествах, порой даже давала хорошую цену, обычно после бутылки коньяка с черным шоколадом. Штаны, свитера, куртки, комбинезоны и обувь любых цветов и размеров, с защитой и без, для глубоких рейдов и для показа мод — все это в изобилии водилось у нее на складах и поражало воображение любого, кто попадал туда впервые. Не было на свете ничего такого, чего она не могла достать. Естественно, вся эта бурная деятельность официально прикрывалась вывеской частного предприятия по ремонту дорожной и сельскохозяйственной техники, и на территории даже стояли уборочный комбайн и ржавый трактор «Беларусь». Прикрытие было чисто формальным — все в округе знали о деятельности бабы Наты, но ее щедрые взносы в «пенсионный фонд» армейского руководства давали ей неприкосновенный статус и к ее услугам прибегали даже военные и полиция.

Баба Ната была пышной тридцатилетней женщиной, румяной сероглазой хохотушкой с веселыми ямочками на щеках — эдакая простодушная селянка, звезда сельских дискотек. Но не стоило обманываться столь добродушной внешностью — за влажными озорными глазами скрывалась хитрая, предельно деловая и жесткая банкирша. Немало глупцов, пытавшихся ее кинуть, так и пропали без вести, как будто их и вовсе не существовало. К ней-то и направился Мотя.

Подкатив на своем старом «лендровере» к воротам, он посигналил и его тут же пустили на территорию.

— Чо, бродяга, снова коньяк жрать будете и голыми на крыше плясать? — в окне сторожки торчала недовольная опухшая рожа Джоннидепа, спившегося сталкера, которого по доброте душевной приютила баба Ната, поселила в привратничкой и назначила «главным по воротам». Выражений морды у Джоннидепа было всего два — недовольное с бодуна, пока еще не похмелился, и довольное — когда уже.

— За рулем, ты же видишь. — Мотя высунулся из окна и протянул сторожу бутылку дешевой водки, которую всегда держал в бардачке на всякий случай. — У себя?

— А где ж ей еще быть, — Джоннидеп мигом выскочил из дверей и принял бутылку, — с утра приехали какие-то хмыри понтовые, до сих пор висят. Слышь вон, галдят.

У офиса Банкирши стояли три модных «паркетника» с московскими номерами, из открытой задней двери одного торчали чьи-то ноги. Из распахнутых окон второго этажа доносились музыка и смех, периодически прерываемые групповым воплем «Трэш! Угар! И содомия! А-а!»

На пороге Мотю чуть не сшиб скатившийся сверху волосатый мужик, весь в коже и заклепках. Обдав сталкера перегаром и зажав рукой рот, он кинулся за угол, откуда тут же послышались неприятные звуки. В офисе пьяная оргия была в самом разгаре. Все видимое пространство было заставлено бутылками пустыми, бутылками полными и бутылками початыми. От табачного дыма резало глаза и хотелось чихать. На диване восседал какой-то круглолицый блондин лет за сорок с гитарой в руках и пел что-то про «маму Марию», а остальные ему подпевали нестройным хором. Хозяйки нигде видно не было. С трудом добившись от присутствующих, что баба Ната вышла подышать воздухом, Мотя поднялся на крышу, где и застал Банкиршу, сидевшую свесив ноги на краю здания и курящую кальян.

— Давно хотел у тебя спросить. — Мотя присел рядом. — Отчего Джоннидепа так прозвали? Он же ни разу не похож.

— Да он на Ванессе Паради просто помешан, даже портрет ее на груди наколол и всю сторожку ее плакатами обклеил.

— С пониманием. Чего не пьешь со всеми?

— Да надоели шуметь, сволочи, — она протянула чубук, но сталкер отказался. — Они выход альбома празднуют, неделю уже, вот и решили разбавить веселье экскурсией в Зону. Приперлись с утра и песни орут.

— Менестрели, что ли?

— Ага. Давние мои приятели. Полгода из студии не вылезали, ни капли алкоголя все это время. Вот, развязались. А тебя каким ветром занесло? Надо чего или тоже побухать?

— Надо чего.

Баба Ната глубоко затаилась, секунд двадцать наслаждалась дымом, закрыв глаза, выдохнула дым через нос и, хлопнув Мотю по бедру, встала.

— Пройдемте, граф.

2

Через пару минут они вошли в длинный зал, уставленный стеллажами в несколько рядов.

— Любой каприз за ваши деньги, — царственным жестом обвела рукой свои владения Банкирша. — Тебе как всегда?

— Почти. — Мотя протянул ей список.

— Так, любопытно — три семьдесят четвертых, три «Берилла», четыре пары берц, четыре рюкзака, ночное видение тоже четыре. Ты что, Мотя, свою группировку сколачиваешь? — торговка посмотрела на сталкера удивленно. — Чего-то я раньше не замечала, чтобы ты любил в компании в Зону ходить.

— Меньше знаешь, баба Ната, крепче спишь.

— Крепко спят только покойники, Мотя. Жди, — и она скрылась за стеллажами.

Какое-то время из глубины склада доносились звуки переставляемых коробок и дребезжание тележки, затем что-то грохнуло и покатилося, вновь задребезжало, и из-за стеллажей показалась Банкирша с супермаркетовской тележкой, груженной Мотиным заказом.

— Получи и распишись, — она стала выкладывать вещи на длинный, обитый жестью стол. — Берцы белорусские сорок второго и сорок третьего; берцы «Монблан», размер тридцать шестой; сапоги кирзовые с портянками, сорок второй размер. Слушай, кому это ты так удружить решил с кирзой?

— Да есть один, — Мотя улыбнулся, — принципиальный.

— Стукнутый?

— Скорее упертый. Два часа как-то мне доказывал, что портянки и кирза лучше любых ботинок. Вот пусть и проверяет на практике теперь.

— Добрый ты, Мотя, — засмеялась баба Ната.

— Что ты, я справедливый просто.

— Патроны семь шестьдесят два, — продолжила выкладывать товар Банкирша, — патроны пять сорок пять, патроны двенадцатого калибра и ружье к ним, Винчестер «Чейзер», три АК семьдесят четыре, комбезы «Берилл» три штуки, комбез «Сева», самый маленький, что был. С тобой что, ребенок пойдет?

— Карлик.

Баба Ната внимательно посмотрела Моте в лицо, не шутит ли он, но тот оставался невозмутим.

— Никак не могу раскусить, что ты за человек, Мотя. Не гопник и не ботан, на военного не похож, на делягу тоже, по Зоне один ходишь. Ты не шпион часом? Уж больно ты отличаешься от всех.

— Ну, ты даешь! — Мотя искренне рассмеялся. — Будь я шпионом, я бы был наоборот — как все!

— Да? Ни разу не видела шпионов. Но я тебя все равно рано или поздно раскушу. Интересно мне, что у тебя внутри.

Мотя упаковал оружие и вещи в рюкзаки, погрузил их на тележку и повез к выходу. На пороге он обернулся.

— Не поверишь — мне самому это интересно, но я боюсь туда заглядывать.

Вырулив из владений Банкирши, Мотя поехал не домой, а повернул в сторону Карпиловки — автоматы новые, муха не сидела, и нуждались в пристрелке, а до захода солнца как раз можно было успеть. Отъехав от Дитяток около пяти километров, Мотя направил джип прямо по полю в небольшую посадку метрах в ста слева от дороги. Отличное место — и от патрулей далеко, и к Зоне близко, если выстрелы услышат с дороги, спишут на военных. Он загнал «лендровер» в заросли кустарника, достал из багажника рюкзак с оружием, а из бардачка мушкетер и мишени, и пошел искать место для пристрелки. Посадка оказалась густой, и ему пришлось изрядно побродить, прежде чем удалось найти подходящее место.

С автоматами возиться почти не пришлось, только второй покапризничал, но совсем немного, и через двадцать минут все было готово. Удачные попались экземпляры, наверняка собирались в начале месяца. Вернувшись к машине и закинув рюкзак в багажник, Мотя решил, скорее по привычке, исследовать посадку, тем более что размерами она не превышала пару футбольных полей.

В самой посадке ничего представляющего интерес не оказалось. Скудная и бесполезная роща посреди поля. Мотя уже собирался уезжать и направился было к автомобилю, когда боковым зрением заметил какую-то странность. Между посадкой и периметром Зоны шла полоса вспаханной земли шириной в пятьдесят метров — несколько рядов колючей проволоки, проволоки под напряжением и спирали Бруно ограждали Зону от людей, как в африканских заповедниках ограждают животных от браконьеров. Странность же заключалась в том, что в пределах видимости не наблюдалось ни одной сторожевой вышки, ни одного блокпоста, так привычных сталкерскому глазу. Вояки просто так не оставят без присмотра даже метра Периметра. Сталкеры, они же как тараканы — и в сантиметровую щель просочатся, а тут целые полкилометра без надзора — хоть на машине въезжай. Очень странно, почему в этом месте еще не ходит рейсовый автобус Дитятки-Зона?

— В чем подвох? — сам себя спросил Мотя.

Он уселся на крупный ком вывернутой земли и закурил. Он всегда курил, когда требовалось крепко подумать. Знал, что сигареты убивают, пару раз пробовал бросить — один раз даже при помощи знакомого экстрасенса, — но каждый раз не хватало выдержки и Мотя возвращался к отраве. После нескольких безуспешных попыток бросить он махнул рукой на здоровый образ жизни и превратил табакокурение в хобби. Он скупал дорогие и редкие трубки и портсигары, зажигалки и мундштуки, табакерки, пепельницы и все прочее, так или иначе имеющее отношение к табаку. Мотя знал толк в хорошем табаке и даже иногда усаживался в кресло-качалку, наливал себе стакан виски и раскуривал трубочку классического английского яхтенного табаку, пуская кольца точно как Бильбо. Но это были редкие моменты — в основном он курил обычные недорогие сигареты, купленные в ближайшем ларьке.

Докурив сигарету, Мотя сплюнул и осторожно двинулся по направлению к невысоким кустам, примостившимся неподалеку от одной из оградных опор. В другое время он бы ни за что не стал к ним приближаться, но сейчас его внимание привлекло что-то оранжевое, просвечивающее сквозь листву. И пусть интуиция ему кричала: «Не смей! Это ловушка!», любопытство побеждало.

«Оранжевым нечто» оказалась банальная старая «аляска», когда-то безумно модная куртка.

— Вот уроды! — разозлился Мотя и неизвестно кому показал средний палец.

Он полез в кусты, чтобы отыгаться на ни в чем не повинной куртке, попытался сдернуть ее с веток, не получилось, тогда он дернул сильнее, еще раз, с четвертого раза ему это удалось и куртка грязной тряпкой повисла у него в руках. На этом экзекуция и закончилась, потому что внимание Моти сейчас было сосредоточено не на старом тряпье, а на неглубокой канаве в полметра шириной, скрывавшейся за кустами.

— Оба на! Сюрприз будет. — Мотя бросил куртку и нырнул в углубление.

Вопреки предположениям, в канаве оказалось сухо — ни тебе застоявшейся воды, а дожди в Зоне идут едва не каждый день, ни гниющей листвы, ни проволоки под напряжением. Проспект!

Через тридцать метров канава закончилась точно так же, как и началась, — плавно сошла на нет. Однако. Никогда еще за всю его сталкерскую жизнь Мотя не входил в Зону настолько просто. Полежав еще минут десять и тщательно изучив ближайшее пространство впереди, он развернулся и ползком вернулся в нормальный мир.

И только в машине он вспомнил, что так и не выяснил, в чем подвох.

Глава 7

1

Мотя загнал старенький джип во двор, взял из багажника рюкзак с одеждой и пошел в дом. Войдя, он обнаружил, что в его отсутствие кто-то уже сбегал за пивом. Сюр восседал в кресле-качалке с литровой кружкой в руках, дымил сигарой и листал альбом с репродукциями малых голландцев, а Боцман и Транец сидели на полу в окружении целой батареи пивных бутылок и играли в футбольный симулятор на плейстейшене. Транец выигрывал.

— Вот вы злыдни. — Он кинул рюкзак на диван. — Не могли без пива обойтись? Нам же завтра с утра в Зону заходить, как я вас поведу таких, с бодуна?

— Наговариваете вы на нашу семью, Глеб Егорыч. — Сюр затянулся, погонял дым внутри рта, поочередно раздувая щеки, выпустил тонкой струйкой, смешно сложив губы в трубочку, и запил пивом. — Не впервой, Мотя, утром будем как огурчики, ты же нас знаешь.

— Знаю. Потому и нервничаю. А где Маша?

— Возле книжных полок крутилась, а потом в ту комнату ушла. — Сюр кивнул на двери в спальню. — Спит, наверное.

Мотя улыбнулся, вспоминая лицо Сюра, когда тот увидел Машу у него дома. Это было хорошее воспоминание.

Затем Мотя осторожно приоткрыл дверь, чтобы убедиться, что с девочкой все в порядке, и обнаружил, что она не спит, а, комфортно закопавшись в огромные подушки и укутавшись в одеяло, читает книгу. Маша была настолько увлечена чтением, что появление сталкера она заметила, только когда он подошел почти вплотную.

— Что читаешь? — Мотя присел на край огромной кровати.

Маша молча протянула книгу и взяла с подноса, стоявшего рядом, чашку уже остывшего чая.

— Ого! — Мотя одновременно удивленно и с уважением посмотрел на девочку. — Олеша, «Зависть»? И как тебе?

— Нравится. — Маша сделала пару глотков, но чай совсем остыл, и она, чуть скривившись, поста вила чашку обратно на поднос. — Только я не понимаю, зачем этому колбаснику было возиться с Кавалеровым? Он же неудачник.

— Видишь ли в чем дело, Маша... Неудачники тоже люди и ничем не хуже тебя или меня. Вот посмотри на нашу команду, например. Эти трое, пусть и обалдуи, но хорошие люди, опытные бойцы и надежные мужики, только им катастрофически не везет в Зоне. Никогда еще не находили ничего стоящего, как бы ни старались. Только мелочь копеечную и таскают.

— Как же они тогда зарабатывают?

— В основном караваны сопровождают, иногда ученым помогают. А со сталкерством как-то не везет им.

— А зачем ты их тогда нанял, если им не везет?

— Так мы и не за артефактами идем, не правда ли? А в бою им равных почти нет.

— А Кавалеров?

— Что Кавалеров? — не понял Мотя.

— Он тоже лучше всех дрался?

— Нет. Он не дрался. А нянчился колбасник с ним совсем по другой причине, которую я объяснить пока не могу. Вырастешь, сама поймешь... надеюсь.

Маша равнодушно пожала плечами и протянула руку за книгой, но Мотя остановил ее.

— Потом дочитаешь. А сейчас пойдем, примеришь костюм.

Вернувшись в гостиную, он обнаружил, что Боцман и Транец закончили играть и разбирают содержимое рюкзака.

— Ты для кого эти тряпки взял? — Боцман рассматривал портянки с таким видом, будто видел их впервые. — Для себя, что ли?

— Я берцы предпочитаю. — Мотя поднял ногу и продемонстрировал черный «Даннер». — А кирзу и портянки я специально для тебя взял.

— Ты с дуба рухнул? Я, по-твоему, должен в этом переться в центр Зоны?

— Так ты же сам полгода назад в «Трех поросятах» бил себя кулаком в грудь и кричал, что лучше обувки для дальних рейдов не придумали, а берцы от лукавого.

— Я кричал? — Боцман опешил. Он недоверчиво посмотрел на товарищей (Транец и Сюр покивали головами), на портянки, снова на товарищей, затем взвесил сапоги в руке и, отбросив их в сторону, решительно замотал головой. — Не может такого быть.

— Я ж не изверг какой, за что боролся, то и получи. — Мотя равнодушно пожал плечами и достал из кучи одежды серо-коричневую куртку с интегрированным бронежилетом, усиленным воротником и кевларовыми накладками на рукавах и протянул ее девочке. — Вот, самый малый размер, что был, надевай поверх своей.

Он помог Маше разобраться с непонятными застежками, подтянул подгоночные ремни на спине и рукавах, заставил несколько раз взмахнуть руками вверх-вниз, вперед-назад и удовлетворенно кивнул. Практически впору. А вот штаны оказались сильно больше, и Мотя долго с ними провозился, укорачивая длину и уменьшая обхват ремня. Когда ткань на попе перестала висеть мешком и болтаться на бедрах как галифе, сталкер надел Маше ботинки и лично зашнуровал какой-то хитрой шнуровкой так, что узлы располагались на внутренней стороне ног. Как он объяснил — чтоб не цеплялись за всякий мусор.

— Настоящий сталкер, — довольно крикнул Транец, с интересом наблюдавший превращение девочки, после того как она попрыгала на месте и прошла по комнате, проверяя, не трет ли где. — Только тактического шлема не хватает, с замкнутым циклом.

— Шлем сам носи, но только не в моей команде. — Мотя уже пристегнул Маше набедренные ножны и накидывал разгрузку. — Только когда это ведро откажет в самый ответственный момент, не говори, что тебя не предупреждали.

— Это смотря какой брат. Если натовский, то полное барахло, они их в Китае делают. А наша разработка очень даже ничего, я как-то раз примерил.

— Именно что — ничего. Ничего хорошего в Зоне собою не представляет и летит от малейшего чиха. Ладно, если во время перехода, а если во время боя или, не дай бог, мутанты нападут? Это Зона, Транец! Здесь происходит то, чего на Большой земле происходить не может просто потому, что противоречит всем законам физики, химии и биологии. Полагаться можно только на себя и свои ощущения, а не доверяться электронике. Я только потому и жив до сих пор, что привык обходиться без всей этой высокотехнологичной ерунды.

— Ты давно сталкеришь, — протянул Транец, — и Зону спинным мозгом чувствуешь, об этом все знают.

— Во-первых — ты тоже не «отмычка», во-вторых — я не чувствую, а знаю. Ходил бы с ведром на голове, давно сгинул бы где-нибудь в болотах, как «Чистое Небо» почти всем составом. Синоптик да полтора взвода доходят — вот все, что от них осталось. А почему? Да потому что слишком на все эти электронные приборы полагались.

— Синоптик — это который? — поинтересовался Сюр.

— Особистом у Лебедева был, а сейчас в «Долг» подался.

— Не знаю такого. — Сюр отхлебнул пива и снова вернулся к разглядыванию репродукций.

— На то он и особист, чтоб о нем мало кто знал. — Транец считался большим специалистом в вопросах разведки и контрразведки, и сейчас попытался оседлать своего любимого конька. — Был у меня клиент один...

— А давай ты в другой раз расскажешь? — Мотя любил слушать байки Транца, тем более что рассказчиком тот был неплохим, но сейчас было не до него. — Сходи лучше во двор и оружие подготовь к рейду. Только смотри, не особо им свети.

— Так, может, его в дом затащить?

— Если тебе не лень таскать его туда-сюда, то можешь и в дом занести. Ну, или попроси кого, чтоб помогли.

— Я не понесу, — тут же заявил Боцман, оторвавшись от вещей.

Транец в надежде посмотрел на Сюра — тот сделал вид, что сильно заинтересовался очередной картинкой, — вздохнул и вышел во двор.

2

Подготовить оружие к рейду — дело нехитрое, но требующее педантичности и сноровки. Неважно, что автоматы работали как часы, хороший боец всегда перед важным делом все тщательно проверит, почистит и смажет, ведь от безотказной работы механизмов будет зависеть его жизнь. Другое дело — набить магазины. Вот тут требовалось немалое терпение.

Быстро перебрав и смазав автоматы, пистолеты и дробовик, Транец приступил к набивке и сдваиванию магазинов, а чтоб не было скучно, стал мурлыкать себе под нос веселую песенку из репертуара Нины Хаген.

— *Ду хаст ден, понимаешь... фарбфильм фергессен майн мишаиль... йо-хо-хо... нун глауб унс кайн мени ви шон хир ва-ха-ха-ха...*

Это сейчас мало кто знает эту исполнительницу, а во времена бурной молодости Транца она очень даже котирировалась, особенно в панковской тусовке. Да-да, невысокий плотный сталкер с большим пивным пузом, придававшим некоторой солидности, гроза кровососов и завязанный ловелас — по малолетству был панком, и, как и полагается настоящему панку, носил ирокез (небольшой, в Стране Советов большие ирокезы носить рисковали очень немногие) и даже играл в группе. Группа состояла из таких же обормотов, только вчера выучивших три аккорда и два квадрата, поэтому особой славой не снискала, хотя один из начинающих музыкальных критиков, впоследствии ставший авторитетным обозревателем, особо отмечал литературные способности вокалиста, писавшего тексты к их песням. Поняв, что рок-звездой ему не стать, Транец к музыке быстро охладел, через некоторое время ему наскучила и тусовка грязных и вечно пьяных маргиналов, он расчесал кучерявые от природы волосы на бухгалтерский пробор и поступил на юридический факультет. Единственное, что он вынес из того периода, это страсть к панк-року — он слыл одним из лучших специалистов Московской губернии в этом жанре.

За пением его и застал Мотя, вышедший во двор, чтобы положить обратно в багажник рюкзак с вещами, а заодно и покурить на свежем воздухе. С собой у него была наполовину полная бутылка «Глендфиддика», стаканы и две трубки. Вторая трубка — гостевая.

— Как ты тут? Не скучаешь, я смотрю. — Он закинул рюкзак в машину и плеснул виски по стаканам. — Давай разгоним грусть-печаль.

— Да не особо поскучаешь тут, сам знаешь. — Транец вставил последний патрон в магазин, отложил его к уже снаряженному и принял у Моти стакан. — Мы разве не в доме переоденемся?

— Я не хочу ехать через посты с транспарантом «Мы идем в Зону!!!» Ты еще предложи стволы из окон высунуть, чтоб все видели.

— Я просто так спросил. В Зоне так в Зоне. Ты главный — тебе и решать.

Они молча чокнулись и пригубили темно-янтарную жидкость, потом Мотя предложил Транцу вторую трубку, но тот отказался, тогда Мотя раскурил свою и воздух вокруг наполнился одуряющим запахом великолепного табака. Транец принял.

— Это у тебя «Амфора»? — спросил он.

— А ты только «Амфору» и знаешь из табаков? — улыбнулся Мотя.

— Ну как... ты же знаешь, я не курю. Сигарой могу попыхтеть, когда выпью, а трубку даже и не пробовал ни разу.

— «Амфора» — табак микстурный, для начинающих. Его курят неопиты и офисный планктон, который другого табака не видел. Знающие люди курят английский бленд. У меня, например, «Данхилл» морской, почти без ароматизаторов. С виски, кстати, очень рекомендуется. Фкус специфический.

— Ну, если рекомендуешь... — задумчиво протянул Транец, — может, и вправду попробовать...

Он понюхал виски, потом рукой погнал дым на себя, понюхал воздух и решился. Раскулив трубку (по неопытности ему на это понадобилось минут пять), он осторожно затянулся, подержал немного дым в легких, выдохнул и сделал глоток. И тут же застонал от удовольствия. Глаза его были зажмурены, а на лице застыло выражение полного экстаза.

— Ве-е-е-е-ещь! — протянул он, не открывая глаз. — Не мог раньше мне рассказать секрет? Это сколько ж я в жизни кайфа недополучил! Жлоб ты, Мотя, вот ты кто.

— Будешь теперь знать. — Мотя несколько не обиделся за «жлоба» и даже наоборот, сидел довольный произведенным эффектом. Ему-то эти ощущения — совмещение вкусов высококлассного табака и выдержанного виски — были известны давно, и он редко отказывал себе в удовольствии снова их испытать, когда выпадала свободная минутка.

— Ладно, ты тут заканчивай и давай в дом подтягивайся, Чапай думу думать будет.

Он плеснул Транцу в стакан еще виски и пошел в дом.

Заканчивать Транцу не хотелось. Вернее — ему не хотелось отрываться от курения трубки и заканчивать снаряжение, но делать было нечего, и он, мысленно отдав себе приказ, отложил в сторону стакан и трубку и принялся набивать следующий магазин.

3

В доме со времени ухода Моти ничего не изменилось: Сюр все так же восседал в кресле-качалке, Маша снова устроилась с книгой на диване в спальне и Боцман опять играл в футбольный симулятор, правда, на этот раз уже против компьютера. До выхода оставалось около восьми часов, и чем себя занять, Мотя решительно не представлял. Проводить совещание снова не было никакого смысла, разве что повторить роли и задачи, да только сделать это можно непосредственно перед Зоной. Оружие, считай, почищено, вещи собраны, гайки в кармане пыльника, любимый пыльник — на вешалке в прихожей.

Не любил Мотя в броню наряжаться — тяжело, движения сковывает, а от гравиконцентра никакая защита не спасет. Большинство сталкеров спали и видели себя счастливыми обладателями всяких «Скатов», «Бериллов», «Булатов» и их модификаций, напичканных электроникой и с кастрюлями на голову. Мотя всего этого не любил. Будучи сталкером первой волны, он предпочитал защищаться по старинке — легкий бронежилет скрытого ношения, защитные наколенники, перчатки с кевларовыми вставками и бандана с пыльником. Главной его защитой были великолепно развитое чутье и привычка думать. Наверное, поэтому он и жив до сих пор, в отличие от многих и многих своих приятелей, которые слишком сильно доверяли электронике.

Безрезультатно пошатавшись по квартире в поисках хоть какого-то полезного дела для себя, он ничего лучше не придумал, чем пойти на кухню и заняться приготовлением рагу по-сталински — по собственному рецепту, которым он очень гордился и держал в тайне. По сути это было самое обычное ирландское рагу — мясо, картофель, лук, петрушка и тмин. Секрет заключался в том, что Мотя вместо воды наливал темного пива, лучше всего — «Гиннеса», вместо баранины использовал говядину и птицу, лук обязательно должен был

быть крымским, а картофель помытым, но нечищенным. И никакое мясо мутантов, как можно было бы подумать исходя из названия, в состав рагу не входило. Псевдоплоти и псевдокабанов принимать в пищу категорически не рекомендуется, если нет желания отправиться на тот свет от обезвоживания и истощения после непрерывного недельного обнимания с унитазами.

Мотя достал из морозилки телятину и утку, бросил их в микроволновку размораживаться, а сам тем временем помыл и крупно порезал картофель, затем покрошил лук и петрушку, перемешав их в отдельной посуде и обильно полив оливковым маслом, кинул на сковородку, чтоб подрумянилось. Когда мясо разморозилось, он его мелко порезал, присыпал немного черным душистым перцем, бросил в сотейник и, залив пивом, поставил на максимальный огонь. Через пять минут по квартире потянуло аппетитнейшим ароматом, вызвавшим у гостей обильное слюноотделение и нездоровый интерес, такой, что все присутствующие в доме, включая Машу, потянулись на кухню. Сюр полез в холодильник и достал оттуда четыре бутылочки пива и колу для Маши, Боцман быстро их вскрыл и разлил напиток по бокалам, а Маша порезала сыр. Сидели молча, слышны были только жадные глотки, сосредоточенное присербывание и как хлопотал Мотя возле плиты, иногда что-то бормоча себе под нос.

— Где Транец? — спросил Боцман, опорожнив бокал. — Что-то долго он там возится.

— Пошел бы, помог, — Сюр вытер пену с усов, — раз такой быстрый.

— Вот еще! Тогда нам меньше рагу достанется.

— Это, конечно, не мое дело, — порезав сыр, Маша сбегала в спальню за книгой и читала ее в ожидании главного блюда, смакуя сыр и попивая колу, — но разве у сталкеров не принято помогать друг другу?

Сюр и Боцман дружно уставились на девчонку. Они не сразу поняли смысл сказанного, а когда до них дошло, разразились оглушительным хохотом.

— Ну, ты даешь, девушка! — отсмеявшись, Сюр вытер слезы и допил свой бокал. — Ты бы еще предложила ему носки погладить.

— Ничего смешного не вижу, — отрезала Маша и снова взялась за книгу.

И тут на кухню ворвался Транец. Глаза выпучены, усы встопорщены, руками машет.

— Там... там это... шухер, братва! Нас окружают!

Сюр и Боцман подскочили как ужаленные и окружили Транца.

— Кто? Зачем? Что? Шухер? — посыпались на него вопросы сразу с двух сторон.

Мотя допил свой бокал, вытер руки о передник, выключил плиту и спокойным шагом вышел в коридор. Там он тщательно запер входные двери — тяжелые и бронированные, для надежности повесил на них дополнительные металлические засовы, которые достал из-за дублирующих входных дверей, затем запер и их, облачился в свой пыльник, выключил автоматы на счетчике и вернулся в кухню. Там он снял с полки фонарь «летучая мышь», работающий на аккумуляторах, и включил его.

— Ну, чего расшумелись, сталкера? — он оглядел свою команду. — Все продумано давным-давно.

Его спокойствие передалось сталкерам, они больше не галдели, хотя и выглядели немного испуганно. Облава — это серьезно. Ты можешь несколько лет жить в Дитятках, закорешиться с полицейскими и тебя не будут трогать. До поры до времени, понятное дело. Пока не перегнешь палку. Но если ты попал под конкретную разработку и на тебя идет облава — это очень серьезно и никакие связи отмазаться тебе не помогут.

— Излагай, чего ты там увидел, — велел Мотя Транцу, а сам направился в ванную. Остальные последовали за ним.

— Набиваю я, значит, магазины, никого не трогаю, тут гляжу, слева от дома, с улицы, несколько теней мелькнуло. Знаешь, как это бывает, когда спецназ работает? Я багажник закрыл, чтоб лампочка не светила, ну и затаился — нет типа меня. Слышу — переговариваются. Тихо так шепчут, но вечером же фоновый шум меньше, что-то разобрать можно. Говорили о выходе на позицию и ожидании сигнала. Ну, я ждать не стал, когда штурм начнется, на ощупь до двери добрался и все.

Ванная, как и вся остальная квартира Моти, была оборудована по высшему разряду. Огромная гидромассажная ванна с подголовниками и телевизором, душевая кабина с панелью управления не хуже чем у какого-нибудь фантастического космического корабля, замысловатая раковина с причудливым смесителем футуристического дизайна. Пока Транец рассказывал, Мотя залез в душевую кабину, что-то нажал, несколько раз повернул один из многочисленных вентилей, взялся за хромированные поручни, вделанные в стену по обе стороны от панели, дернул — и глазам изумленных сталкеров открылся потайной ход.

— Я понимаю, что это пошло и банально, — Мотя улыбнулся, довольный произведенным эффектом, и жестом швейцара пригласил заходить, — но ничего лучше пока не придумали. Давай, Сюр, ползи первым. Видишь справа нишу? В ней есть пара китайских фонариков. Там дальше придется на карачках проползать, а ты у нас самый большой — если застрянешь, подтолкнем. Никто клаустрофобией не страдает, я надеюсь? — Все покачали головами. — Жалко, Транец, что ты не догадался рюкзаки из багажника с собой прихватить. Вот и как мы теперь голыми-босыми в рейд пойдем?

— Не сообразил я, Мотя. Не поверишь — перепугался я сильно.

— Ладно, не переживай, щеки подбери и ныряй, я что-нибудь придумаю.

Мотя подождал, пока в проходе не скроется Маша, шедшая последней, поколдовал над кнопками панели, подхватил «летучую мышь» и закрыл за собой потайную дверь. В этот момент раздался сильный глухой удар в дверь. Бронированная плита, державшаяся на мощных металлических костылях, вбитых в капитальную стену, даже не шелохнулась. Бойцам спецназа военной полиции, а это были именно они, вышибить дверь удалось только с третьей попытки. В доме они обнаружили лишь разобранную постель, дымящийся окуроч сигары и почти готовое рагу на плите.

Глава 8

1

За годы существования Зоны Дитятки, ранее заурядный поселок, нет, даже не поселок, а хуторок в два десятка домов на отшибе, превратился в довольно крупный сталкерский центр. В немалой степени становлению Дитяток поспособствовали военные, разместив неподалеку штаб командования Объединенного контингента, окрест развернув военный и научный городки. Вся эта орава вояк и ботаников требовала хлеба и зрелищ, и имела деньги, чтобы за них платить, но тратить их здесь было не на что. Ушлые деляги не преминули воспользоваться ситуацией, и в Дитятках как грибы после дождя выросли бары, казино, стрип-клубы и ночлежки. Затем подтянулись барыги. Зона приносила огромные прибыли торговцам, и им требовалось держать руку на пульсе, чтобы вовремя реагировать на изменения конъюнктуры, а удобнее всего это делать, находясь на передовой. За барыгами пришли сталкеры и стали осваивать поселок, заселяя старые дома и выстраивая новые. Постепенно поселок разросся и превратился в городок, в котором буквально каждый житель в той или иной степени был связан с Зоной.

Мотин дом находился почти в самом центре Дитяток. Если облава была на них, а этот факт не вызывал никаких сомнений, то дороги наверняка контролировали патрули. Полиция, хоть и военная, особой изобретательностью не отличалась и практически всегда действовала по установленным кем-то наверху планам с громкими названиями типа «Зачистка» или «Выброс». Судя по всему, сухие и строгие названия должны были внушать преступникам ужас, на практике же сталкеры откровенно издевались над ними, с легкостью обходя засады и оставляя в дураках патрули. Да и сами полицейские, честно говоря, особой ретивостью не отличались и вперед с инициативами не лезли, ибо, как известно всякому, инициатива наказуема. К тому же с рядовыми патрульными всегда можно было договориться за пару мертвых президентов — Гранта или Франклина. Но это если на тебя нет ориентировки. В

противном случае в дело вступал особый отдел военной полиции, а с ними договариваться было так же бесполезно, как немому разговаривать со слепым, — тебя просто не понимали.

Сложнее всего было незамеченными пересечь Русло, центральную улицу городка, — средоточие питейных заведений, борделей и казино, людную в любое время суток и освещенную не хуже любого Лас-Вегаса. Самый верный способ попасться в лапы фараонов — прятаться, едва их заведешь. Мотя решил брать наглостью.

— Маша, обнимай меня и хихикай, будто ты дура набитая. Сюр, Боцман, хватайте Транца под руки и делайте вид, что пьяные в хлам. Мы пойдем вперед, вы чуть погодя, но далеко не отходите. Если нас остановит патруль, ничего не предпринимайте, пока я не начну действовать. Пошли.

Он ухватил девчонку за талию, прижал к себе и вальяжно двинулся через проезжую часть. Маша старалась как могла, но нервы были взвинчены до предела, у нее дрожали коленки, смеялась она очень фальшиво и в смехе периодически проскальзывали истерические нотки.

— Не нервничай ты так, ребенок, — прошептал ей в ухо Мотя. — Тебе нечего бояться. Мужики рядом, помогут в случае чего.

Он оглянулся и рассмеялся. Сюр и Боцман тащили за руки невысокого, но упитанного Транца, который абсолютно гениально изображал пьяного. Ноги заплетаются, рубашка вылезла из штанов, в просвете между ней и брюками торчит вываливающееся пузо, ширинка растегнута. А взгляд! За один только взгляд ему можно было давать «Оскара»! При этом он еще пытался петь похабные песни и щипать за попки проходящих мимо девиц легкого поведения, которые, впрочем, были не против подобных ухаживаний. Глядя на эту троицу, Мотя живо припомнил кадр из «Кавказской пленницы», где Трус, Балбес и Бывалый тормозили машину, ведомую красавицей Ниной.

Постепенно нервная дрожь отпускала Машу. Никто от них не шарахался, никто пальцем не показывал, да и крепкая рука Моти, лежащая на талии, придавала ей уверенности. Все будет хорошо, она почти в это поверила, как вдруг увидела впереди двух полицейских, и ее голос вновь задрожал. Она толкнула Мотю локтем в бок и прошипела сквозь зубы, когда тот наклонился:

— Полицейские впереди!

— Вижу и уже давно, — улыбнулся в ответ сталкер. — Нам немного осталось, вон до того угла только дойти.

Патруль приближался. Маша, чтобы не выдать себя, опустила голову, пытаясь спрятать лицо под челкой, и тут же палец Моти больно надавил ей меж ребер.

— А ну немедленно возьми себя в руки! И улыбайся, улыбайся. — Мотя громко захохотал, показывая пальцем на противоположную сторону улицы. — Вот клоун!

Маша проследила за пальцем, но ничего смешного не увидела. Она вопросительно посмотрела на сталкера, а тот вдруг отчебучил такое, отчего у нее чуть не случился сердечный приступ — он вдруг достал портсигар из кармана пыльника и двинулся прямо к патрулю.

— Эй, служивые, огоньку не найдется? А то моя девочка, — он хлопнул Машу по спине, — куда-то спички задевала.

Маша стояла, как парализованная, а Мотя, как ни в чем не бывало, прикурил от зажигалки патрульного, глубоко затянулся и вновь обратился к полицейским:

— Как нам «Три парсека» найти? Что-то у меня навигатор сегодня барахлит.

— Разуй глаза, мужик! Ты стоишь перед ним, — хохотнул тот, что давал прикурить, и патруль, обменявшись понимающими взглядами, двинулся дальше.

Машу била мелкая дрожь, а сердце ухало не в груди, нет, — в пятках. Ноги от страха сделались ватными, и она, вероятнее всего, осела бы на мостовую, если бы не Мотя, крепко державший ее за талию.

В переулок белую как мел девчонку сталкер внес чуть не на руках, усадил на первый попавшийся ящик, растегнул ворот и стал растирать ей щеки. Следом ввалилась «пьяная»

троица, вмиг сбросившая с себя напускную развязность. Боцман остался контролировать ситуацию на улице, а Сюр и Транец кинулись помогать Моте.

— Что случилось? — Транец присел рядом и заглянул Маше в глаза, приподняв ей веки.

— Переволновалась. — Мотя продолжал растирать девочке щеки. — Сейчас пройдет.

— Да хватит уже тереть-то. — Сюр выудил из внутреннего кармана флягу. — Вот лучше ей дай.

Мотя принял флягу и подозрительно понюхал содержимое, сделал осторожный глоток и только потом приставил горлышко к Машиным губам. Хороший коньяк еще никому не вредил, особенно если не перебарщивать.

Спустя пару глотков и две минуты Маше вернулся нормальный цвет лица и взгляд вновь приобрел осмысленность, перед глазами перестали плыть лиловые круги и она смогла рассмотреть три небритые морды бандитского вида, склонившиеся над ней. Их тревога была столь неподдельной и настолько не вязалась с их образами крутых бродяг, соплей перешибавших шпалы, что девчонка невольно улыбнулась. Какие же они все-таки милые и добрые, как сенбернары. Она потянулась к фляге, машинально, но Сюр тут же флягу отобрал.

— Еще чего! — строго пробасил он. — Хорошего понемногу.

Он сделал пару хороших глотков, предложил глотнуть сталкерам и спрятал ее в карман.

— Идти можешь? — спросил Мотя. Маша кивнула. — А то смотри, нам нужно как можно скорее убраться отсюда, и если тебе тяжело, мы тебя понесем, ничего стыдного в этом нет.

— Я могу, могу. — Она резво вскочила, но ее тут же качнуло и она упала в объятия Сюра.

Могучий сталкер подхватил ее на руки как пушинку и скомандовал:

— Вперед!

По переулку и далее огородами Мотя вывел группу на окраину Дитяток. Лес тут начинался резко — без всяких переходов и прелюдий, стоял стеной прямо за последним забором. В обычном лесу таких густых зарослей не бывает, лиственные деревья сменяют хвойные, образуют живописные полянки с кустами ежевики или молодого орешника. Лес перед группой обычным не выглядел, хотя на первый взгляд никаких мутаций заметно не было. Высокие сосны скрывали под собой густой подлесок, представлявший собой непроходимую чащу. Видимо, причиной такого бурного роста было близкое соседство Зоны.

2

Как только сталкеры вошли в лес, Маша попросилась вниз — надоело уже ехать на руках здоровяка, да и неловко ей немного было. Нехотя ей позволили далее двигаться самостоятельно, но предварительно Мотя удостоверился в том, что она уже достаточно пришла в себя и может поддерживать заданный темп. Аномалии в лесу не водились — не Зона, поэтому Мотя, здраво рассудив, что габариты Сюра могут сослужить хорошую службу остальным, выдвинул его вперед, прокладывая тропу в зарослях, как ледокол прокладывает канал во льдах. Таким своеобразным караваном они и дотопали за час с небольшим до опушки леса, выйдя ровно на то поле, посреди которого в посадке Мотя утром пристреливал автоматы. Знал бы он, что так обернется с облавой, прикопал бы арсенал где-нибудь тут в кустах. Что ж, в следующий раз будет умнее.

При беглом осмотре лаз выглядел нетронутым — ветка, оставленная утром, положения не меняла, нитка, повязанная меж ветвей, была не порвана. Более подробно осмотреть место прохода Мотя не смог, потому что приборы ночного видения остались в машине, а фонарь включать он поостерегся, но и этих данных вполне хватало.

Оставался еще один момент — инструктаж Маши. Любой, кто пересекает границу Зоны, испытывает ментальный шок, а когда это случается первый раз, возможны неадекватные реакции, в зависимости от особенностей личности. Одних охватывает

панический страх, других беспричинное веселье, кому-то зима мерещится, кому-то вовсе стадо псевдогигантов и он начинает палить из всех стволов почем зря. И хотя в большинстве случаев пересечения проходят без особых воздействий на психику — маленько в голове только кольнет неприятно, — но риск необходимо свести к минимуму.

— Вот что, Маша, я тебе скажу. — Мотя собрал спутников в круг возле кустов, скрывавших лаз. — Ты сейчас в первый раз окажешься в Зоне. Там, — он указал большим пальцем себе за спину, — не компьютерная игра. Сохраниться и начать сначала ты не сможешь. Поэтому ты ничего не делаешь без приказа или разрешения. Далее. Зона воздействует на мозги особенным образом, каждый из нас уже бывал там и знает, как она «приветствует». Как будешь встречена ты, никто не знает, поэтому, что бы ни случилось на выходе из лаза, ни в коем случае не предпринимай никаких действий. Ты меня хорошо поняла?

— А если?..

— Никаких если! Или ты полностью нам доверяешься и мы за тебя отвечаем, или прямо сейчас поворачиваем обратно. Если доверяешь, делай только то, что я тебе говорю.

— О'кей.

— Мы выползаем из лаза, ты что-то почувствуешь, а может, даже увидишь. Ничему не удивляйся и держись за моей спиной. След в след.

— О'кей.

— И перестань говорить «о'кей».

— О'кей.

Мотя обвел взглядом спутников, сплюнул три раза через левое плечо и полез в канаву.

3

Зона встретила Машу не приветливо. Вот только что она упиралась носом в подошвы Мотиных ботинок, отплевываясь от земли и прелых листьев, как вдруг уже лежит посреди какой-то вонючей лужи, а сверху на нее сыплется снег. Переход случился совершенно незаметно, Маша даже почувствовать ничего не успела и потому растерялась и позабыла все наставления. Она попыталась вскочить, но чья-то невидимая лапища с силой вдавила ее в вязкую жижу и не давала поднять даже головы. Липкий страх охватил Машу, крик застрял комком в горле и не мог вырваться наружу. Не придумав ничего лучшего, она стала изо всех сил дергаться, пытаясь вырваться и вскоре, что естественно, выбилась из сил и затихла, зажмурившись от страха.

Странно, но давление тут же пропало. Несколько мгновений она еще боялась открыть глаза, но ничего не происходило, и тогда она рискнула приоткрыть один глаз. Лужа исчезла, Маша лежала в сухой траве, перед ее лицом снова маячили мощные протекторы Мотиных берц, а справа и слева от нее лежали Сюр и Транец, причем рука последнего лежала у нее на плече и слегка прижимала Машу к земле.

Мир изменился. Маша чувствовала это, хоть и не могла объяснить, чем это чувство вызвано. Та же сухая колючая трава, та же грязь, то же небо... хотя нет, небо намного светлее, чем было пять минут назад там, в обычном мире. Огромная луна висела над Зоной белым надкушенным яблоком. И чувство тревоги с нотками тоски, как будто разом из мира пропали любовь и радость. Очень неприятное ощущение.

— Обождите здесь, — прошептал Мотя так тихо, что Маша еле его услышала за шелестом листвы, и бесшумно исчез в темноте. Совсем бесшумно — Маша даже хлопнула себя ладонью по уху, проверить, не оглохла ли она. Оказалось, не оглохла.

Внезапно впереди вспыхнул яркий свет, больно ударив по глазам. Маша дернулась, но Транец среагировал мгновенно и его рука, лежавшая у девочки на плече, ткнула ее лицом в землю. Где-то справа заухала какая-то неведомая тварь, послышался топот и треск ломающегося кустарника, а через пару секунд тишину разорвала громкая пулеметная очередь. Маша не знала точно, как стреляет пулемет, но она была уверена, что автомат так громко стрелять не может, а другого оружия, стреляющего очередями, она попросту не

знала. Раздался громкий визг, что-то большое глухо ударилось о землю, послышались всхлипы, переходящие в кашель, который становился все реже и реже, пока не стих. Секунд тридцать все лежали не двигаясь. Транец снял руку с Машиной головы и, щурясь, рассматривал освещенное пространство впереди, осторожно выглядывая из-за чахлого кустика какого-то колючего бурьяна.

Маша попробовала немного приподнять голову, но была тут же одернута Сюром, чья огромная ладонь весьма бесцеремонно снова ткнула ее лицом в землю. Так она лежала довольно долго, пока ей не стало трудно дышать. И только она собралась обидеться и возмутиться таким неласковым обхождением, как в той стороне, где находилась тварь, кто-то громко и отчетливо произнес хриплым голосом: «Абанамат». И тут же погас свет.

Навалилась темнота, Маша услышала, как позади нее негромко чертыхнулся Боцман, Сюр снял руку с ее затылка и она наконец смогла вдохнуть полной грудью без риска наглотаться земли. Глаза постепенно адаптировались к лунному свету, и она уже начала различать силуэты деревьев. Мотя появился так же тихо, как исчез.

— Вот же суки! — прошептал он, присаживаясь возле них.

— Что там было? — Транец поднялся.

Поднялись и остальные.

— Эти козлы... — он запнулся, поглядев на девчонку, — установили автоматическую турель с датчиком движения.

— Ах ты ж сволочь! — громче чем нужно в сердцах ругнулся Боцман. — И какому умнику это в голову пришло, хотел бы я знать? Я бы якорь ему вставил в то место, которым он думал.

— Нам еще повезло, мы не доползли до зоны его действия каких-то десять метров. И главное — я вчера еще, когда пристреливал оружие, из посадки заметил, что на этом участке ни вышек, ни блокпостов. В чем подвох, думаю? А вон в чем — автоматику на сталкеров поставили.

— Так это ты ее разбудил, что ли? — Сюр подергал ус.

Мотя помотал головой.

— Я какую-то плоть с ночевки снял, на нее и реакция. Хотела, видать, проверить, кто тут к ней на завтрак пришел. Проверила.

— А как она с этой стороны оказалась? Почему датчик не сработал?

— А я почем знаю, Сюр? Я же с ней не пасусь на лужку! — Мотя, судя по всему, разозлился — слишком уж резко он говорил, будто выплевывал слова.

Повисла неловкая пауза. Маша заметила, как сталкеры избегают смотреть на их проводника, отводя взгляды.

— Извини. — Мотя легко толкнул здоровяка в плечо. — Меня там сейчас чуть не порезало пулями пополам, сам понимать должен.

— Проехали. — Сюр попробовал улыбнуться, вышло неважно. — И чего теперь делать станем?

— Дальше пойдем, как и задумывали. — Мотя пожал плечами.

— Ты сдурел? — Транец даже привстал от удивления, но тут же сел обратно, вспомнив о турели. — Как мы под пулями поползем? Она же и по земле работает.

— А ползти уже не надо, я ее отключил.

— ...?

— Руками, — ответил Мотя всем сразу на немой вопрос. — Пока она на плоть охотилась, я под кустиками прошмыгнул и зашел с тыла. Примитивная вещь на самом деле.

Боцман довольно крикнул, а Транец и Сюр уважительно покивали головами.

Сама Маша ничего из сказанного не поняла, кроме того, что там действительно стрелял пулемет и теперь он не опасен. Вот и здорово! Какие же они молодцы, эти сталкеры, а особенно Мотя, который голыми руками может обезвредить пулемет. Она даже улыбнулась, совсем позабыв, что несколько минут назад собиралась обижаться на этих грубых мужланов, макающих ее лицом в грязь.

Долго рассиживаться не стали, а, перебросившись парой слов, быстрым шагом углубились в Зону, по пути сковырнув с креплений пулемет, которым вооружился Сюр. Маша такое оружие и поднять, пожалуй, не смогла бы, а в руках сталкера оно выглядело вполне уместно.

4

Лесополоса была неглубокой, метров около ста, но преодолеть ее было нелегкой задачей. Сосны перемежались березами, скрюченными неведомой силой в подобие бубликов, пригнутыми или вовсе лежащими на земле. Иногда Маше даже казалось, что это не березовые островки, а огромные мутировавшие опять пристроились на гигантском пне. Везде, где только хватало жизненного пространства, росли кусты лещины. Очень сильно затрудняло движение и огромное количество поваленных деревьев и крупных веток.

Глядя на то, как уверенно Мотя ведет отряд сквозь заросли, Маша подумала, что окажется она одна в такой чаще, она ни за что не смогла бы из нее выбраться — слишком уж она была городской и не умела ориентироваться в лесу.

Заросли кончились, и отряд вышел на край обрыва. Ночь еще господствовала над Зоной, но ясно ощущалась близость рассвета — луна вот-вот должна была нырнуть за деревья, а впереди горизонт уже подернулся светлым. За ночь земля подмерзла, кое-где лужицы вскрылись неуверенным льдом, а трава покрылась инеем. В лесу похолодание не ощущалось, а над обрывом ощутимо тянуло холодом, и Маша стала подмерзать. Пришлось наглухо застегнуть ветровку и по самые глаза натянуть капюшон.

Стало очень темно, вниз по склону угадывался глубокий котлован, но рассмотреть что-либо не было никакой возможности. Мотя присел на ящик, неведь как оказавшийся наверху склона, и достал ПДА. Остальные сталкеры тут же склонились у него над плечом.

— Мы почти у самых болот. Если спустимся туда, — Мотя показал рукой прямо и вниз, — то выйдем... ага, вот... выйдем напрямик к бывшей базе бывшего «Чистого Неба».

— Там ведь болота должны быть. — Транец ткнул пальцем в экран.

— Не должны, бдя, а есть, — встрял Боцман. — Я недавно там от бандюков отмороженных прятался, думал вброд речку перейти, а пришлось искупаться. Надо тудой идти, — и тоже ткнул в экран пальцем.

— А там тебя ждут не дождутся вояки. Им с утра как раз пострелять не в кого.

— А хрен тебе в пол-лица! Они пива с утра ждут, а не нас. Проскочим за кустиками, аки посуху.

— Да я лучше искупаюсь лишний раз, чем сухим помру!

— Да кто ты такой, чтобы мне дорогу указывать?

— А ты кто такой? Я на четыре месяца больше тебя Зону топчу!

— Ах ты ж мазут...

Маше надоело слушать этот спор, и она присела на край обрыва чуть в сторонке. С околозонным людям она была знакома всего день, но уже успела послушаться баек о сталкерах у Моти на квартире и довольно прилично изучить сталкерскую иерархию. Вначале ты «отмычка», выполняешь всю черновую работу у сталкера, учишься аномалии чувствовать, прокладываешь дорогу. Когда уже научился многому, пообтерся в обществе — ты сталкер, можешь сам «отмычек» брать в обучение. Сталкеры — люди вольные, могут в одиночку ходить, могут к клану прибиться. Если в клан вступил, ты уже не вольный. Клань — это что-то вроде армии, у них есть командир, который отдает им приказы. Насильно обычно в кланах не держат: не хочешь — иди на все четыре стороны.

Еще есть ветераны. Это особые люди, вроде старейшин — их тоже жизнь потрепала, они много знают и умеют, они давно в Зоне и им удалось выжить. Их уважают и к ним прислушиваются. В кланах они обычно командиры. А еще есть мастера, элита. Маша сначала подумала, что мастера — это самые главные в Зоне сталкеры, но ей объяснили, что они выше этого, подковерными играми не занимаются и в командиры не лезут. Зато их

авторитет порой может превосходить авторитет главы клана. Попасть к ним в ученики — розовая мечта не только «отмычек», а и обычных рядовых бродяг. Было, правда, еще несколько сталкеров, о которых ходили легенды, вроде Черного Сталкера и Болотного доктора, но Маша так и не поняла — живые это люди или фольклорные персонажи.

Какое место в иерархии занимал Мотя, для Маши было загадкой. Она видела, что он, несмотря на свое телосложение, является непререкаемым авторитетом для остальных бродяг из их группы, видела, как они слушаются его приказов. Щуплый невысокий сталкер отчитывал здоровых мужиков выше его на голову, как детей малых. Только Транец был с ним одного роста, но значительно превышал массой и потому тоже казался большим. По всему выходило, что Мотя либо ветеран, либо мастер. Но за то время, что они шли по Зоне, он ни разу не пустил никого вперед и сам прокладывал путь, как «отмычка».

Транец и Боцман разошлись не на шутку, готовые свою правоту доказывать на деле, а именно — кулаками. Кто сильнее, того дорогой и идти.

— А ну vareжки прикрыли оба! — рыкнул Мотя. — Или напомнить, кто здесь решения принимает?

Раздухавшиеся спорщики тут же затихли и виновато потупились.

— Вот что, ветераны, я вам скажу, — Мотя выключил ПДА и спрятал его в карман, — ни по болотам не пойдем, ни посуху. И это не обсуждается, — отрезал он, заметив, что Боцман хотел возразить. — Идем немного на север, до моста, а потом становимся на железку и по ней прямо. Чего тебе? — он повернул голову к Сюру.

Здоровяк начал переминаясь с ноги на ногу еще в начале спора и под конец уже не имел сил терпеть, но в присутствии девчонки он стеснялся и сейчас корчил смешные рожи, пытаясь объяснить Моте ситуацию. Мотя в свою очередь с минуту не мог понять, чего от него добивается здоровяк, а поняв, хлопнул себя по лбу и рассмеялся.

— Так чего же ты стоишь, блин? Не мог отойти в сторонку?

Сюр тотчас сорвался с места и бросился за ближайшие кусты.

Мотя проводил его взглядом, потом посмотрел на Машу и кивнул, мол, «не желаете тоже?» Она прислушалась к своим ощущениям и мотнула головой.

5

Когда подошли к мосту, из-за горизонта показалось солнце, стало совсем светло и Маша наконец могла разглядывать Зону в свое удовольствие. Честно говоря, она ожидала гораздо большего. Наслушавшись много страшных историй от отца, пообщавшись с Мотей и бродягами, она ожидала увидеть выжженную землю, свалку радиоактивного мусора, искрящиеся аномалии и стада страшных мутантов, гоняющиеся за злыми вооруженными сталкерами. Сейчас же она наблюдала самый обыкновенный осенний пейзаж. Долина, лежавшая перед Машей, поблескивала лучами восходящего солнца на воде речушки, протекавшей прямо под склоном. Заросли камышей ничем не отличались от тех, которые она видела на Днепре под Киевом, по ним не бегали мутанты, и выглядело все тихо и мирно. Ей даже стало немного обидно за Зону.

Мост частично оправдал ее надежды — видавшая виды ржавая конструкция висела над рекой, и казалось, вот-вот обрушится всей своей массой. Проложенные по мосту рельсы были в нескольких местах порваны, шпалы отсутствовали через одну-две, стальные балки местами были обуглены и в отметинах от пуль.

Перед самым входом на мост Мотя поднял руку, давая команду замереть, а сам прошел несколько метров вперед, достал из кармана пыльника какие-то железные гайки и стал зачем-то привязывать к ним ленточки белой ткани.

— А зачем ему гайки? — спросила Маша у Транца, сидевшего на корточках ближе всех к ней.

— Путь повесить, — буркнул тот.

Вот молодец! Объяснил, называется.

— А зачем? — Маша решила не отставать, пока все не прояснит.

— Ну как зачем? Сейчас ленточки привяжет и начнет кидать — провешивать путь. Если гайка в аномалию угодит, та сработает, и, значит, ходить туда не следует. Будет обход искать.

— А ленточки зачем?

— Вот ты глупая, — Транец раздраженно пожал плечами, — чтобы бросать удобнее было, это ж понятно.

— Сам ты глупый. — Маша обиделась и отвернулась от наглеца.

— Но-но, малявка, ты не забывайся.

— Ты тоже не забывайся, — встрял Сюр. — Ты на нее работаешь, между прочим. Или забыл, кто деньги платит? А ты, Маша, не обращай на него внимания. Просто уже утро, а он не опохмелен до сих пор.

Транец ехидно хмыкнул, а Сюр продолжил:

— Когда гайку бросаешь, ее полет не всегда легко отследить, а если с лентой, то траекторию полета хорошо видишь и замечаешь любые отклонения.

— А ты чем пользуешься? Тоже гайками?

— Я нет, — гордо ответил здоровяк. — У меня детектор последней модели и все известные аномалии в базе прописаны.

— А почему у Моти нет детектора? Он дорогой?

— Есть у него, и покруче, чем у Сюра. — Маше показалось, что в голосе Транца прорезались завистливые нотки. — Я видел.

— У меня самая последняя разработка! — вскинулся Сюр. — Специально у ботаников на Янове себе заказывал, пять тысяч за него отвалил!

— Ну, начинается, — простонал Боцман. — Другого места пиписьками меряться вы, конечно же, не нашли. Ни в «Трех парсеках» от вас покоя нет, ни в Зоне.

Сюр и Транец недобро зыркнули на него, но ничего не ответили и замолчали, старательно делая вид, что их очень интересует работа проводника.

Тем временем Мотя уже был на другой стороне моста и заканчивал обозначать дорогу ленточками, которые он повязывал на стойках моста или рельсах. Повязав последнюю, он повернулся и, показав пальцем на Боцмана, стал чертить в воздухе линии, показывая, от какой ленты к какой следует двигаться.

Перешли. Мотя дожидался их, сидя на шпалах и покуривая сигарету.

— Отсюда до тайника рукой подать, — сказал он, выпуская дым. — И заметьте, ветераны, ни под пулями военных, ни без защиты в радиоактивной воде и в относительной безопасности. А если мутант какой повстречается, на то у нас есть БМС — боевая машина Сюр, покрошит в капусту из своей пушки даже псевдогиганта.

Глава 9

1

Устраивать тайники в Зоне — целая наука, требующая творческого подхода. Свой тайник Мотя оборудовал в туннеле под железнодорожной насыпью. С одной стороны он был надежно защищен «Электрами», живущими в туннеле постоянно и положения своего не меняющими, с другой — он был на виду. Как известно, если хочешь что-то надежно спрятать — положи его на самое видное место, не найдут. Мотя прятал свой «Хеклер Кох» в грудке тряпья, валяющейся на пяточке между двумя сверкающими аномалиями и ни разу ни один из сотен сталкеров, проходивших в этом месте, не заинтересовался содержимым. Рядом с тряпками лежал деревянный ящик из-под патронов семь шестьдесят два, потрескавшийся, обугленный с одной стороны, с оборванными запорами. Внутри ящика лежало несколько пустых жестяных банок и пара десятков гильз, а под ящиком Мотя два года назад вырыл небольшую яму, обложил ее стенки дощечками, а сверху прикрыл куском фанеры. В ней он

хранил два пистолета Токарева с боекомплектom, пять запасных магазинов для своей штурмовой винтовки, древний ПДА, детектор и флагу с «неприкосновенным запасом» виски.

Оставив спутников дожидаться его возле остатков командирского УАЗика, Мотя быстро опустошил тайник, подхватил винтовку и, выйдя из туннеля с обратной стороны, вернулся к товарищам уже с оружием.

— Держите, — он протянул пистолеты Боцману и Транцу. — Хоть какое, но оружие. Учить пользоваться, надеюсь, не придется?

— Ты в антикварную лавку заглянул по пути, что ли? — Боцман с кислой миной извлек магазин и стал набивать в него патроны.

— Извини, «беретты» еще не завезли, а «Пустынного орла» Гордон Фримен буквально передо мной забрал.

— А себе ты пукалку, я смотрю, спецзаказом оформлял?

— В общем да.

— И нафига она тебе сдалась? «Калаш» дешевле и надежнее будет.

— Надежнее, говоришь? — Мотя положил штурмовую винтовку в песок, присыпал ее сверху для убедительности, поднял, потряс, струшивая песок, и дал очередь. — Этот не менее надежный, а прицельность, отдача и функциональность у него гораздо выше.

— С пониманием. — Транец закончил набивку и сейчас приводил в чувство барахлящий детектор аномалий. — Это М-16 так модернизировали, или что-то новое?

— Фрицы постарались. Я, когда баба Ната мне его показала, в осадок выпал и тут же махнул не глядя. Полтора года уже с ним хожу и ни разу не пожалел — замечательная штукавина!

Внезапно раздался противный писк — это детектор проснулся и обнаружил рядом сильные аномалии.

— О! Работает, — довольный Транец зачем-то показал всем экран с мигающими красными кругами. — Можно двигать.

— Тогда пошли. — Мотя повесил винтовку на плечо и поправил бандану. — Мы с Сюрком выдвигаемся вперед, Транец и Боцман прикрывают тыл, а Маша посередине. Сюр, только держись немного позади меня.

2

Мотя повел отряд самой короткой и безопасной дорогой — через Свалку. Да-да, бывает и такое в Зоне, когда самый прямой путь является и самым безопасным. Редко, но бывает. Местность от берлоги Сидоровича до базы «Долга» была истоптана вдоль и поперек, каждый закуток был тщательно изучен, каждая кочка нанесена на карту. Аномалий на этом участке встречалось мало, опасных мутантов почти не наблюдалось, а бандитов усилиями «Долга» почти выжили с территории. Знай себе топай по асфальту, как по проспекту, за часик неспешно и дотопаешь.

Небо затянулось тучами, начал накрапывать мелкий дождь, а воздух наполнился водяной взвесью. Мотя любил такую погоду — и нос не отморозишь, и потеть не будешь под пыльником. А то, что сыро, так это невелика беда, зато многие аномалии видишь издалека и обходишь без всякого детектора. У Моти даже настроение поднялось, и он начал напевать себе под нос, не теряя тем не менее бдительности, хорошо помня о том, что бывает с теми, кто позволяет себе расслабляться. Остальные же приуныли и шли молча, даже обычно балагуристый Транец не шутил, как обычно. Но тут внезапно прорвало Машу:

— У меня в школе на уроке физкультуры одна девочка ногу подвернула, но ее физкультурник все равно заставлял прыгать в длину, сказал, что, если будет прикидываться, двойку в четверти поставит. Мы ее защищали, конечно, но он уперся и слушать не желал. Ей пришлось папе звонить, а он у нее полковник милиции, так приехал наряд и физкультурника забрали в отделение. А директриса собрала нас в классе и ругалась, грозила, что все мы на второй год останемся. А я сказала, что вообще тогда в школу ходить не стану и ничего они

мне не сделают, потому что у моего папы такие связи, что им милиция детским садом покажется...

— Маша, помолчала бы ты, а? — грустно предложил Сюр. — И так тошно, а тут еще ты зудишь.

Девчонка посмотрела на него непонимающе, волосы на лбу поправила и опять за свое: как с директрисой собачилась, как ее в учительскую водили и что только один математик за нее заступился.

Моте ее трескотня не мешала. Это нормально, у всех новичков словесный понос случается, и несут они всякую околесицу. Тут главное — дать им выговориться. А вот Сюр удивил — не впервые же с новичком в Зону заходит, должен бы быть в курсе таких вещей. Надо бы приглядеть за ним, чтобы ненароком не съехал мужик с катушек, не то неприятностей не оберешься.

Только прошли остов автобуса и приблизились к повороту на кладбище техники, как Мотя что-то почувствовал и встал как вкопанный. Если бы его попросили объяснить, что он почувствовал, то он не смог бы этого сделать даже под страхом немедленного четвертования. По идее, их путь лежал прямо, но именно прямо он идти и не хотел. Направо на кладбище повернуть — это пожалуйста, прямо — ни за что. Пусть и дольше придется топтать, и через «грязное» пятно между холмами проходить, но если интуиция взбунтовалась, то следует к ней прислушиваться. Без интуиции в Зоне никуда, она — залог выживания. Мотя оглянулся на спутников, они стояли и настороженно смотрели на проводника, почувствовав его напряжение. Он махнул им рукой, показывая, что пойдут в обход, взял винтовку наизготовку и пошел направо.

3

Кладбище техники потому так и называлось, что сюда свозили зараженную радиацией технику во время ликвидации первой Чернобыльской катастрофы тысяча девятьсот восемьдесят шестого года. Оно представляло собой огромный пустырь, заставленный сотнями, если не тысячами, отработавших свое грузовиков вертолетов и бэтээров. Весь этот металлолом безбожно фонил, а появившиеся после второго взрыва две тысячи шестого года стаи слепых собак и аномалии сделали это место еще менее привлекательным. Но, невзирая на радиацию и агрессивную фауну, все же находились смельчаки, рисковавшие не только по кладбищу ходить, но даже устраивать на нем стоянки.

В быстром темпе (Мотя не хотел принимать «антирад» и старался как можно быстрее выйти из «грязной» зоны) проскакали по вертолетному коридору, немного задержались в коридоре грузовиков, обходя по крышам автомобилей пару воронок, и вышли через дыру в ограде из ржавой колючей проволоки ровно к подножию холма. Вот тут уже начиналась настоящая Зона, потому что ложбина, по которой предстояло пройти, была заполнена «жарками» и «трамплинами». Спешить не следовало, не блох ловим, а свериться с детектором не помешает.

— Включай прибор, Транец, — скомандовал Мотя.

Похожий на филина сталкер активировал прибор, который тут же принялся попискивать, сигнализируя об аномальной активности поблизости, и протянул его проводнику.

— Давай лучше ты его неси, а я гайками проवेशивать стану. — Мотя извлек из кармана несколько штук и принялся привязывать к ним ленточки. — А вы ждите здесь, — он повернулся к остальным членам команды, — потом по гайкам пройдете, когда я отмашку дам. Раньше команды в ложбину не суйтесь.

Он примерился и запустил первую гайку, та пролетела беспрепятственно метров десять и приземлилась возле лужи, похожей на страну Италию, как она выглядит на карте.

— Давай помалу до гайки, — подтолкнул Мотя Транца, — но с детектором сверяйся. Я сразу за тобой.

Прошли нормально еще пять гаек, аномалии хорошо отображались на экране, да и дождь помогал, обрисовывая их, и Мотя уже собрался было бросать очередную гайку, как вдруг заметил небольшое свечение между двумя жарками слева.

— А ну глянь туда, — он ткнул пальцем в сторону свечения, — это не артефакт там за кочкой семафорит?

— Похоже. — Транец в задумчивости почесал бороду. — Проверить?

— Давай. Только сперва гайку туда зашвырну, по ней пойдешь.

Мотя немного не рассчитал силу броска, и гайка не долетела до цели около полуметра.

— Сойдет.

Транец мелкими шажками направился в сторону кочки и через пару десятков секунд радостно воскликнул:

— Ого! Вот это пруха! Тут целых два «глаза» спряталось! Есть во что упаковать?

— Контейнеры за Периметром остались. — Мотя подумал, что оставлять такие редкие артефакты из-за отсутствия тары для переноски глупо. — Придется по карманам распахивать, а радиацию потом выведем. Давай подбирай и возвращайся.

Два «глаза» в одном месте — это к неудаче. Среди ветеранов Зоны бытовало мнение, что если носить этот редкий артефакт на поясе или в нагрудном кармане (в кармане предпочтительнее, потому что к сердцу ближе), то быть тебе непременно везунчиком и в смерти, и в любви. Мотя, как большинство сталкеров его поколения, в приметы верил, всячески соблюдал связанные с ними ритуалы и моментально бил в торец, если при нем кто-либо из новичков позволял себе пренебрежительно отзываться о приметах. А все потому, что он на собственной шкуре испытал их действенность и знал — сталкерские приметы работают. И вот — сразу два артефакта, приносящих удачу. Следовательно — быть беде, потому что закон подлости в Зоне работает как нигде.

Вернулся счастливый Транец.

— Нет, ты видел, какая пруха? Два! Сразу два «глаза» в одном месте! Интересно, сколько монет нам за них барыга отвалит?

— погоди радоваться...

— Согласно договору, — тут же набычился Транец, — всю добычу, найденную в походе, делим пополам.

— Пополам-пополам, никто и не спорит. Я тебе о другом толкую. Ты знаешь, что это за артефакт? Знаешь, что он удачу приносит? А теперь попробуй вспомнить, известны ли тебе случаи, чтобы кто-нибудь когда-нибудь находил два «глаза» одновременно. Не слыхал о таком? Вот и я не слыхал. И никто не слыхал. А теперь пошевели извилинами, ты ведь мальчик умный.

Транец на минуту задумался, наморщив лоб, покрутил варианты в уме, а когда его осенило, он даже выронил артефакты и стал вытирать руки о колени, слово испачкался чем-то мерзким.

— Вот то-то же! — Мотя назидательно поднял указательный палец. — А артефакты подними, ибо сказано было: «На Черного Сталкера надейся, а сам не плошай».

Двинулись дальше и, бросив еще три гайки, выбрались на другую сторону ложбины. Мотя помахал Сюру, тот кивнул, объяснил Маше алгоритм движения и не торопясь пошел от одной белой ленточки к другой. Маша следовала за ним на расстоянии вытянутой руки, а замыкал своеобразный караван Боцман. Пока они обходили аномалии, Мотя решил проверить местность и полез на холм. На самом деле это был искусственный холм из строительного мусора и фонило на нем со страшной силой. Видимо, сюда свозили остатки разрушенных стен и перекрытий из четвертого энергоблока, а потом засыпали вынутой из-под него же землей. В другой бы ситуации Мотю на него ни за какие коврижки не затянули бы, но ему не давало покоя то возникшее чувство опасности, которое заставило его свернуть на свалку. На вершину он заполз на пузе, выбрал местечко почище и достал бинокль.

Замечательный вид открывался сверху — кладбище было как на ладони, на дороге возле бетонных развалин бывшей когда-то автобусной остановкой резвилась «электра»,

вдалеке он заметил пару псевдокабанов, деливших что-то со стаей слепых псов. Ничего подозрительного ему на глаза не попало, но чувство опасности не отпускало. Он снова поднес бинокль к глазам и стал изучать местность более тщательно. Опять ничего. Странное дело, раньше интуиция его никогда не подводила и уже если сигнализировала об опасности, то опасность имела место быть.

4

Рассиживаться долго на верхушке не стоило — потом столько не выпьешь, чтобы вывести всю радиацию, что нахватаешь, — и Мотя уже собрался сползать вниз, как вдруг его внимание привлекло как-то движение. Всего миг, но этого хватило, чтобы Мотя успел его заметить. Вот оно, есть! Вот именно это он и искал. Справа от холма на той стороне дороги были навалены бетонные плиты, на которые он и навел бинокль и сразу увидел дымок, вылетающий из-за одной из плит. Кто-то там прятался, и прятался он, судя по всему, неслучайно. Засада? Просто устроились сталкеры на перекур? Пока не проверишь, не узнаешь, а открывать огонь первым, не разобравшись, Мотя не хотел. Как можно незаметнее он спустился к поджидавшим его товарищам.

— Там за плитами кто-то сидит, — сообщил он. — Количество выяснить не представляется возможным, но вероятность засады велика. Поэтому обходим то место, как и собирались, но смотрим по сторонам более внимательно.

— А может, превентивно их? — предложил Боцман. — Чтоб не оставлять никого за спиной?

— Тогда нам всю Зону придется перестрелять, агрессор. — Мотя покачал головой. — А если кто из наших присел под кустик, а мы его ни за что ни про что накроем? Тебе бы понравилось, если бы тебя на горшке пристрелили?

— Было бы предложено. — Боцман равнодушно пожал плечами. — Могу мочить, могу не мочить.

— Трогать никого не будем, пока на нас не нападут. Вот тогда я дам тебе возможность оторваться, хотя много с твоим ТТ не навоюешь. Транец, с детектором вперед. Курс вон на тот башенный кран. Двинули поспешая, но не торопясь.

Двести метров до кирпичного забора прошли в полной тишине. Дождь прекратился, в тучах появились просветы, через которые иногда проглядывало бледно-желтое солнце, окрашивая и без того жухлую траву в неприятный цвет испорченной кабачковой икры. Холм остался по правую руку, впереди по курсу уже видна была бетонная коробка автобусной остановки, возле которой немногим ранее Мотя заметил «электру». Оставалось только завернуть за угол и пройти километр по асфальту до бара, как вдруг в полуметре от головы Транца, идущего первым, в забор врезалась пуля, сразу же за ней вторая, но уже ближе, третья прошла бы ему череп, но сталкер уже лежал на земле и готовился отражать атаку. Без команды залегли и остальные. Даже Маша, ни разу под обстрелом не бывавшая и пороку не нюхавшая, сообразила, что если она останется стоять, то сильно рискует, и шлепнулась на живот, замешкавшись лишь на полсекунды.

Мотя, к большому своему неудовольствию, кажется, оказался прав — это была засада. Целенаправленно на них ли, случайные ли бандиты — никакой роли это сейчас не играло, с этим позже будем разбираться, если останется кому и с кем. Это еще повезло, что удалось выломать пулемет с автоматической турели и тем самым сильно увеличить свою огневую мощь, ведь два ТТ слабо могли помочь одной штурмовой винтовке, даже при условии, что они находятся в умелых руках. Сталкеры в отряде были опытными бойцами — Транец и Боцман имели боевой опыт в горячих точках по всему миру, а Сюр до прихода в Зону служил во Французском Иностранном легионе. Где и кем служил Мотя, никто не знал. Сам он за кружечкой пива рассказывал, что два года просидел оператором на котельной при штабе ПВО где-то в Средней Азии, за все время службы всего два раза был на плацу, присягу принимал с саперной лопатой и в глаза не видел автомата Калашникова. Рассказывал настолько убедительно, упоминал такие детали, о которых не мог знать человек,

ни разу в котельных не бывавший, что ему естественно верили. Но те немногие, кому удавалось оказаться вместе с Мотей в Зоне, удивлялись его знаниям тонкостей ведения боя и умению выпутываться из самых сложных ситуаций.

5

Что первым делом делают умные люди, попавшие под обстрел? Правильно — падают мордой в грязь и пытаются не отвечивать. А что делают остальные? Они начинают судорожно махать друг другу руками, какие-то странные жесты показывать, в общем, корчить из себя крутых спецназовцев. А когда взаимопонимания на языке чокнутых глухонемых добиться не удастся, в дело идет понятный каждому простой русский мат.

— Бдя, коллеги! — это Боцман переполз за небольшую грудку ржавого металлолома и под ее прикрытием пытался рассмотреть угрозу. — Одного вижу, за крайней правой плитой. Снять не сумею, далековато.

— Место рядом есть? — с того места, где залег Мотя, плит почти не было видно.

— Поместимся, ныряй.

— Сюр! Дай очередь! Короткую!

Здоровяк уже давно приготовил свой пулемет к стрельбе и ждал отмашки. Громыкнуло, Мотя быстро на четвереньках перебежал к Боцману и тут же прильнул к прицелу. Слава Богу, он перед прошлым выходом за Периметр не поменял оптический прицел на коллиматорный, как это делал обычно, и сейчас не терял драгоценное время на обратную смену. Вот теперь другое дело, вот теперь поговорим!

Выцеливать долго не пришлось, первый из нападавших имел неосторожность высунуться из-за укрытия, пострелять, наверное, захотелось, а Моте много и не надо. Мгновенный довод ствола — и бандит, взмахнув руками, завалился назад с простреленным черепом. Первый пошел. Тут же зашевелились его подельники, обнаруживая свои позиции. У Моти отлегло от сердца — любители, если так и будут суетиться, справимся за пару минут.

— Транец, — крикнул Мотя, — видишь слева остановку? Сюр, готовь очередь. Давай!

Транцу не нужно было долго объяснять — как только раздалась очередь, заставившая бандитов спрятаться за надежными бетонными плитами, он сорвался с места и с необычной для своей комплекции резвостью перебежал к остановке. Мотя приготовился. Через несколько секунд со стороны остановки раздалась pistolетные хлопки и из-за плит вновь высунулись головы, поглазеть, что там за чудо с пукалкой. Нет, ну точно любители, или наркоманы обкуренные. Куда же ты лезешь, дурик, *поперед батька?* Вылез? Ну, тогда и пеняй на себя.

Когда второй ушел точно таким же образом, как и первый, бандиты запаниковали и начали не глядя поливать огнем. Естественно, что все их пули ушли далеко в сторону от Мотиного отряда.

— Боцман, сможешь пройти вперед? — Мотя решил дожимать отморожков. — Мы прикроем.

— Как две склянки пробить, — кивнул тот и приготовился стартовать.

Сюр уже без команды дал очередь, крупные пули высекали фонтанчики бетонной крошки из плит, бандиты уже даже не пытались отстреливаться, а Боцман зигзагами помчался в сторону их укрытия. Он не добежал буквально несколько метров, когда из-за плит высунулась рука с «Узи» и дала очередь. Боцману повезло — он вовремя заметил момент появления pistolета-пулемета и успел нырнуть, как заправский форвард, в траву. Мотя откровенно проспал угрозу, но тут же искупил вину, уложив пулю точно в запястье стрелявшего. Раздался крик, Боцман подскочил и в два прыжка достиг плит, за которыми и укрылся. Он уселся на землю, спиной облокотившись на бетон, показал кулак в сторону проспавшего Моти и приготовился уже прыгать за плиты, когда заметил несшегося со стороны остановки Транца и притормозил. Транцу понадобилась всего пара секунд, чтобы оказаться рядом с Боцманом, они посоветовались, показали Моте «контролируй» и, вместо

того чтобы атаковать с боков, полезли наверх. Бандиты, оказались не готовы к таким маневрам и через несколько мгновений бой был окончен.

Маша все время заварушки пролежала за небольшим холмиком, уткнувшись лицом в траву, и боялась даже голову поднять. Когда выстрелы стихли, она робко попыталась выглянуть и столкнулась взглядами с Мотей, который сидел метрах в пяти от нее и улыбался.

— Все кончено, ребенок. Плохие парни уже не страшны, но ты туда не ходи. Тебе не стоит на это смотреть. — Мотя повернулся к Сюру, стоявшему у него за спиной. — Побудь пока с ней, мы быстро.

Быстро добежав до плит, Мотя обнаружил, что, оказывается, убиты не все нападавшие. Один бандит, тот, которому он прострелил руку, сейчас корчился на земле, громко постанывая и злобно зыря на стоящих над ним Боцмана и Транца. Это весьма кстати — очень бы хотелось знать причину, из-за чего эти отморозки открыли огонь по их группе. Если это обычные мародеры, то тогда они очень неумные мародеры, потому что нападать надо на выходящие караваны — у них хабар богаче. Но это не фатально. А вот если нападение не случайно, то такие вещи лучше узнавать заранее и быть готовым к неприятностям. Да и простое человеческое любопытство, если честно, не пустой звук.

— Ну что, болезный, — Мотя присел на корточки возле бандита, — давай рассказывай, как обгонял, как подрезал.

— Чего? — бандит сплюнул.

— Рассказывай, что ты за зверек такой и чем мы тебе и твоим товарищам не угодили. — Мотя достал портсигар и закурил.

— Аптечку дай.

— Сейчас он, — Мотя как можно равнодушнее кивнул на Боцмана, — тебе в зубы даст. А этот, — кивок в сторону Транца, — тебе сухожилия подрежет, и мы просто уйдем. Устраивает тебя такой расклад?

Боцман и Транец времени даром не теряли и обыскивали карманы убитых бандитов.

— Ты чего, чего? — бандит явно испугался, и его можно было понять. С простреленной рукой и невозможностью быстро передвигаться в Зоне тебя гарантированно ждала жуткая смерть.

— Ты совсем неумный? Я, кажется, русским языком задал тебе вопрос. Отвечать будешь, или нам идти своей дорогой?

— Буду, — буркнул бандит. — Нам Кронштейн скинул инфу, что за вас награда положена. Пятьдесят тысяч обещал, если вас уложим.

— Кронштейн? Кто такой?

— Он в районе автобазы ошивается, местных там строит, все больше новичков. Ну и скидывает иногда заказы, если кого пришить надо.

— А чего у него фамилия такая странная? Он еврей, что ли?

— Почему еврей? Он из-под Одессы вроде.

— А под Одессой евреи не живут? Ладно, я понял. Что в заказе было?

— Да ничего не было. Сказал только, что если группа с девахой пойдет — мочить всю группу и пятьдесят тыщ за все про все. Больше ничего не знаю. Все дела с Кронштейном Пенал вел.

— А ты, значит, шестерка, тебе по рангу не положено?

Раненый бандит обиделся на «шестерку», но против правды ведь не попрешь, поэтому он отвернулся, как бы показывая, что сказать ему нечего, и засопел.

Все было ясно, что ничего не ясно. Сначала облава на квартиру, теперь вот заказ какой-то на их группу. Ой, нечисто тут дело! Или Маша чего-то не знает, или не договаривает. Неприятный заказик выходит и, судя по всему, это только цветочки, ягодки потом пойдут. Надо будет как-то попытаться Машу разговорить, чтобы ясно себе представлять степень опасности и, соответственно, принимать контрмеры. Только без нажима, а то девчонка испугаться может и тогда точно ничего не скажет.

Мотя поднялся и подошел к Транцу и Боцману, которые уже закончили осматривать содержимое карманов.

— Есть что?

Сталкеры покачали головами.

— Ладно, ступайте к Сюру, ждите меня там.

Он подождал, пока они отойдут, и вернулся к лежавшему бандиту.

— Тебя как звать-то, злыдень?

— Яша Каптер. Аптечку-то дашь?

— Дам-дам. Как не дать. — Мотя нехорошо улыбнулся и снял с предохранителя штурмовую винтовку.

Глава 10

1

Бар «100 рентген» располагался на территории бывшей головной базы «Долга». Бывшей потому, что почти весь народ ушел в центр и сейчас отирался на Затоне и на Янове, а на базе устроили перевалочный пункт. Вместе с «долговцами» ушел и прежний владелец бара, оставив заправлять делами своего помощника — Сашку Родмана, здорового пузатого барыгу, который по ушлости своей ни в чем не уступал шефу, а в скупости иногда даже превосходил известного на всю Зону скрягу — Сидоровича. Незаурядный коммерческий талант Родмана, к которому со временем приклеилась кличка Бармен (можно сказать, что перешла по наследству), не позволил загнуться бару. Для начала Бармен расширил помещение и оборудовал мини-гостиницу, значительно увеличил ассортимент напитков, выписал из Киева профессиональное кухонное оборудование вместе с поваром и наладил поставку свежих продуктов и деликатесов. Ставшая неактуальной Арена была переделана в казино с игровыми автоматами, рулетками и карточными столами, а в центре помещения был оборудован загон для проведения собачьих боев. Слепых собак, разумеется, благо недостатка в них не было. Из совершенно заурядного сталкерского бара, многолюдного только по причине своего стратегического расположения, новому Бармену удалось создать некое подобие Лас-Вегаса, в который тянулись люди. Единственное, что не смог организовать Бармен, это стриптиз. У него даже получилось заманить неизвестно какими обещаниями пару дебелих теток предбальзаковского возраста, но те успехом у бродяг не пользовались и довольно быстро растворились где-то на просторах. В итоге абсолютно все караваны, идущие за Периметр, равно как и направляющиеся к центру Зоны, планировали остановку в этом оазисе.

Именно сюда и вел отряд Мотя. На то у него имелось две очень веские причины: они лишились всех припасов и оружия, и надо было выяснить, что послужило причиной столь пристального внимания со стороны военной полиции к их персонам.

Подходы к базе не изменились. Все тот же ров с вбитыми в насыпь кольями, все те же повешенные в назидание мародеры, все тот же щит перед блокпостом с надписью «Ты на территории „Долга“. Не провоцируй и останешься жив!» Только охрана на посту стоит уже не долговская, а наемная.

На площадке между казино и баром, как всегда, крутилась всякая шушера в надежде поймать лоха из числа доверчивых туристов или новичков и раскрутить его на деньги. Тут предлагались услуги матерых проводников хоть к «Исполнителю желаний», продавались самые редкие артефакты и самое мощное оружие. Если вы когда-нибудь сталкивались с представителем канадской оптовой компании с повадками пэтэушника, то имеете представление о любом из завсегдатаев этого пятачка. «Проводники» на самом деле дальше чем на километр от бара никогда не отходили, «редкие артефакты» водились под каждым кустом, а «мощное оружие» не пробивало даже лист сантиметровой фанеры. Оставалось только догадываться, как эти чудики, которых и сталкерами-то назвать язык не

поворачивался, зарабатывали себе на существование. Особо выделялись в этой братии два забавных персонажа — Медвежонок с Агапошей. Первый на полном серьезе мнил себя легендой Зоны и при каждом удобном случае тоном ментора внушал эту идею всем, кто оказывался в поле его зрения. Он даже собрал вокруг себя небольшую секту последователей и назначил себя их идеологом. Второй же являлся самым ретивым подпевалой у доморощенного гуру.

Мотя обожал поддевать этих типчиков и наблюдать за их реакцией всякий раз, когда заходил в бар. Не удержался он и в этот раз.

— Все крысятничаете? — проходя мимо, спросил он. — Вы бы вышли хоть раз за территорию для приличия, что ли... А то смешно на вас смотреть, честное слово.

Этого было достаточно, чтобы площадка взорвалась яростными воплями. В бар Мотя входил улыбаясь.

2

В связи с расширением и реорганизацией внутренний дизайн бара сильно изменился. Зал сделали втрое большим, заменили старые высокие столы, какие стояли в советских гастрономах, на удобные деревянные — со скамейками с мягкими сиденьями. Бармен утверждал, что обивка была сделана одним умельцем в Дитятках из кож кровососов. У дальней стены помещения было организовано несколько отдельных кабинетов для любителей приватности, но чаще всего кабинеты пустовали.

Стойку тоже основательно переоборудовали, расширив и удлинив так, что теперь за ней одновременно могло свободно сидеть полтора десятка посетителей и не толкаться при этом локтями. В двух местах в стойку были врезаны пивные краны, а посередине возвышалась небольшая доска, стилизованная под школьную, на которой мелом писалось фирменное блюдо сегодняшнего вечера. В стену за стойкой был встроен огромный шкаф с прозрачными стеклянными дверцами, в котором было выставлено несметное количество разнообразных бутылок.

Сегодня за стойкой стоял сам хозяин заведения. Любимый Мотин кабинет в самом углу, из которого можно было видеть полностью весь зал, по случаю дневного времени был пуст, да и вообще народу было немного. День — не самое пиковый период и обычно в это время у всех приличных сталкеров находятся неотложные дела. Зато начиная с вечера и почти до утра в зале будет не протолкнуться.

Мотя провел своих спутников к столику, бросил под лавку рюкзак, сказал, чтоб заказывали без него, и направился к стойке.

— Здоровэньки булы, — поздоровался он с Барменом. — Что нового?

Бармен молча достал откуда-то из-под стойки огромную пятилитровую бутылку и пыльный граненый стакан, дунул в гранчак и плеснул из бутылки мутноватой жидкости на четыре пальца.

Мотя понюхал содержимое стакана, скривился, затем резко выдохнул и одним махом вылил жидкость в горло, ухнул, хлопнул рукой по стойке и только после этого взгромоздился на табурет.

— Неправильный ты какой-то бармен, Барбридж, стаканы у тебя грязные. — Он посмотрел склянку на просвет и улыбнулся хозяину. — В приличном заведении принято протирать посуду, прежде чем наливать клиенту.

— Так и шел бы туда, — буркнул беззлобно Бармен и налил еще на четыре пальца. — А «Хиросима», сам знаешь, из чистой посуды не пьется.

— Что ж ты со мной делаешь, барыжья твоя душонка? — Мотя поднял стакан. — Мне же еще идти сегодня, а отказаться от твоего «нектара» я не в состоянии. Смерти моей хочешь?

— А ты куда сегодня и не пойдешь, — заявил Бармен, дождавшись, когда сталкер выпьет и отдышится.

— Это кто это такой смелый выискался, за меня решать, что мне делать? — Мотя уставился на Бармена, прищурившись недобро.

— Я. — Бармен взгляда не отвел. Они слишком давно дружили, чтобы понимать друг друга с полуслова и полувзгляда. — Тут ситуация нехорошая нарисовалась. Пока не обмозгуем, никуда не пойдешь. А мозговать долго придется, это тебе не грелку рвать.

— Закажи мне тогда горохового супчику с гренками да чего у вас там фирменного сегодня? — Мотя взглянул на доску. — Ага, тунец под имбирем с гарниром из тайского риса? Неплохо. Вот пусть его и принесут, а я на минутку к своим слетаю. И пивка тогда плесни мне, если разговор долгий предстоит. «Грелша» парочку.

Он сходил к своим спутникам, которые уже заказали обед и сидели в ожидании, попивая пиво, предупредил, чтобы те никуда из бара не выходили, подхватил из своего рюкзака планшет с бумагами и вернулся к стойке.

Еду еще не принесли, зато на стойке уже стояли два бокала с пивом и пена соблазнительно вылезала за края, стекая по бокам, уже покрывшимся капельками воды от холода. Первый долгий глоток вернул ясность мозгам, затуманившимся от двух порций Барменовской настойки.

— Рассказывай. — Мотя закурил. — Что за нехорошая ситуация такая?

— Охоту на тебя объявили, — как-то отстраненно ответил Бармен, демонстративно — вот же стервец! — протирая бокал белоснежным полотенцем. — С утра в сеть кинули объяву и сумму вознаграждения.

— Вот так открытым текстом и кинули? — Мотя недоверчиво улыбнулся и отпил из бокала еще треть живительного напитка.

— Вот так и кинули! А чему ты радуешься, чему радуешься, дурень? — разозлился Бармен. — Думаешь, я тут перед тобой в Петросяна играю? — Он нагнулся к Моте так близко, что тому пришлось отстраниться, чтобы ненароком не вышло конфуза в виде поцелуя, а то не поймут ведь. — Это тебе не шуточки! Такого не бывало уже года три, чтобы всей Зоной одного сталкера ловили.

— Погоди, погоди. Меня одного, что ли, ловят?

— Нет. Награду дают только за девчонку. Живую и невредимую. Остальных разрешается уничтожить. Да ты включи свой ПДА и сам посмотри. Наверняка есть сообщение, они в открытую сеть кинули.

— Вот я тормоз! — Мотя хлопнул себя по лбу и полез в карман за наладонником.

Стоило только системе загрузиться, как тут же в пол-экрана замигал значок «важное сообщение». Мотя коснулся пальцем монитора и во весь экран выскочило сообщение:

«Всем заинтересованным! Предлагается контракт на поимку и/или уничтожение группы из пяти человек, направляющейся в сторону Лиманска. В составе группы есть девушка четырнадцати лет. Запрещается причинять ей вред. Девушку со всеми вещами предлагается доставить в штаб командования Объединенного контингента. Всех сопровождающих в случае необходимости можно уничтожить. Вознаграждение — пятьдесят тысяч условных единиц».

Мотя допил первый бокал, основательно приложился ко второму, разом осушив едва ли не половину, и закурил. Минут пять он размышлял над ситуацией, что-то прикидывал в уме и бормотал себе под нос, затем резко затушил окурочок в пепельнице и несколькими глотками допил второй.

— А я-то думаю, чего это на нас все косятся странно, а оно вон что! Заказ, значит, вывесили, уроды! Сами зассали в Зону соваться, так решили чужими руками, твари! Вот о каком заказе Каптер, значит, болтал.

— Что за Каптер такой? — спросил Бармен.

— В том и дело, что уже совсем никакой. В буквальном смысле, — добавил Мотя, прочитав непонимание на лице друга. — Ты же знаешь, как я не люблю, когда в меня стреляют.

— Что намерен делать? — спросил Бармен, выставя на стойку еще один полный бокал с пивом и тарелки с едой.

— Как что? — Мотя от удивления чуть не выронил бокал, который уже подносил ко рту. — Думаешь, я испугаюсь всяких засланцев и побегу прятаться домой под кровать?

— Я ничего не думаю, я просто могу предложить вариант, если ты успокоишься и послушаешь меня.

— Пять секунд. — Мотя сделал несколько глотков, вытер губы ладонью и накинута на гороховый суп. — Выкладывай.

3

Мотя присоединился к команде через несколько минут. Поставил кружку с недопитым пивом на стол. Сел на скамью возле Маши. Сообщил, глядя поверх голов:

— Итак, я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить вам пренеприятное известие: Хьюстон, у нас проблемы...

— Ну вот, не дал спокойно отобедать, — недовольный Сюр отложил в сторону ложку. Дотянулся до бутылки «Хемуля», налил с полстакана. Пояснил: — Это я для снятия напряжения, — и выпил залпом.

— А что, до этого у нас не было проблем? — невинно поинтересовался Транец.

— До этого у нас был разогрев перед проблемами. Разминались красненьким, так сказать. А теперь — шоу начинается. Ну-ка, посмотрите все, что у нас творится в Сети. Вы сразу увидите, о чем я...

Сталкеры послушно полезли за наладонниками, включили. Мотя, несмотря на серьезность положения, не без удовольствия наблюдал за тем, как меняются лица товарищей. Впрочем, он понимал, что пять минут назад с его физиономией происходили примерно те же метаморфозы.

— Это что за хрень такая? — первым взорвался Боцман. — Ты во что нас втянул, блин?

— Я вас втянул в хорошее приключение за хорошие деньги. Если все будет удачно...

— Да какое, на хрен, удачно?! — присоединился Сюр. — При таких раскладах мы из бара не выйдем.

— Только присутствие «девушки четырнадцати лет» мешает мне применить обценную лексику в сложившейся ситуации. — Транец, видимо, решил действовать на контрасте и изобразить «доброго следователя».

А Маша только открыла рот — то ли от испуга, то ли от удивления, то ли от ожидания новых приключений. И так, с открытым ртом, обводила всех взглядом распахнувшихся глаз.

— Что, сталкеры, очочками поигрываем? — Мотя намеренно провоцировал. Пусть поорут, спустят пар, потом легче общаться будет. — Как трудности начались, так сразу в кусты?

— Да я... Да ты... Меня — трусом? — Сюр сделал движение, как будто хватается за пистолет. Было бы в баре разрешено стрелять — мог бы и воспользоваться.

— Ну ты, Мотя, и фрукт, бдя. — Это уже Боцман. Он начал приходить в себя, и видно было, что он обдумывает ситуацию.

— Присоединяюсь к предыдущим ораторам, — сообщил Транец. — С обвинениями нас в игре очком ты, Мотя, поторопился...

— А что вы хотели бы? Чтоб я посыпал голову пеплом, полил супом и побежал в Каноссу каяться? У меня есть наниматель — вот эта девочка. Я взялся довести ее до нужного места, и я собираюсь выполнить договор. Этого, если угодно, требует моя репутация. А чего требует ваша репутация? Еще денег?

Пока Сюр втягивал воздух для очередного акустического залпа, пока на бородатой физиономии Боцмана отражались мысли о дополнительном заработке, штурвал перехватил Транец.

— Видишь ли, Мотя... Деньги — это хорошо. Это — тема для обсуждения. Но деньги трупам и арестантам не нужны. Когда ты звал нас с собой, подразумевался обычный рейд.

Опасный, но вполне ординарный. Теперь ситуация изменилась. Мы фактически объявлены вне закона. Прямо сейчас и прямо здесь нас могут повязать и отправить в каталажку...

— Это ты загнул, однако, — перебил Мотя. — Здесь нам ничего не угрожает. Сталкеры своих сдавать не будут. Впрямую, у всех на виду — не будут. В Зоне некоторые несознательные личности могут и попробовать... А на территории бара сталкерская братия и наемников уничтожит, и бандитов, и вообще любого, кто будет оружием махать. А потом... Военные вообще остерегаются в Зону ходить, так что опасаться нам надо только гопоту всякую и наемников.

— А этого мало? Ты представляешь, как нам теперь будет тяжело? А ты говоришь, мы трусим... Мы не трусим, мы другого хотим...

— Ну и чего вы хотите, если не денег?

— Да, Транец, чего мы хотим? — повернулся к Транцу Боцман. Сюр и Маша тоже повернулись и уставились на Транца, но уже молча.

— А хотим мы вот чего. Мы хотим понять — зачем все это? Ради чего мы рискуем своими столь привычными нам шкурами? Мы игроки, а не болваны из старого польского преферанса!

Насчет преферанса Маша не поняла, но почему-то у нее засосало под ложечкой. Начинался неприятный разговор, она это чувствовала.

— Во, четко Транец сформулировал! Внушает! Я бы так не смог! — добродушное настроение быстро возвращалось к Сюру. Он вообще был вспыльчивым, но отходчивым.

— То есть вы хотите, чтобы я рассказал, зачем и куда мы идем? Не могу. Это не моя тайна.

— А чья? Машина? Тогда с нее спросим. Машенька, а Машенька... Расскажи дядям правду, — вкрадчиво встрял в дискуссию Боцман.

Маша, как известно, терпеть не могла, когда ее называли Машенькой... Ярость накатила как цунами.

— Я тебе не Машенька! Ничего я вам не скажу! Тоже мне — мужики. Чуть что — сразу все кругом виноваты!!

— Маш, подожди, не кипятись, — попытался осадить ее Мотя.

Но Машу уже несло:

— Что вы хотите, чтобы я вам рассказала? Как будто что-то изменится! Да вы и не поймете ничего! И вообще, мне велено никому ничего не рассказывать!

Маша даже не замечала, что по щекам катятся слезы. Напряжение последних двух суток вырывалось наружу, как пепел из вулкана Эйяфьядлайекудль. Но женской, а уж тем более девичьей истерикой сталкеров было не пробить. Они и не такого за свою жизнь навидались.

— В таком случае, Маша, — Транец говорил ровно и спокойно, — мы сейчас встаем и выходим. Пойдем по Зоне пошляемся, может, найдем чего.

— Да погоди ты! — Мотя тоже начал закипать. — С девчонкой связался, тоже мне герой! Сейчас Маша успокоится... А она ведь правда успокоится... — Мотя поглядел Маше прямо в глаза, давая понять, что шутки и истерики закончились.

Маша почувствовала, что от этого взгляда у нее пропадает всякое желание кричать. Она села обратно, всхлипнула. И правда — начала успокаиваться.

— Маша, ты пойми, — продолжил Мотя, — у нас действительно ситуация усложнилась. И чтобы на ребят рассчитывать — им надо рассказать. Все что знаешь. Без них наше предприятие совсем бессмысленно. Меня убьют, тебя отдадут военным. И там тебе все равно придется все рассказывать, никуда не денешься. На салфетку, вытри лицо. Успокойся. И рассказывай.

— Хорошо, — присмирела Маша. Вытерла слезы. — Я расскажу. Только я сама не все понимаю. Там про физику...

— Не тяни, рассказывай, девочка! — Сюр совсем уже отошел от всплеска эмоций, и сейчас, казалось, вовсе жалел Машу. — Как-нибудь разберемся в этой физике-шмизике. Я, как-никак, Бауманку закончил. Когда-то, в другой жизни...

— Ну, в общем, я получила письмо от отца. Вы про него слышали — это физик Сергей Титаренко. Он пропал в Зоне несколько недель назад. Вместе с оборудованием и двумя аспирантами. Письмо пришло по обычной почте, не электронной...

— Это еще почему? — заинтересовался Боцман.

— Потому что вместе с письмом он отправил диск с данными исследований. Но мне дали в подъезде по башке, и диск, это... как бы сказать...

— Скоммуниздили? — подсказал Сюр. — Не тот ли это кадр, что тебя пас в Дитятках?

— Да, он. Но письмо у меня осталось. Случайно. Оно было так написано, что если бы его кто прочитал, кроме меня, — ничего не понял бы. В письме было еще одно, для дяди Андрея Синицына. Там тоже было много непонятного, но я смогла расшифровать. Только про физику не поняла.

— Дядя Андрей, как я понимаю, работает на одну из гэбэшных контор, — вставил Мотя.

— Да, наверное. Но он уехал в Японию. Говорят, там своя Зона образовалась. И я думаю, он туда в командировку не просто так отправился...

— А что в письме-то, рассказывай давай! — Вся тройка сталкеров подалась вперед.

— Папа что-то нашел в Зоне. Очень важное. Но должен прятаться. Просил Синицына его вытащить. Найти Мотю и вытащить. И тогда у них будет Нобелевка и власть над миром.

— Власть над миром? Инте-е-ер-е-есно... — протянул Транец. — А что нашел-то?

— Я не очень поняла. Вначале письмо наизусть выучила, а сейчас забывать стала, — соврала Маша. — Что-то про эвристическую сингулярность, временной шифтинг... Уже не помню. Потому что не понимаю...

— Еще что было?

— Ну, координаты были. Еще он писал Синицыну про то, что диск зашифрован, а кроме папы шифр никто не знает... Еще что-то про исполнение мечты. Или исполнение желаний...

— Исполнение желаний?! — Сюр аж подпрыгнул на месте. Скамейка и стол зашатались.

Боцман и Транец подались вперед и одновременно с благоговением прошептали:

— Монолит...

— Тссс! — шикнул Мотя на Сюра. — Не один тут! Услышат. Вот и я сложил два и два. И понял, что за всей этой научной лабудой в письме скрывается информация о Монолите. Иначе бы вояки так не гонялись за Машей. И за нами. Им это тоже надо. И кто первый дойдет — тот и король. Координаты у меня есть...

— Монолит... — благоговение перекинулось и на Сюра. — Что ж ты раньше молчал? Да к Монолиту я готов идти сквозь всех наемников Зоны!

— Молчал, потому что не моя тайна. Маши.

— Кстати, о Маше. Ты сам понимаешь, что с ней нам идти будет гораздо тяжелее? Может, спрячем ее в баре, а сами марш-бросочек до Лиманска?

— Никуда я прятаться не буду! — обиделась Маша. — Я папу иду спасать!

— Ага, пришла и всех спасла одна такая! Машунь, ты пойми, — Сюр говорил ласково, но с нажимом, — мы твоего папу спасем гораздо лучше и быстрее без тебя, чем с тобой. И сюда его тебе приведем, я обещаю...

— Сюр, не дави на нее! — опять вступился за Машу Мотя. — Есть у меня ощущение, что, во-первых, уговорить ее остаться не получится. А во-вторых, я подозреваю, что у нее есть с собой отмычка от искомого места...

— Ты обалдел, что ль, на старости лет, сталкер? — Сюр повысил голос. — Из ребенка «отмычку» делать? Да я тебя щас урою нафиг, сам «отмычкой» пойдешь!

— Ты не понял, Сюр, успокойся. Никто никого «отмычкой» не пускает. Просто у Маши есть ключ от этого места. Чтобы в него пройти. Наука, понимаешь, сингулярности, тирьямпампации и прочие эпсилон-деритринитации...

— О'кей. — Сюр опять начал успокаиваться. В который раз за вечер. — Тогда слушаем твои предложения — как нам дальше жить-существовать?

— Так, я понимаю, что больше возражений насчет дальнейшего похода не имеется? Хорошо. — Мотя улыбнулся. — А предложение простое. Начинаем бухать. Сильно бухать. Машу, чтобы не привлекать внимание к составу группы — «четыре сталкера плюс девушка четырнадцати лет», — я сейчас отведу в апартаменты и положу спать. Ей надо, она устала. Потом вернусь, и объясню дальнейшую диспозицию. Мне тут Бармен кое-что посоветовал...

4

— Значит, дело в следующем, Барбридж, — Мотя подвел Машу к стойке, — девочке надо отдохнуть. Свободные комнаты есть?

— Готовь паспорта. — Бармен кинул на стойку ключ с биркой. — Выселение до двенадцати.

— Может, еще в книге регистрации тебе расписаться? — усмехнулся Мотя. — Пива лучше мне еще налей. Я сейчас ее уложу и вернусь, кое-чего прикупить надо.

Он взял ключ со стойки, кивнул Маше и направился в левую от стойки дверь. Пройдя за ним, Маша спустилась по лестнице на один этаж и оказалась в длинном узком коридоре со множеством дверей. Мотя уверенно направился к двери с табличкой «13», отпер ее ключом и жестом пригласил войти.

— Не «Балчуг», конечно, но отдохнуть сможешь. Удобства, если понадобится, в конце коридора.

Маша вошла в комнату и осмотрелась — комната примерно три на четыре метра, два добротных топчана, небольшой шкаф, две тумбочки, низкий стол и пара стульев. Небогато, но чисто и прилично. В шкафу она нашла грубые одеяла, а вот белья нигде не оказалось, как она ни искала.

— А белья нет, с бельем мороки слишком много. — Мотя все еще стоял в проходе и наблюдал за поисками. — Сталкеры все грязные ходят, ложатся не раздеваясь, а стирать негде. Не тащить же сюда прачечную, в самом деле.

— На нет и суда нет. — Маша настолько устала, что ей было уже все равно. Она стащила ботинки, задвинула их ногой под топчан, вылезла из комбинезона и юркнула под одеяло.

— В туалет не желаешь сходить? А то я тебя закрою на всякий пожарный, — спросил Мотя.

Но Маша уже спала, ей снилось теплое и безопасное побережье Италии.

Мотя тихонько закрыл дверь и запер ее ключом. Намаялся ребенок, удивительно даже, что столько времени продержалась и не срубилась раньше, нагрузки ведь далеко не детские. Не каждый мужик сможет более суток на ногах провести, да еще и по Зоне ползая.

Он положил ключ в набедренный карман и двинулся на выход. Последняя дверь была открыта и из нее в слабоосвещенный коридор падал свет из комнаты, образуя светлый квадрат на противоположной стене. Мотя параноиком не был, но подходя к двери, он внутренне собрался, готовый в любой момент отразить атаку. Как и следовало ожидать, ничего не произошло — комната вообще была пуста. То ли он не заметил, как постояльцы покинули ее, то ли дверь открылась сама. Похоже, пора на прием к психиатру, если за каждым углом стала мерещиться опасность. «Вот выберемся — схожу обязательно. К Максиму Дубровскому, если он еще практикует», — мысленно пообещал Мотя самому себе.

Он завернул за угол и нос к носу столкнулся с человеком в таком же пыльнике, как и сам. Реакция была мгновенной — толкнув незнакомца в грудь так, что тот повалился на ступеньки, Мотя моментально выхватил из-под пыльника нож, отработанным движением выкинул лезвие и навалился на человека, намереваясь всадить остро наточенную сталь в глаз. Все это проделывалось на полном автомате, так что Мотя даже не отдавал себе отчета, что делает его тело. В самый последний момент, когда оставалось нанести решающий удар, включился мозг и рука остановилась в верхней точке.

— Твою дивизию, Мотя! — раздался из-под капюшона знакомый голос. — Тебе точно к психиатру пора! На своих кидаясь, словно на чернобыльских собак. Глаза разуй!

С перепугу и от большого выброса адреналина тряслись руки, сердце громыло в груди, как кузнечный молот, а перед глазами плыли радужные круги. В таком состоянии, да еще и в полумраке, лица лежащего под ним сталкера Мотя разглядеть не мог, но голос... Хозяина этого голоса он не видел уже лет пять, с тех самых пор, когда почувствовал в себе силы ходить в Зону одному. Вот так встреча!

— Шухов, старый хрыч! Ты же меня до смерти перепугал, идиот! — Мотя тяжело опустился на ступеньки рядом. — Я же мог тебя убить сейчас, дурная твоя башка.

— Не убил бы, — Дима поднялся, — ты забыл, что я умею предвидеть?

— Сволочь ты, Шухов, — пробормотал Мотя, доставая портсигар. — Сволочь и падла. Настучать бы тебе в торец за такие шуточки, невзирая на статус. Думаешь, если о тебе легенды слагают, то в бубен не дам?

— Да расслабься ты. — Шухов похлопал приятеля по плечу. — Совсем нервный стал в этой Зоне. Дай лучше сигаретку, давно не курил.

— Странно, что я от своей тени еще не шарахаюсь. — Мотя протянул Диме портсигар с зажигалкой. — Слышал, что вояки удумали?

— Слышал, конечно. Как не слышать. Вся Зона на ушах стоит, обсуждают... слышь ты, откуда такую «Зиппо» взял? — Дима восхищенно цыкнул зубом.

— На аукционе купил. Единственный экземпляр в мире, специальный заказ. И что обсуждают?

— А обсуждают всякое. Одни говорят, что ты, мол, спер какую-то очень важную штуку у военных, чуть ли не пульт управления Монолитом, и идешь на ЧАЭС власть над Зоной захватывать. Другие говорят, что ты в «Трех парсеках» какую-то генеральскую дочь соблазнил в грубой форме и бросил, вот злой папаша и хочет тебя достать и кое-чего тебе отчекрыжить. — Шухов внимательно разглядывал голову лошади на корпусе зажигалки. — Дорогая поди?

— Недешевая. Одиннадцать тысяч девятьсот девяносто девять долларов, девяносто девять центов отдал. Не считая налогов и пересылки. Отчего ж сразу чекрыжить то? Можно ж и хуже наказание придумать. Женить, например. — Мотя не удержался от улыбки.

— Я так и знал! — хлопнул себя по коленке Шухов и захохотал. — Народ, брат, не обманешь, он все подмечает! Что, таки добегаешь по бабам, да?

— Да нет, я остепенился уже давно. Как сошелся тут с одной, так и перестал за юбками бегать.

— Кто такая? Я ее знаю?

— Может, и знаешь. — Мотя пожал плечами. Диана. Официантка в «Парсеках».

— Конечно знаю. По ней ползоны сохнет, а она вон чего — тебя выбрала, оказывается. Ай да Мотя! Ай да сукин сын! — Дима снова похлопал Мотю по плечу. — Слышал я, что ты ее из Зоны вытащил... так это она в качестве благодарности с тобой... того?

— Вот сейчас точно в лоб дам! — Мотя скинул руку Шухова с плеча и поднялся. — Меня хоть Люсей зови, а Диану не тронь — пасть порву. И я не шучу.

— Извини, я не думал, что у тебя так серьезно.

Мотя постоял еще немного, остывая и приводя мысли в порядок. Это же надо, как он взбесился при одном лишь упоминании его женщины в не очень приглядном свете. Чуть на друга с кулаками не кинулся. Неужели и вправду влюбился? А даже если так, то ничего в этом плохого нет.

— Может, в бар подыдемся, по пивку? — предложил он Шухову.

— Зачем же в бар? Вон в комнате стоит. Как знал, что ты предложишь, и заказал светлого.

— Предсказатель хренов, — буркнул Мотя и пошел в комнату.

Попрощавшись с Димой, Мотя пришел в подсобку к Бармену сильно озадаченным. Он надеялся в баре найти ответы на некоторые вопросы, а получилось ровно наоборот — вопросов стало еще больше. А самое главное — встреча с Шуховым. Этот бродяга просто так никогда не появляется и ничего попусту не говорит и не делает. Даже несмотря на старые приятельские отношения. А Дима много интересного порассказал, пока они приватно пиво потребляли. О том, что в Зоне болтают интересного, об активизации «монолитовцев», об очередных разборках «Свободы» с «Долгом» на Янове, что недавно кто-то из ботаников машину времени нашел в Зоне, что чокнутый Ной куда-то пропал вместе со своей собакой, что Меченого-Стрелка видели в Припяти, ходит там, как неприкаянный. В общем — много интересного, жизнь бурлит в Зоне так же, как и вне ее. Оставалось из этой беседы вычленить главное и сделать оргвыводы. А бодаться с Димой и пытаться вытрясти из него прямой ответ на прямой вопрос — неблагодарное занятие, все равно напрямую никогда ничего не скажет. Только намеками, гад, и общается.

Ладно, живы будем — не помрем, а ребусы разгадывать нам не впервой.

— Где ты бродишь? Пиво уже давно выдохлось. — Бармен оторвался от бумаг. — Уснул, что ли?

— Извини, Саня, меня Шухов перехватил, пришлось с ним внизу посидеть.

— Шухов?! У меня в баре? А почему я ничего не знаю?

— Хм... я думал, он у тебя пиво заказывал, мы пили в номере.

— Еще и с пивом? От блин! У меня в баре такой человечище появился, а я ни ухом, ни рылом. Не мог меня позвать? Сволочь ты, Мотя. А еще друг называется.

— Ну, так сбегай вниз, может, еще не ушел. Первая дверь справа. И это, пивка мне потом захвати, — крикнул Мотя уже в пустоту.

Бармен вернулся грустный через три минуты с двумя кружками светлого. Одну отдал Моте, а вторую, горестно вздохнув, пригубил сам. Можно было даже не спрашивать, застал ли он Диму.

— Ну так что ты там хотел прикупить? — спросил он грустно.

— Вот список. — Мотя протянул помятый тетрадный листок.

— Так, так, так. Комбинезон «Сева» самого маленького размера, одна штука...

6

Когда Мотя вернулся к столику «сообщников», он понял, что с предложением «сильно бухать» явно переборщил. Ребятки поняли буквально, и на столе уже выстроилась батарея пустых пивных кружек, разбавленная пустыми водочными рюмками. Дураки, надо было не по рюмкам и кружкам заказывать, а сразу пивную башню и несколько бутылок крепкого — так дешевле, практично подумал Мотя. О чем не преминул сообщить компаньонам.

— Да ладно тебе! Может, мне этого гарсона погонять хочется! — Сюр растекся в широченной улыбке и показал на запыхавшегося официанта.

— Ну, раз хочется, тогда наливай!

— Не из чего наливать-то. Могу свою рюмку отдать. Там водка. Просто водка. А я — Сюр. Просто Сюр. Будем знакомы, — обратился Сюр уже к рюмке.

Мотя отобрал у Сюра рюмку, опрокинул в себя. Зажмурился от растекшегося тепла. Надо быстрее объяснять ребятам план, пока они адекватны.

— Так, прошу внимания.

Просьба реакции не возымела. Боцман продолжал громко объяснять Транцу отличие гафельного кеча от стаксельного иола, Сюр пялился в опустевшую руку в поисках утраченного собеседника.

— Ша, народ! — гаркнул Мотя.

Теперь они среагировали. Повернулись, в глазах засверкали искры разума. Ну и командочка у меня, подумал Мотя, трезвыватель бродячий...

— Объясняю диспозицию. Часть народа в баре понятия не имеет, что мы — это те, за кого предложен контракт. Но кое-кто наверняка все понял — и приглядывает. Скорее всего,

он в доле с наемниками или бандюками. Здесь нас, понятно, никто не тронет. Но когда пойдем в Зону — проследят. Поэтому я предлагаю — уходим в Зону частями. На рассвете. До рассвета — бухаем. Точнее, делаем вид, что бухаем. Привлекаем за столик как можно больше народу, но сами стараемся пить поменьше. Чтобы быть готовыми. Потом я незаметно свалю. Бужу Машку, и мы валим отсюда через подземный ход.

— Через... ик... что?.. — спросил Боцман.

— Да, через подземный ход. Есть тут такой. Рядом с баром. Выходим мы с Машкой через подсобку. Но вход в нее — вон там. — Мотя махнул в сторону стойки. — Пройти туда из апартаментов можно только через зал. Поэтому основная задача вам — в нужный момент отвлечь всех.

— А, понял... Так, штоль? — здоровяк Сюр изобразил несколько хуков.

— Именно! По сигналу Бармена устраиваете драку. Да так, чтоб весь бар в ней участвовал. А мы — по-тихому проскользнем к ходу.

— Эх, разомнемся! Свистать всех наверх! По местам стоять, с якоря сниматься! — Когда Боцман начинал разговаривать морскими командами, это означало, что он сильно пьян.

— Так, Боцман, а давай-ка ты пока не будешь пить вообще. Просто посиди с нами. Или подремли вон там, в уголке.

— Йес, сэр, мистер кэптэн! Есть подремать в уголке! Только разбудите, не забудьте.

— Тебя забудешь, пожалуй... — Транец выглядел самым трезвым из троицы. — А что дальше?

— А дальше... Через час после того, как мы с Машей свалим, выходите из бара и двигайтесь в Зону. Обычным маршрутом. И шумите побольше. Типа отвлекающей группой будете. Потом тихонько с маршрута свалите в сторону, только убедитесь, что хвоста нет. А есть — пристрелите! Точку встречи я сейчас вам скину в ПДА...

— А ты это... — Сюр смотрел с подозрением. — Не свалишь сам к Монолиту с девчонкой?.. А нас кинешь...

— Блин, Сюр, ты меня сколько знаешь? — обиделся Мотя. — Я когда-то кого-то кидал?

— Ты извини, браток... Не обижайся... Просто я уже пьяный, а ты трезвый... Вот шуток и не понимаешь... Догоняй, штоль...

Мотя понял, что надо бы действительно догонять. Трезвым в этой пьяной компании находиться было всегда тяжело. Мотя отобрал у «гарсона», пытавшегося разливать водку по рюмкам, бутылку «Казаков» и основательно хлебнул из горла...

Глава 11

1

Маша лежала в шезлонге со стаканом апельсинового сока в руке и нежилась в лучах утреннего солнца. С веранды арендованного дома открывался красивейший вид на бухту, на берегу которой уютно разместился небольшой городок.

Спускаться на пляж не хотелось, море уже не манило ее как в первые дни, поэтому Маша решила заняться своим загаром. Она помнила, как мама ей рассказывала, что лучше всего загар ложится в утренние и предзакатные часы, поэтому она, отставив недопитый сок, скинула халат и, оставшись в стильном спортивном купальнике, стала аккуратно втирать в кожу крем для загара.

Когда плечи и руки уже были покрыты кремом, а Маша заканчивала натирать вторую ногу, из дома показался Мотя с традиционной чашкой кофе в руках и традиционной же сигаретой, зажатой в уголке рта.

— Привет, ребенок! — привычно поприветствовал Мотя и улыбнулся, лукаво прищурившись, ожидая от Маши гневной реакции.

— Привет, сталкер! — улыбнулась в ответ Маша.

Мотя любил подразнить Машу, но делал это мягко, так, что Маша не обижалась, и если возмущалась, то скорее по привычке. Это была их игра, понятная только им одним.

Но сегодня Маше было лень играть возмущение, сегодня она была настроена на романтику.

Еще часик она полежит в шезлонге, подставляя свое тренированное тело солнцу, затем плюхнется в бассейн, обязательно с визгом, они с Мотей легко перекусят и пойдут в город. Сидеть в кафе, бродить по набережной, кормить чаек и кататься на роликах.

— Маша, пора идти, — отвлек ее от мечтаний голос Моти.

— Куда идти? У нас еще есть время, как минимум час. — Маша даже и не подумала шевелиться.

— Маша! — Мотя потряс ее за плечо, — просыпайся, время выходить.

— Я не сплю, — буркнула лениво она.

— Мария Сергеевна! — Мотя отступать не собирался.

— Достал! — Маша разозлилась. Куда он торопится, ведь впереди целый день? Сейчас встану, и тогда ему не поздоровится. Она потянулась, не открывая глаз, изогнулась как кошка, вдохнула полной грудью, приподнялась на локтях, открыла глаза и... проснулась.

Она лежала на топчане в подвальной комнате, которую освещала тусклая лампочка над входом. Старый матрас со свалевшейся набивкой отдал ребра, грубое армейское одеяло скомкалось в ногах, а от твердой подушки ломило шею. Мотя сидел на краю топчана и тряс Машу за плечо:

— Барбридж ушел к себе, пора выходить. Вот, выпей, — он протянул банку энергетика, — просыпайся и пошли.

Быстро протерев лицо влажной салфеткой, Маша, на секунду пожалев, что вилла оказалась всего лишь сном, выпила энергетик из банки и, отбросив романтические настроения, вопросительно уставилась на Мотю.

Пока Маша совершала свой нехитрый туалет, Мотя уже упаковал рюкзак и заканчивал шнуровать ботинки.

— Давай пакуйся, проверь комбинезон на шум, выключи всю электронику, а я пока в зал выйду, нашим сообщу о готовности. Не забудь на горшок сходить.

Рюкзак был почти не разобран и потому Маша, быстро проверив карманы, решила посмотреть почту. В Зоне странным образом отсутствовали привычная всем мобильная связь и доступ в Интернет, но в некоторых местах, вроде этого бара, хозяева прокладывали кабель и устанавливали Wi-Fi сеть, предоставляя доступ постоянным клиентам. Мотя тут был завсегдатаем, а потому давно пользовался этой привилегией.

В почте, кроме привычного спама и нескольких цепочек извещений от Живого Журнала, ничего интересного не обнаружилось. Быстренько удалив ненужное и перенеся цепочки с комментариями из входящих в папку «ЖЖ», Маша усыпила коммуникатор, уложила его в рюкзак и отправилась в уборную.

Вернувшись, она обнаружила в комнате Мотю, полностью готового к выходу.

— Все готово, мужики сейчас отвлекут народ. Не шуметь, не чихать, не дышать, если я прикажу. Вопросы есть? — и, не дожидаясь ответа: — Вопросов нет! Пошли.

Мотя не оборачиваясь, совершенно бесшумно двинулся по коридору до конца и в правую дверь, по грязной лестнице два пролета вверх и замер у двери в помещение бара, чуть ее приоткрыв, ровно настолько, чтобы, припав глазом к щели, видеть барную стойку. Минуты две ничего не происходило, но вскоре послышался чей-то грозный окрик и Мотя жестом показал «внимание». И тут бар «взорвался»! Крики, треск ломающейся о чей-то хребет пластиковой мебели, топот башмаков и рев сталкерских глоток. «Все смешалось в доме Облонских», Маша попыталась было понять, почему именно эта фраза возникла в ее голове, но развить мысль дальше ей не дал Мотя. Присев и жестом показав следовать за ним, он открыл дверь и метнулся на четвереньках вдоль стойки к двери в подсобку. Нырнув вслед за сталкером в темный проем, Маша пребольно ушибла плечо об какой-то ящик, вскрикнула и в ужасе зажала рот руками, усевшись прямо на полу. Дверь закрылась и кто-то зажег свет.

— Неаккуратненько как-то, — хозяин подсобки стоял над ней и улыбался, — смотри, не убейся раньше времени, чудо, а не то твой папаша ему вон, — кивнул он головой в сторону Моти, — кое-чего оторвет.

— Барбридж, следи за словами, елки, — осадил бармена Мотя, — не в казарме.

Бармен в притворном ужасе выпучил глаза и поднял руки, якобы сдаваясь на милость сталкера.

— Смотри мне, — Мотя погрозил ему пальцем и протянул руку Маше, — подымайся и пойдем. Не сильно ударились?

Все это время Маша оставалась на полу и только лишь вертела головой, переводя взгляд с одного мужчины на другого. От страха, что из-за ее вскрика их заметили, она уже и думать позабыла о боли в плече. Мотнув головой и игнорируя протянутую руку, Маша поднялась, поправила рюкзак, потерла ушибленное плечо и, взглянув в глаза Моте, показала поднятый вверх большой палец.

— Тогда пошли. — Сталкер обошел массивный письменный стол с зеленым сукном на столешнице, открыл дверцы шкафа, стоявшего у дальней от входа стены, и шагнул прямо в него. Оказалось, что шкаф был всего лишь декорацией и прикрывал от посторонних глаз дверь, ведущую на лестницу черного хода. На лестнице Мотя посторонился, пропуская Машу, бросил через порог «Веди себя, Саня!» и закрыл дверь.

Осторожно выйдя на улицу, он огляделся и, не обнаружив никого постороннего, махнул рукой, приглашая выходить и Машу. Потом тщательно поправил заросли плюща, закрывавшего ржавую дверь, и разбросал сдвинувшийся мусор.

2

До колодца бывшей системы отопления, через который можно было попасть в подземные коммуникации советских времен, оставалось метров пятьдесят. Но эти метры прекрасно просматривались со стороны входа в бар и пройти их незаметно было практически невозможно. Поэтому сталкер, шепотом напевая себе под нос «Нормальные герои всегда идут в обход», двинулся не напрямик, а вдоль бетонного забора, прячась в его тени и давая большой крюк. Прямые пути не всегда самые правильные и самые быстрые, а в Зоне и подавно. Эту истину Мотя познал еще в досталкерские времена и никогда не шел напролом, особенно если обстоятельства требовали не афишировать свое присутствие.

Обойдя старый полуразвалившийся ангар и выйдя к колодцу с другой стороны, Мотя помог Маше спуститься внутрь и запрыгнул сам.

— Дальше пойдем следующим образом — я иду вперед, проверяю путь, ты смотришь внимательно и запоминаешь. Когда я даю знак, в точности повторяешь за мной шаг в шаг. Чтобы не привлекать внимание возможных местных обитателей, идем без фонарей, так что наденешь ПНВ. Понятно?

— Ага. — Маша кивнула, достала из рюкзака прибор ночного видения и надела его на голову.

— На нижних уровнях аномалии почти не встречаются, разве что «газировка» затечет, ее видно и вляпаться в нее может только слепой. Но и вышагивать, как по проспекту, тоже не будем. Это Зона, и если пока под землей никого не сплющило в коровью лепешку, то это еще не значит, что не сплющит завтра. И нечего смеяться, — Мотя рассердился, заметив, что Маша прыснула в кулак, — когда я твоему отцу предъявлю вместо тебя кусок булыжника на ладони, мне будет не до смеха.

Он строго посмотрел на Машу, снял рюкзак, улегся на живот и пополз по-пластунски в пространство между трубами. Маше ничего не оставалось, как следовать за ним.

Метров через пять они уткнулись в глухую, как Маше показалось, стену. Но Мотя точно знал, что делает — сантиметров за пятьдесят до стены пол заканчивался ямой в метр глубиной, туда он и нырнул. Более габаритные люди наверняка там и застряли бы, а некрупному Моте и хрупкой Маше удалось довольно свободно добраться до технологического окна.

Включив ПНВ, Мотя по плечи выглянул в коридор и внимательно осмотрелся. На первый взгляд со времени его последнего посещения тут ничего не изменилось — сигналки, оставленные им, стоят невредимые, растяжка неразряжена, свежих следов в пыли не видно. Но что-то тревожно. Как будто схватил кто невидимой рукой за шиворот и не пускает, не дает в лаз прыгнуть. Мотя всегда доверял своей интуиции и потому до сих пор жив, не пропал в аномалии и не стал обедом какой-то из тварей Зоны.

Вернувшись обратно в колодец, он достал сигарету, закурил и прикрыл глаза, решив прокрутить в памяти то, что только что увидел. Привлечь внимание дымом он не боялся. Те твари, которые могли обитать под землей, особым обонянием не обладали. Кроме того, сами они вокруг себя источали такую вонь, что она по своей едкости могла соперничать с нашатырем.

Так они сидели минут десять, освещаемые головными фонарями, пока Маше не надоело.

— Мотя, а почему Барбридж? Все его Барменом называют, и только ты Барбриджем зовешь.

Мотя приоткрыл один глаз, отчего стал похож на гопника, с полминуты пожевал фильтр, помолчал, обдумывая что-то свое, выплюнул догоревший и уже потухший окурок, закурил новую сигарету и спросил:

— А у тебя какие версии? — и лукаво улыбнулся.

— Ну, наверное, он любит в бридж играть. И баром командует.

Мотя беззвучно рассмеялся, глубоко затянулся и ответил:

— Он «Золотую сферу» ищет.

— Золотую? — в Маше проснулась искательница кладов, — а большую? А какой пробы?

— Маша, «Золотой сферы» не существует, это миф, который давно придумали писатели, а некоторые сталкеры, охочие фантастику читать, с радостью подхватили. Сашка мой древний приятель, когда-то и сам пробовал писать, даже вроде две или три книжки издал. Наверное, потому в зону и подался, что слегка не в себе и верит в сказки. Нормальные люди книжек не пишут.

— А Барбридж тогда почему?

— Так одного персонажа в книге звали, который эту пресловутую сферу нашел. Вот я и зову его так. Он не обижается, а остальным это имя ни о чем не говорит. Выйдем за Периметр — дам тебе почитать.

— Ну так скажи ему, что нет никакой сферы.

— А зачем? Во-первых, он не поверит, пока не увидит, а это все равно что увидеть Бога. Во-вторых, зачем лишать человека веры в сказку? Ну и в-третьих — а вдруг она существует? Я не могу гарантированно утверждать, что ее нет, на том лишь основании, что я ее не видел.

Маша не нашлась что ответить на такое противоречивое утверждение и замолчала.

Разговор немного отвлек, но Мотя, обладающий уникальной визуальной памятью, все это время держал картинку коридора перед глазами и ничего подозрительного в ней не нашел. Тревожность ушла, интуиция молчала и тогда он решился. Проверив оружие, он потушил фонарь и включил ПНВ, сказал Маше сделать то же самое и полез в дыру.

3

В коридоре пахло одновременно пылью и ржавчиной, к тому же откуда-то слегка тянуло тухлятиной. Это был новый запах, раньше тут нечему было тухнуть. Неужели карлики уже и сюда добрались? А вот это уже плохо — одному отбиться от оравы этих недомерков-телекинетиков, умеющих швыряться булыжниками как снарядами, невозможно. Вот тебе и легкий путь, сталкер, получи и распишись. И хорошо был бы один, можно назад повернуть и пройти на «Янтарь» вдоль железнодорожной ветки, а в данной ситуации, когда

на тебя охотятся и военные, и бандюки, да с Машей в виде бесплатного приложения, других путей нет. Ладно, будем надеяться, что причина вони в другом.

Мотя огляделся, Маша присела за оружейные ящики, притащенные им сюда и поставленные под лазом в виде подобия лестницы, и не высывалась. Правильно, девочка, не *лизь поперед батька в пекло*, на тот свет еще успеешь.

В коридоре было не так темно, как у негра в ухе, примерно через каждые тридцать метров он освещался лампами аварийного освещения, но этого света для уверенного обзора не хватало. Откуда тут бралось электричество, Мотя не знал, да и не особо интересовался, если честно. За годы, проведенные в Зоне, он и не такое видел и уже перестал чему-либо удивляться. Светящиеся сами по себе лампы — дело привычное и даже обыденное, а вот работающая машина времени, о которой между делом упомянул Шухов, — другое дело, этого он еще не встречал. *Вызывает антирес ваш технический прогресс, вы по времени гуляете в скафандре али без? Без.*

* * *

Вдоль стен под потолком были проложены толстые кабели в металлической оплетке, которая выглядела так, будто только с конвейера. Позади от них коридор заканчивался завалом, сразу после левого поворота метров за пятьдесят. Оттуда Мотя опасности не ждал, потому что его хитрая растяжка была нетронута, но и не расслаблялся, изредка поглядывая за спину. Год назад, когда Мотя нашел эти подземелья, он тщательно исследовал ближайшее к лазу пространство и обнаружил в той стороне завал. Растяжку он установил так, чтобы видеть ее по приметам, одному ему известным, а взрывчатку установил чуть дальше, с таким расчетом, чтобы в случае срабатывания взрывом не завалило окно.

Минуты две Мотя изучал коридор впереди через оптический прицел, убедился, что до ближайшего поворота им ничего не угрожает.

— Двигаемся, — вполголоса произнес он, — когда я дойду до ближайшей лампы, следуй за мной по моим следам, но не приближайся. Я останавливаться не буду до угла, там ты остановишься метрах в пяти от меня. Поняла?

Сталкер на полусогнутых ногах медленно двинулся вдоль стены, держа автомат наизготовку и внимательно изучая пространство перед собой. Маша дождалась, когда сталкер вошел в круг света первой лампы, перебежала к противоположной стене и двинулась следом.

До угла добрались без проблем, однако Маша от волнения забыла наставления Моти и остановилась только тогда, когда почти уперлась носом в его рюкзак. Не оборачиваясь, Мотя показал ей кулак. Выругает он ее потом, сейчас его больше интересовали следы, хорошо заметные на пыльном полу. Вперед пути не было, там завал; ни комнат, ни ответвлений, представляющих интерес, там тоже не было. Кому могло понадобиться ходить в ту сторону, но не заглянуть в коридор, откуда пришли Мотя с Машей, — непонятно. А ведь следы однозначно указывали на то, что прошли тут не один раз. Мотя пожевал губу, размышляя над этим, прижал палец к губам, кивнул Маше — мол, следуй за мной, но тихо.

Спустя пару поворотов тропинка в пыли свернула в открытую дверь, ведущую в помещение, похожее на сторожевой пост. Стекло в огромном смотровом окне рядом с дверью отсутствовало, внутри, сразу под окном, стоял стол, на котором размещался какой-то пульт управления. У задней стены стоял распахнутый оружейный шкаф, рядом находилась дверь в еще одну комнату, в которой стояли... кровососы. Полная комната кровососов!

У Моти волосы на загривке зашевелились от этого зрелища. Парализованный ужасом, он стоял в полный рост напротив входа и не мог пошевелиться, радуясь только тому, что сравнительно недавно он посетил туалет и только поэтому сейчас не сторает от стыда.

Мотя почувствовал, как холодный пот стекает по позвоночнику. В зеленом свете прибора ночного видения зрелище приобретало еще более жуткий вид — казалось, что два кровососа, стоявшие к нему мордами, смотрели прямо ему в глаза. Первым желанием было кинуться прочь сломя голову, но тело отказывалось слушаться. Маша находилась в двух

шагах слева и, на счастье, не видела того, что так напугало сталкера. Если бы она завизжала, то скорее всего, это было бы последнее, что Мотя слышал в своей жизни. Такая многочисленная свора этих тварей способна в считанные минуты зачистить любую сталкерскую базу, а двух человек они разорвали бы за секунду.

Неимоверным усилием воли Мотя заставил себя успокоиться, очень осторожно буквально перетек на два шага влево и вжался в стену, не забыв свободной рукой прижать к стене свою спутницу. Он, конечно, не надеялся на легкую прогулку, но чтобы угодить в логово кровососов — такое ему даже в ночных кошмарах не могло присниться.

4

Драка закончилась быстро, как это часто и бывает, — пьяный запал прошел и через пять минут никто уже не помнил, из-за чего, собственно, поднялась буза. Синяки и ссадины лечили водкой, братаясь с теми, кого недавно били в челюсть и получали в ответ, проклинали жадных барыг и военное командование, жаловались на нелегкую сталкерскую судьбу и плакали в жилетку, пуская скупую мужскую слезу. Когда рассвело, Сюр, Боцман и Транец на виду у всех прошествовали через всю базу и выдвинулись по главной дороге в сторону «Милитари». Транец с достоинством нес свой синяк, гордо вертя головой направо и налево, чтобы каждому встречному было видно — вот идет настоящий сталкер. И выпить не дурак, и кулаками помахать. За стоящим поперек потрескавшегося асфальта КАМАЗом территория безопасности заканчивалась и начиналась самая работа. То, что аномалий тем больше, чем ближе к центру, в Зоне знал даже ребенок бюроера. Транцу как самому опытному проводнику пришлось выдвинуться вперед и прокладывать путь от вешки к вешке, сверяясь с показаниями детектора, благо ближние подступы к базе давно были провешены и обозначены. Боцман и Сюр, одетые в слегка потрепанные, но добротные комбинезоны «Долга», вооруженные новенькими «калашами», контролировали фланги, каждый миг ожидая нападения. А ударить могли с любой стороны, уж больно велик был куш за их уничтожение, если их вычислить. Соблазниться могли даже вольные бродяги, не говоря уже о группировках, постоянно нуждавшихся в деньгах. Выйдя с территории бара, они стали мишенями.

И пусть всякие романтики и идеалисты кричат о сталкерском братстве, о взаимовыручке и чести, пусть. В конце концов, всегда находятся дурачки, которые верят в людское благородство, проповедуют романтические идеалы и призывают воевать с ветряными мельницами. Такие обычно, если им удалось сохранить хоть каплю ума, быстро разочаровываются и становятся законченными мизантропами. Но это если хватает извилин. Чаще всего идеалистам ума недостает и их приканчивают их же «товарищи». А выживают те, кто не забивает себе голову всяким мусором. Естественный отбор, если кто не понял.

Так потихоньку добрались до развилки. От напряжения все взмокли, хотя на улице был не месяц май и далеко не ласковый весенний ветерок игрался с лежащей на земле листвой. Транцу было сложнее всех — если он оплошает, не заметит аномалии, то именно ему уготована участь гайки. Пот стекал на глаза и мешал смотреть на экран детектора, одновременно отслеживая вешки; приходилось постоянно вытирать лоб и обшлаг рукава с тыльной стороны совсем промок. На перекрестке он остановился.

— Куда теперь? — Транец стоял ровно в центре развилки и водил детектором по сторонам. Сюр и Боцман встали у него за спиной и заглядывали через плечо на экран.

— Тудой короче. — Боцман показал рукой налево.

— А тудой, тьфу, прямо — безопаснее. — Сюр достал свой ПДА и открыл карту. — Лучше крюк дать, целее будем. Мимо «Свободы» пройдем, как по ботсаду, они всегда после выбросов аномалии обозначают.

— А не боишься, что «фримены» нас постреляют на подходе?

— Не должны, — как-то неуверенно ответил Сюр, — тут за главного остался Жорик Бурцев, а они с Мотей друзья древние.

— Налево пойдешь, — не выдержал Транец, — на завтрак к кровососу попадешь, прямо пойдешь — «Свободу» найдешь. Так куда сворачивать, олухи?

— Прямо сворачивай. — Сюр рубанул воздух рукой. — Нет, ну серьезно, Боцман. Тише едешь — дальше будешь, а нам некуда торопиться.

Транец и Сюр выжидательно посмотрели на своего товарища, но тот не торопился соглашаться — во-первых, потому, что не собирался так легко сдавать свои позиции, а во-вторых, просто потому, что ему нравился сам процесс спора. «— Поручик, вы детей любите? — Нет, но сам процесс...» Поломавшись для приличия еще минуту, он наконец согласился:

— Ладно, сворачивай прямо, Транец. Но если вдруг что не так, чур меня не приплетать.

— Приплетешь тебя, как же! — засмеялся Сюр. — Ты ведь хитрый хохол, как бы ты этого не отрицал, ты сам кого хочешь куда угодно приплетешь и сделаешь виноватым даже ангела безгрешного.

— А в лоб? — набычился Боцман.

— Да ладно тебе, шучу я! Чего не скажешь в шутейном разговоре.

— Тем более, — встрял Транец, до этого наблюдавший перепалку с совершенно благостным видом, — что на правду обижаться нельзя. Не кошерно это.

Он развернулся к приятелям спиной и «повернул» прямо.

Мимо блокпоста «Свободы» шли с опаской. «Фримены» славились своей безбашенностью, и не каждый вольный сталкер рисковал иметь с ними дело. Мотя же со многими из них дружил и пользовался некоторым авторитетом среди этих законченных анархистов. Будь он вместе с троицей, то и опасаться было бы нечего, а так как на них не написано, что они Мотины спутники, то тут могли быть варианты.

К счастью, дежурившие на входе бойцы были чем-то заняты и на проходивших мимо сталкеров внимания не обратили. Не очень-то и хотелось.

— Ох, и не люблю же я этих «фрименов», — пробормотал Боцман, когда они отошли на приличное расстояние. — Никакой управы на них не найти, так и ждешь пули в спину.

— Ты просто их не понимаешь, потому и боишься, — возразил Сюр. Он оглянулся — бетонный забор базы все еще маячил вдалеке, а самого блокпоста уже видно не было, его скрывал огромный холм, который они обходили по дуге. — Бери пример с Моти, у него все в Зоне друзья, никто его пристрелить не хочет, кроме разве что отморожков. Ну, так их все не любят.

— А «Монолит»?

— Что «Монолит»? — не понял вопроса здоровяк.

— С «монолитовцами» Мотя тоже дружит?

Сюр только пожал плечами. Он действительно не знал этого, но зато он знал Мотю и вполне мог допустить, что вольный бродяга якшается и с этими безумцами. От него всего можно было ожидать.

Прошли еще одну развилку, немного покрутились возле бетонных коробов, протискиваясь в небольшом проходе меж двух огромных «каруселей», и приблизились к полусгоревшему хутору.

— Может, завернем? — Транец кивнул головой в сторону деревянных развалин. — А то жрать уже охота.

— Только о пузе своем думаешь, — для порядка проворчал Сюр, но тем не менее повернулся к Боцману в поисках согласия. — А ты как на это смотришь?

— Всегда готов! — вскинул тот руку в пионерском салюте.

— Тогда команду привал. — Сюр сверился со своим ПДА, разумной компьютерной жизни поблизости наладонник не фиксировал, и махнул Транцу: — Сворачивай.

5

Как-то раз довелось Моте познакомиться на Болотах с охотником на мутантов, которому помог отбиться от банды отморожков. Мотя тогда шел из Темной долины, где

удачно переждал выброс, подобрав под мостиком над болотом «компас». Этот артефакт стоил целое состояние, потому что якобы умел показывать путь между аномалиями, но Мотя как ни вертел этот дурацкий мяч, так и не смог определить принцип его работы, и в конце концов продал его какому-то сумасшедшему коллекционеру при посредничестве Сидоровича. Барыга тогда неплохо, как казалось Моте, наварился на посредничестве, но без него не видать Моте такого количества нулей на своем банковом счету.

В приподнятом настроении выйдя из туннеля с «компасом» в рюкзаке, он получил на ПДА просьбу о помощи от сталкера, которого бандиты загнали в церковь. Моте не то чтобы было по пути, и благородством он не особо отличался, но тут решил вмешаться, потому что уже несколько месяцев в этих местах работала банда отморожков, порядком всем насолившая и до сей поры не уничтоженная. А когда дело касалось бандитов, тут Мотя спуска не давал никому и сперва стрелял, а потом уже паспорт спрашивал.

Положив в снайперском режиме из своего любимого четырехствольного «Хеклер Коха» пяток бандитов со своей стороны и быстро сменив ствол на короткий, он помог добить оставшихся деморализованных отморожков воспрявшему духом сталкеру.

После этого случая Мотя сдружился с охотником и довольно частенько помогал тому в охоте на мутантов, добывая хвосты, глазные яблоки, сухожилия, желчные пузыри и прочий ливер. Доводилось ему охотиться и на кровососов, поэтому кое-какие повадки этих мутантов были ему хорошо известны. Но такого количества лицевых щупалец в одном месте ему еще ни разу не доводилось видеть.

* * *

Когда первый шок прошел и к нему вернулась способность трезво мыслить, Мотя стал действовать быстро. Первым делом надо было поскорее убратся отсюда как можно дальше, потому что кровососы могли проснуться в любой момент, или поблизости мог бродить какой-то их сородич, страдающий бессонницей. Он жестами и гримасами показал Маше не шуметь и следовать за ним как можно тише, встал на четвереньки и со скоростью черепахи пополз вдоль стены под проемом окна.

Бесшумно преодолев пару метров до двери, заглянул при помощи зеркала, вынутого из нагрудного кармана, в проем двери, так же аккуратно прополз еще пару метров, дождался Машу и, встав на ноги, быстрым шагом направился дальше по коридору. Девочку он вытолкнул вперед, потому что сейчас опасность была сзади, но на всякий случай на ходу вынул из кармана детектор аномалий и передал его Маше, попутно быстро и четко объяснив, как им пользоваться. Кровососы вообще-то ночные твари, почему эти спали в то время, когда им положено бодрствовать, Мотя не понимал и сейчас мысленно клялся поставить самую большую свечу или принести жертву неважно кому, потому что им невероятно повезло — редко кому удавалось пройти в ночное время мимо логова кровососов и остаться в живых.

До старого шлюза, если сталкер все правильно помнил, оставалось метров двести. Одна из массивных дверей все еще была в рабочем состоянии и запиралась на засов штурвального типа. Только тогда, когда между ними и кровососами будет пара десятков сантиметров легированной стали, Мотя мог быть уверенным, что опасность превратиться в высушенные мешки с костями миновала. И тут им в спины ударил дикий рев.

«Ну все, — подумал Мотя, — догулялся, сталкер!» То ли кровососы проснулись, то ли их разбудил страдающий бессонницей товарищ, это уже не имеет абсолютно никакого значения; через несколько мгновений из-за угла выглянет северный пушной зверек и мило улыбнется сотней щупалец. И ведь ничем толпу кровососов не остановить, остается только что есть мочи гнать к спасительной двери и надеяться на чудо.

Кто не бегал марш-бросок с полной выкладкой в Памплоне, тот не поймет, что сейчас чувствовали Маша с Мотей. Когда сорок килограмм бьют тебя по спине и мотаются из стороны в сторону, пытаясь тебя свалить с ног, когда полы пыльника опутывают ноги, мешая бегу, когда по боку тебя пребольно колотит постоянно пытающаяся слететь с плеча штурмовая винтовка и ты вынужден ее постоянно поддерживать одной рукой, а другой пытаться отцепить с пояса гранату и выдернуть чеку, трудно ставить олимпийские рекорды. Но адреналин и толпа тварей, каждая из которых во много раз опаснее десятка разъяренных быков, могут служить очень неплохим допингом. Оставшееся до двери расстояние Маша и Мотя преодолели за рекордное время, оставив далеко позади нынешнего рекордсмена в данной дисциплине Усейна Болта. Во время забега Мотя умудрился-таки снять с пояса гранату и выдернуть чеку, но в пылу он перепутал и вместо осколочной кинул за спину дымовую. Он не рассчитывал ни на то, что взрывом завалит туннель позади них, ни на то, что «единым махом семерых побивахом!», в конце концов, он не портняжка, а кровососы не мухи. Мотя рассчитывал, что взрыв дезориентирует хоть ненадолго преследующих их тварей, лишняя пара секунд может помочь им выжить. Добравшись до шлюза и потянув на себя дверь, он увидел, что ошибся и что именно его ошибка помогла им. В туннеле висела плотная дымовая завеса, и она почему-то испугала кровососов. Судя по реву, они топтались с обратной ее стороны, не решаясь пройти сквозь нее. То ли они воспринимали завесу как аномалию, то ли, не видя за дымом прохода, посчитали, что дальше хода нет, — непонятно, но факт оставался фактом — дым, заполнивший собой туннель, остановил охоту и беглецы успели добраться до шлюза.

Провернув запорный штурвал до упора и убедившись, что дверь надежно заперта, он без сил опустился на пол рядом с Машей, привалившись спиной к стене.

— С днем рождения, сталкер, — только и смог он сказать и расхохотался. Громко, с подвыванием, захлебываясь и истеря. Каждый день сталкеры ходят по Зоне, рискуя жизнями, каждый день оказываются в потенциально смертельных ситуациях, радиация медленно, но уверенно съедает часы и дни, отпущенные им природой. Но далеко не у каждого сталкера случаются дни, которые он может назвать своим вторым днем рождения. Заглянуть смерти в глаза и уйти живым удастся только если твоя «крыша» там, наверху, круче «костлявой». У Моти это был уже третий такой случай, не считая основного, не забыть бы записать в календаре, хотя такое забудешь, как же.

Отсмеявшись, он достал флягу из внутреннего кармана, основательно приложился к горлышку, выхлебав разом половину, задержал дыхание, скривился, и, не говоря ни слова, протянул флягу Маше. Она глотнула, закашлялась, но сделала еще пару глотков и только тогда протянула флягу обратно, поблагодарив взглядом. Так они и сидели плечом к плечу, опустошенные и уставшие.

Минут через пять выпитое начало действовать, нервы успокоились и перестали дрожать колени. Закрепив действие «лекарства» еще несколькими глотками, на этот раз уже не предлагая Маше присоединиться, Мотя спрятал флягу в карман, снял рюкзак, расстегнул специальное отделение на заднике рюкзака и выудил оттуда старый потертый офицерский планшет. Разложив его на рюкзаке, он извлек пачку карт, полистал, выбирая нужную, прижал ее резинкой и стал изучать, водя грязным пальцем от метки к метке. Маша недоуменно уставилась на четыре листа в клетку, склеенных в одну простыню, местами прожженные, обтрепанные по краям и с разноцветными пятнами в виде кругов, видимо, от чашек или бутылок. На листах простым карандашом от руки была начертана какая-то схема. Она не могла взять в толк, зачем сталкеру понадобилось носить с собой ворох бумаг, если существуют ПДА, в которые можно легко загрузить какие хочешь карты и которыми удобно пользоваться. И даже проложить маршрут можно, а если ловит GPS, то и с точностью до десятка метров определить свое местоположение.

— Мотя, а зачем тебе карты? — поинтересовалась она. — Бумажные в смысле. ПДА ведь удобнее.

— Любая электроника, Маша, может выйти из строя в самый ответственный момент: перегореть, аккумуляторы могут сесть, водой может закоротить. И что тогда прикажешь делать?

— Так китайские понятно, — Маша не собиралась сдавать позиции, — а если хорошие купить, качественные? Они ведь редко горят, да и с влагозащитой есть, и противоударные.

— Сколько у тебя раз за все время умирали телефоны, припомни? Тебе ведь хороших фирм трубки покупали, не китайское палево. Редко горят, говоришь? А если это самое «редко» припадет именно на тебя? Я не хочу зря рисковать и держать карты только в ПДА, потому и предпочитаю пользоваться бумажными и определять направление по компасу. Да и опыт имеется нехороший.

— Какой опыт?

— Такой, что запоминается на всю жизнь. Я когда еще новичком был, на всякие электронные штучки полагался. На детекторы да компьютеры наладонные. А когда меня между Темной долиной и Милитари, примерно посередине, достала краешком «электра», да спалила все девайсы, что на мне были, вот тогда я быстренько научился головой думать, а не только в нее есть. Еле тогда до «Свободы» добрался, на чистом везении и зрительной памяти, потому что у меня тогда не было ни карт, ни компаса.

— А я не умею компасом пользоваться, — слегка виновато пожаловалась Маша.

Мотя сложил карту, вложил ее в пачку других, засунул планшет в рюкзак и, слегка улыбнувшись, буркнул:

— Ладно, научу.

Он поднялся, тщательно устроил рюкзак на спине, проверил винтовку и ПНВ.

— Ну что, пришла в себя? Пошли тогда. Двигаемся как прежде — я впереди, ты держишься позади метра в десяти. Держи ушки на макушке — как ты могла убедиться, от этого может зависеть твоя жизнь.

Выглянув в щель между застопоренной дверью и стеной и убедившись, что путь свободен, он, не оборачиваясь, осторожно пошел вперед.

Глава 12

1

Неплотно перекусив чем Бог послал и немного, около часика, покемарив, троица сталкеров решила, что пора выступать. Понятно, что торопиться им не следовало, но и о своей роли забывать тоже не годится — отвлекать так отвлекать. Тут внезапно в Транце проснулись его дальние еврейские родственники и он полез на чердак искать тайники. Жажда халявы не обошла стороной и Боцмана, он немного помялся под хлипкой лестницей, приставленной к чердачному окну, побряхтел, затем смачно сплюнул и тоже полез наверх.

Пока Боцман и Транец обшаривали чердак, заглядывая под каждую досточку, Сюр присел на скамейку у стены, достал ПДА и полез в Сеть. Он не спеша проверил почту на местном аккаунте, проглядел местные новости и заглянул в отдел купли-продажи, где безуспешно вот уже семь месяцев пытался найти покупателя на своего «Барана». В целом практичный и функциональный внедорожный пикап «Додж Рам» был для любого сталкера идеальной рабочей лошадкой, но, несмотря на хорошее состояние, продать его никак не получалось. Все в нем было хорошо, кроме одного — цвета. Огромный внедорожник, по прихоти хозяина, сразу после покупки был покрашен в оранжевый цвет.

Вот и в этот раз под фотографией автомобиля не было ни одного комментария по делу — сплошные «жжжж!» и «бу-га-га». Шесть месяцев назад он бы обязательно полез ставить умников на место и потратил бы кучу времени, но сейчас ему было все равно. Пусть изгаляются в остроумии, если заняться больше нечем, плевать.

Он закрыл окошко браузера и собирался уже выключить наладонник, как рука дрогнула и палец коснулся иконки включения карты. На экране тут же высветилось четыре метки чужих ПДА. Совсем близко и шли явно в их сторону.

— У нас гости, — крикнул он и побежал внутрь.

В дыру потолка высунулась голова Транца:

— По наши души или мимо?

— Идут в нашу сторону, а вот куда идут — вопрос. Если за нами, смотрите, чтоб не было, как в прошлый раз на свалке, — первыми стрелять должны мы.

— Та понятно. Я прикрываю?

— Давай, сиди там и не отсвечивай. Боцман, лезь в угол, будешь оттуда накрывать, если что.

Отдав распоряжения, Сюр уселся на ящики, стоявшие у стены, и принялся ждать.

Вскоре послышались осторожные шаги и в комнату вошли два наемника. Ошибиться было трудно — темно-серые с синевой комбинезоны, черные бронежилеты, черные разгрузки и шевроны с синей головой орла. И если цвет комбинезона мог быть и хаки, и просто серым, то шеврон был верным признаком принадлежности к касте. Если находился идиот, который надевал шеврон наемников, не имея на то права, то он автоматически подписывал себе смертный приговор. Здоровый бугай с физиономией уроженца рязанской губернии остался стоять в дверях, закрывая собой чуть не весь проем, а второй, с маленьким крысиным личиком и бегающими глазками, щуплый и сутулый, прошел в комнату и встал ровно посередине, скрестив руки на груди. Сюр сидел на ящиках и делал вид, что сильно занят вопросами личной гигиены, вычищая кончиком ножа грязь из-под ногтей. Занят до такой степени, что ему хоть из пушки над ухом пали, все равно не заметит, не говоря уже о всякой сутулой мелочи.

2

Игра в молчанку продолжалась минут пять, Сюр тщательно выскреб все ногти на правой руке и принялся за левую. Наконец наемник не выдержал и кашлянул, обозначая свое присутствие. Сюр даже ухом не повел — заусенец на безымянном пальце интересовал его куда больше. Наемник кашлянул второй раз — та же реакция.

— Кончай придуриваться, сталкер, — наконец произнес он. Его голос соответствовал крысиной внешности — скрипучий и визгливый.

— О! Какие люди! — обрадовался Сюр. — А я вишь ты, увлекся и не заметил, как вы вошли. — Он для убедительности показал наемникам палец и помахал ножом. — Какими судьбами, бродяги?

Сталкер соскочил с ящиков и бросился с расставленными в стороны руками к мелкому наемнику и заключил его в объятия, приподнял над землей, несколько раз крепко хлопнул по спине и чуть не расцеловал от радости. Затем он кинулся ко второму, схватил его руку и долго ее тряс, иногда обнимая наемника. Затем вдруг резко успокоился и вернулся на ящики.

— Чем обязан? — спросил он тоном, как будто сейчас не он скакал по комнате и обнимался с наемниками.

Опешившие солдаты удачи, не ожидавшие такой встречи и такой резкой смены настроений, стояли и обалдело переглядывались, не зная, как себя вести и с чего начинать разговор.

— Так я слушаю, господа. У вас ко мне какое-то дело? — Сюр снова занялся удалением заусенца, нарочно вывернув руку так, чтобы наемники видели очень неприличный жест.

Мелкий крысеныш, как для себя охарактеризовал стоявшего посреди комнаты наемника Сюр, оторвал взгляд от вызывающего жеста, тряхнул головой, приводя мысли в порядок, и вдруг зашипел:

— Где девчонка, тварь?

— Извините. — Сюр медленно положил нож рядом с собой и посмотрел исподлобья прямо в глаза наемнику. А взгляд у Сюра, когда он разозлен, броню прошивает. Мелкий

попробовал было поиграть в гляделки, но не выдержал и десяти секунд и взгляд отвел, ища поддержки у стоявшего в дверях коллеги.

— Извините, — с нажимом повторил Сюр, — вы назвали меня тварью? Я не ослышался?

— Допустим, — ответил наемник. Он пытался казаться грозным, но голос его подвел, сорвавшись на втором слоге, и вышло совсем неубедительно. Он и сам это понял, поэтому для вящей убедительности положил палец на спусковой крючок своего автомата и направил ствол на сталкера.

Что произошло дальше, он просто не успел заметить — сидящий в трех метрах от него верзила с пусть и не огромным, но все же заметным пузом, внешне неуклюжий и неповоротливый, вдруг сорвался с места, мгновенно сократил дистанцию и... огромный кулак сталкера вышиб из него дух «путем прямого вхождения в контакт с головой объекта», как написали бы в милицеском протоколе, будь в Зоне милиция.

Второй наемник среагировал уже только на фазу полета тела его товарища и успел нажать на спуск, но автомат не стрелял. Он даже не сразу сообразил, что режим огня самопроизвольно перевелся в режим блокировки. Ха-ха три раза! Как же, сам перевелся, держи карман шире! Зря, что ли, Сюр обнимался с ним? Тогда и перевел режим огня, что сейчас дало ему лишнюю секунду времени, которую он и использовал, перерезав замешкавшемуся наемнику горло ножом, которым недавно чистил ногти.

Пока Сюр разбирался с наемниками в доме, Транец, пользуясь своим выгодным положением а-ля «высоко сижу — далеко гляжу», как только раздался шум, двумя меткими выстрелами уложил двух других наемников, оставшихся прикрывать подходы с улицы.

— А ты все еще в форме, Сюр, — похлопал в ладоши Боцман, просидевший все это время в углу не шелохнувшись. — Опыт не пропьешь.

— Не мог помочь, зараза? — огрызнулся здоровяк, уже обыскивавший карманы покойников.

— А зачем? Ты и без меня прекрасно справился. Да и не хотел лишать себя удовольствия посмотреть на твою работу.

— Гад ты, хоть и Боцман. Иди лучше проверь, что там Транец делает, и давай сматываться побыстрее отсюда. Чую, что скоро сюда их взвод прибежит.

3

Через час неспешного марша по подземельям, задержавшись только возле подозрительного пятна на развилке (Мотя его провесил гайками) и, решив не рисковать, обойдя его по другому коридору, они вышли к большому залу, ранее, по-видимому, служившему своеобразной прихожей этих катакомб. Он был огромным, метров сто на пятьдесят, в два этажа, с балконом по периметру и смотровыми ямами вдоль каждой из длинных стен. Над одной из ям стоял ржавый «Урал» с кунгом грязно-зеленого цвета, открытым капотом, отвалившимся бампером и совершенно новыми колесами. Когда Мотя проходил тут впервые, он долго изучал грузовик на расстоянии, несколько раз обошел его со всех сторон, обкидал гайками и проверил детектором. Ничего опасного не обнаружив, он так и не решился заглянуть внутрь — сверкающие новизной колеса крайне смущали его, и он решил поберечься, ведь, как известно, береженого Бог бережет. По ржавой, но крепкой лестнице они поднялись на балкон, прошли к дальней стене и зашли в одну из комнат, через которую попали в служебный лаз, а по нему на крышу ангара.

Еще не рассвело, но на востоке небо уже светлело. Вокруг было все спокойно, настолько, насколько это вообще возможно в Зоне. Где-то слева лаяли собаки и визжали псевдоплоти, то ли между собой грызлись, то ли вместе кого-то загоняли. Далеко справа слышались звуки выстрелов, а на бетонной площадке перед воротами ангара резвилась «электра», наполняя воздух треском разрядов и озоном.

— Здесь привал. — Мотя снял рюкзак и, утвердив винтовку на широком низком бортике, достал коммуникатор. — Я сейчас свяжусь с нашими, а ты пока достань тушенку, перекусим заодно.

Маша кивнула, села на пол, достала тушенку и хлеб и принялась сервировать импровизированный стол, получившийся из положенного на бок рюкзака. Но стоило ей поднести зажигалку к спиртовке, чтобы разогреть банку, как раздался громкий шепот Моти:

— Замри и не отвечивай! У нас гости.

4

Убитых обыскали быстро, ничего стоящего не нашли и, разбив найденные карманные компьютеры, двинулись дальше, туда, откуда пришли наемники. Уловка сработала — охотники отвлеклись на их группу, и это не могло не радовать. Однако теперь их передвижение отслеживалось, а значит, и идти следовало уже не на виду, а перебежками от укрытия к укрытию, под защитой зарослей и канав, так, как им было привычнее.

— Может, «буханку» заведем? — кивнул Транец на стоящий во дворе УАЗ-39. — Смотри-ка, колеса все целы и не спущены. Может, и бензин в баках еще не выдохся. Давай попробуем?

— Ты что, дурак? — Боцман посмотрел на Транца, как на умалишенного.

— А что? Давно не катался на таком. С армии еще.

Транец подошел к автомобилю и погладил капот. В глазах матерого сталкера, не единожды ходившего под смертью, светилась нежность.

Машина, следует заметить, выглядела не очень уместно для этих мест. Грязная, облупившейся краской и следами ржавчины, треснувшим левым зеркалом и без дворников. Но зато с целыми и надутыми шинами. Именно шины и делали «буханку» подозрительной. Сколько лет она тут простояла? И за почти три десятка лет колеса не спустили? Непонятно, а потому — опасно.

— Ты в своем уме? — Боцман попытался оттянуть товарища от подозрительной машины. — Сюр, да он сбрендил! Да по-мо-ги же ты мне его от-та-щить!

Сюр оторвался от бинокля, в который он изучал местность, и увидел схватку двух ёкодзун. Транец уже открыл дверь и пытался залезть на водительское место, а Боцман, обхватив его за талию, пытался от машины оттащить. Оба пыхтели, оба раскраснелись от натуги, но никто не мог взять верх. Тогда он осуждающе покачал головой, подошел к машине и с разворота смачно въехал Транцу по уху. Вместе с Боцманом они оттащили нокаутированного товарища подальше от подозрительного УАЗика.

— Полегчало, автолюбитель? — поинтересовался Боцман, когда Транец пришел в себя и застонал, схватившись за голову.

— Что это было, мужики? — Транец сел и тут же застонал от боли в висках. — И отчего у меня башка раскалывается?

— Ты что, ничего не помнишь? — Сюр стоял рядом и беспокойно озирался.

— Помню только полет в трубе, как в аквапарке, а потом — бац, и я тут лежу.

— Ох, не нравится мне это. — Боцман передернул затвор. — Ох, не нравится! Слышь, Сюр, похоже, контролер шалит, гнида.

— Если бы был контролер, — возразил здоровяк, — он и нас попытался бы накрыть. Да и признаки другие, когда контролер под контроль берет.

— А ты откуда знаешь, как оно бывает? Сам побывал, что ли?

— Бог миловал. Но с попадавшим довелось общаться. Да ты знаешь его — Яша Хромой из «Долга».

Боцман кивнул.

— Так вот, он рассказывал, — продолжил Сюр, — что когда контролер накрыл, он все понимал, только сделать ничего не мог. Не управлял он собой, но ясно осознавал, что песец подкрался. Повезло, что не матерая тварь накрыла и что свои рядом были, отбить успели. Но умом он немного повредился.

— А что тогда сейчас было? Что за фигня Транца накрыла?

— Подозреваю, что вот та. — Сюр покосился на «буханку». — Больше нечему.

Боцман тоже покосился на старую машину и зашел за спину Сюра, так, чтобы здоровяк оказался между ним и УАЗиком.

— Я все понимаю, конечно, но кто мне объяснит, отчего у меня так ухо болит и в висках ломит? — Транец уже поднялся на ноги и стоял рядом с приятелями, массируя виски.

— Это Сюр тебя приложил, чтоб ты вырубился нафиг, — нервно хохотнул Боцман. — Я бы тоже приложил, да у меня руки были заняты, тебя от машины оттаскивал.

— Я что, в нее залезть пытался?

— Тебе покататься захотелось. Шумахером себя возомнил, не меньше.

Транец застонал, сжав голову руками.

— У тебя там во фляге было чего-то, — обратился он к Сюру. — Дай подлечиться.

— Свою пора иметь, — пробурчал здоровяк, но флягу протянул.

Сделав пару глотков, Транец заулыбался.

— Вот теперь я в порядке, — он помассировал ухо. — Если оглохну, оплатишь лечение.

— Ничего, что я тебе жизнь спас? — возмутился Сюр. — Ты со мной вовек теперь не расплатишься.

— А по уху-то зачем бить?

— Ладно, — обиделся здоровяк, — в следующий раз я пальцем не пошевелю.

Он резко развернулся и зашагал прочь от хутора.

— Да я же пошутил! — Транец кинулся вдогонку. — Шутки не понимаешь? Да я при первой же возможности так тебе проставлюсь, как никто не проставлялся! Неделю в «Трех поросятах» кутить будем, с девками, виски и сигарами. Да постой же ты...

Сюр резко остановился, и разогнавшийся Транец, не успев затормозить, врезался в него, чуть не сбив с ног.

— Но смотри, Транец, чтоб виски был торфяной, сигары кубинские, а девки грудастые.

— Как скажешь, — заулыбался Транец. — Мир?

— Мир.

Они пожали друг другу руки, крепко, по-мужицки обнялись и приложились к фляге, для закрепления.

— Если вы наобжимались уже, то не пора ли нам пора? — Боцман стоял в двух шагах и ехидно улыбался. — Жалко, я не таскаю фотик с собой, такой кадр был бы — пальчики оближешь! Ребята в баре здорово посмеялись бы.

5

Теперь они шли параллельно асфальту под прикрытием густых зарослей, по очереди перебегая открытые места, а кое-где пришлось даже проползать по-пластунски. Транец снова вел команду, сверяясь с детектором. Заблудиться тут было весьма затруднительно — топай себе вдоль дороги, но нужный поворот пропустить могли легко, поэтому Сюр держал карту открытой. ПДА показывал, что до поворота им оставалось всего ничего — проскочить небольшое болотце, взять немного влево, метров триста до перекрестка, и повернуть направо. Как раз возле перекрестка и начинался Рыжий лес, пройдя вдоль которого, они выходили на мост к Лиманску, на юго-западной окраине которого Мотя назначил встречу. До самого перекрестка проблем не предполагалось, а вот в окрестностях Рыжего леса надо быть настороже — лес изобиловал мутантами, а они имели привычку частенько выходить за его границы в поисках вкусных, хоть и злых сталкеров.

Болотце оказалось большой вонючей лужей — ни тебе камышей, ни живности какой, только мертвые березы кое-где торчат из воды, как призрачные стражи. Сунуться в воду не рискнули, пришлось идти вдоль кромки воды почти у самой дороги. На Зону опустился туман и Транец заметно нервничал, часто приседал и пытался что-то разглядеть впереди. Постоянные всплески на воде успокоению нервов не способствовали, а скорее наоборот.

Если бы дело происходило в плавнях Днепра чуть ниже Киева, куда Мотя пару раз возил их на рыбалку, Сюр сказал бы, что это рыба плещется. Только откуда рыбе взяться в луже почти в центре Зоны? Он даже представить боялся, что за чудовище могло там таиться.

Туман сгушался и видимость упала до десяти метров. С одной стороны, это было на руку сталкерам — теперь труднее было их обнаружить, зато с другой стороны, делало передвижение крайне опасным — можно было сослепу не заметить опасных мутантов и выйти прямо к ним в лапы. Зато аномалии были как на ладони и Транец почти перестал смотреть на детектор. Пришлось изменить стратегию и держаться асфальта, чтобы не сбиться с пути.

У старых перекошенных ворот притормозили, чтобы свериться с картой.

— Что здесь раньше было? — спросил Боцман.

— Я тут не бывал ни разу, — Сюр огляделся, — но люди говорят, что наемники тут базировались. Вон видишь, голова орла нарисована на той створке?

— Наемники? Так нафига мы сюда пошли? Вы обалдели, что ли?

— Попустись, Боцман. — Транец успокаивающе похлопал того по плечу. — Их отсюда давно «Свобода» выжила. Еще до отключения Выжигателя.

— Как выжили?

— А как выживают? — Транец пожал плечами. — Не поделили они что-то, Лукаш отряд собрал и надавал наемникам по рогам. С того времени их здесь и не видели.

Он снова взялся за детектор, поводит им из стороны в сторону и, махнув рукой и приглашая следовать за ним, двинулся дальше.

Через сотню метров налетевший порыв ветра ненадолго разогнал туман и открыл взорам сталкеров остов упавшего вертолета. Он лежал, завалившись набок, на светло-сером его днище алела красная звезда, хвост был погнут и торчал вертикально вверх, отчего он походил на ветряную электростанцию. На миг Сюру показалось, что где-то он уже такую картину видел... или читал об этом... или видел, но где и при каких обстоятельствах, вспомнить не мог. Пока он размышлял над этим, ветер стих и вертолет вновь затянуло туманом.

Внезапно где-то впереди раздался протяжный вой, жуткий и тоскливый, леденящий душу.

— Чернобылец, — уверенно пробормотал Транец.

Он повернулся к товарищам и почти умоляюще спросил:

— Может, обойдем?

— Кудой? — Боцман понимал проводника и даже разделял его желание, но только сворачивать им было некуда. — Тут только одна дорога: либо вперед, либо назад.

— Но ведь чернобылец же...

— Не ссы, — Сюр похлопал по автомату, — прорвемся. Давай я вперед пойду.

Он забрал у Транца детектор и осторожно двинулся вперед.

Ближе к лесу туман стал редеть, а когда сталкеры дошли до перекрестка, за которым начинался Рыжий лес, туман исчез. Деревья, как будто покрытые ржавчиной, возвышались над ними, кое-где меж стволов виднелись заросли оранжевых кустов, густая желто-красная трава ковром стелилась по земле, яркое солнце красило верхушки сосен в густой оранжевый цвет, а над всем этим великолепием цвета нависало ослепительно синее небо. Завораживающая, пугающая красота.

— Чего-то мне не хочется к нему приближаться, — прошептал Транец. — Жуткий он.

— Фигня, — громко возразил Сюр. — Такой же лес, как и любой другой, только листья от радиации порыжели.

На самом деле ему тоже было страшно и он храбрился изо всех сил, говоря нарочито громко.

— Если верить карте, то нам всего полкилометра вдоль него идти. А там уже и Лиманск будет через речку. Ну, что скисли? Сталкеры мы или погулять вышли?

— Сталкеры, сталкеры. Ты только не кричи. — Боцман достал из подсумка пару запасных магазинов и сунул их в карман разгрузки, чтобы поближе было доставать. — Давай лучше пойдем по той стороне дороги. А то реально жутко стало.

Они перебежали перекресток, теперь между ними и лесом шла полоса потрескавшегося асфальта, и двинулись в сторону Лиманска, опасливо косясь на ржавую стену деревьев по другую сторону дороги. Рыжий лес почти полностью забирал на себя их внимание, и это сыграло с ними злую шутку — опасность их подстерегала с той стороны, откуда не ждали. Они не успели пройти и ста метров, как с холма, который казался им безопасным, их атаковала стая чернобыльских псов. Голов двадцать, не меньше.

Собаки подкрались неслышно, как призраки, и напали на идущего позади Боцмана.

Глава 13

1

Пока Маша занималась едой, Мотя проверил свой почтовый ящик в сталкерской Сети, и, не обнаружив вестей от Сюра, переключился в режим карты. От увиденного у него похолодели пятки — пять меток чужих ПДА говорили только об одном — их вычислили.

— Маша, — зловеще спросил он, — ты выключила свой наладонник, как я тебе говорил?

Маша кивнула, задумалась на несколько мгновений, испуганно зажала рот ладонями и виновато посмотрела на Мотю из-под челки.

— Твою дивизию! Маша, когда ты уже поймешь, если я что-то тебе говорю, то ты в точности должна выполнять мои инструкции. Я требую от тебя полного подчинения не потому что я самодур, а потому что я отвечаю за твою жизнь и, что немаловажно, у меня опыта хождения по Зоне значительно больше твоего.

Глаза у Маши уже были на мокром месте, вот-вот разревется.

— Ладно, не плачь, — Мотя немного смягчил тон, — пока ничего непоправимого не произошло. Давай быстренько, пригнувшись, беги к лазу, но не залезай глубоко. Возьми с собой ПДА и попробуй связаться с Сюром. Если выйдет на связь, обрисуй ситуацию, пусть поторапливаются. Рюкзак оставь, но будь готова в случае чего отступать к шлюзу, дорогу ты помнишь. И не паникуй, против Моти нет приема, если нет другого Моти.

Он достал четыре запасных магазина и быстро разложил их по углам здания, затем вернулся к своему рюкзаку, взял наизготовку винтовку и принялся изучать местность перед ангаром через оптический прицел, периодически сверяясь с показаниями ПДА.

Закончив рекогносцировку, он стал ждать. Он давно на собственном опыте убедился, что в таких ситуациях, когда нет ясности в намерениях возможного противника и его численном перевесе, лучше дожидаться его первого хода и затем уже решать, какой дебют разыгрывать — сицилианскую или французскую защиту.

Долго ждать не пришлось — через пять минут снизу раздался сиплый голос:

— Эй, сталкер, поговорить надо!

— Говори, если надо. — Мотя пометил галочкой на карте в ПДА вторую справа метку. — Только коротко, я тороплюсь.

— Ты уже успел, сталкер, — в голосе послышались самодовольные нотки, — мои ребята идут за тобой по канализации, а тут мы накрываем всю местность. Тебе и девке никуда не деться, поэтому давай-ка ствол на землю, лапки в гору и тогда, так и быть, бить не будем. Сдадим тебя военным со всеми зубами. Ты же не лох, понимаешь, что против пяти стволов не попрешь.

Главарь блефовал, и блефовал неумело, Мотя это понял сразу — никто за ними не идет. Путь отступления был закрыт стадом разъяренных кровососов, и этого главарь не знал. В одном он был прав — легко пройти пятерых отморозков не получится. Будь Мотя один, он и разговаривать не стал бы, пострелял бы бандитов с выгодной позиции и пошел дальше, но

присутствие Маши не давало ему возможности корчить из себя Рембо и подставлять ее под перестрелку. Оставалось любым способом тянуть время и надеяться на то, что Сюр все же выйдет на связь и успеет с подмогой.

Он оглянулся на кирпичную коробку, накрывавшую лаз. Маша сидела на краю проема, готовая в любой момент спуститься внутрь, белый с синевой свет от экрана наладонника освещал ее снизу. Поймав взгляд Моти, она мельком взглянула на экран и отрицательно покачала головой.

— А если попру, тогда как быть? — Мотя решил играть скандинавскую и атаковать первым ходом. — Я тут могу долго сидеть, а чтобы тебе меня отсюда выкурить, пяти стволов маловато будет, не находишь, сталкер? — Последнее слово он произнес, как в лицо плюнул.

— А ты чо, крутой типа? — бандит завелся с пол-оборота, — ты за базар ответишь, как честный пацан, или слабо тебе?

— Да легко, пацан, а смысл? Ты же видишь расклад, понимать должен, что проще договориться.

— Что ты мне можешь предложить, лошара?

— Ну, например, что ты останешься жив, неудачник, — Мотя играл на грани фола, — вояки тебя один фиг не оставят в живых, а со мной ты еще можешь договориться.

Он пошел на блеф. Ситуация диктовала максимально запутать бандитов, заинтересовать и запугать, чтобы сбить с них спесь и заставить сомневаться в собственных силах. Деморализованный противник — слабый противник.

Все время разговора Мотя изучал позиции бандитов через оптический прицел, фиксируя в памяти особенности местности перед ангаром и намечая цели. Боя, похоже, было не избежать, главарь был настроен уж больно решительно, обычно простые мародеры так себя не ведут, если ими движет одна лишь жажда наживы. Моте еще повезло, что засекли их не наемники — профессионалы высочайшего класса, подписывающиеся на любую работу, лишь бы хорошо за нее платили, — а простая банда гопников.

— Ты на кого батон крошишь, чмо? — взвился бандит. — Да я тебя голыми руками рвать буду, ты же у меня кровью харкать станешь!

— Не кипешуй, герой, а лучше послушай меня. — Мотя снова посмотрел на Машу, та пожала плечами, мол, никаких вестей от Сюра пока нет. — Ты взялся за дело, которое тебе не осилить. Даже если тебе сильно повезет и тебе каким-то образом удастся нас положить, в живых тебя и твоих парней не оставят. Думаешь, вояки дали бы контракт, если бы сами могли с нами справиться? А просто так они охоту не объявляют, значит, есть особый интерес. И какой им смысл потом тебе башлять, если можно прихлопнуть по-тихому? Одним выстрелом двух зайцев — и сэкономят, и ненужных свидетелей уберут.

— Чо ты гонишь? — В голосе главаря послышались нотки неуверенности. Мотя позволил себе усмехнуться — противник начал сомневаться. Осталось немного надавить, поиграть на их алчности и дожать, предложив в качестве платы за проход карту с проходом к артефактной полянке в Рыжем лесу.

— Гонят говно по трубам, — вспомнил свое сантехническое прошлое Мотя, — а я тебе дело предлагаю. Контракт ты не подписывал, а решил положиться на авось — это раз. Шансов положить меня у твоих ребят негусто, скажем честно? — это два. Ну и если мы расходимся мирно, я отдаю тебе проход на одну поляну в Рыжем лесу, для себя берег, после которой у тебя лавэ в кармане будет больше, чем если бы ты десять таких контрактов выполнил. Это три. Что скажешь, мужик?

— Ровно лепишь, сталкер, а где гарантии? Почем мы знаем, чего от тебя вояки хотят? Может, ты спер у них чего ценного, а нам тут заливаешь, что не при делах.

Вот! Мотя уже мог почти расслабиться. Он услышал то, чего добивался. «Нам» прозвучало, а это значит, что бандиты готовы идти на компромисс, авторитет главаря слегка потускнел и в данный момент решение принимается общаком.

— Если я чего и спер, то вам это все равно не продать, а вояк разозлите и охоту объявят уже на вас. Да и отобрать у меня это будет непросто, сами понимаете. Зато карту получите

без боя и разойдемся, как в море корабли. Сходите разок на полянку, месяц в баре шиковать будете. Решайте, что вам выгодней.

Бандиты притихли. Ох, непростую задачку для их мозгов задал Мотя — с одной стороны, вот она, синица в руках. А с другой стороны — журавль в небе довольно жирный, не журавль — гусь, фаршированный яблоками, с аппетитной корочкой, пальчики оближешь какой гусь. Мотя представил себе, как скрежещут шестеренки в бандитских головах, заржавевшие от долгого безделья и частой смазки алкоголем.

— Эй, бродяга, как там тебя за пивом посылают, Мотя, что ли? Сдается нам, что ты кинуть нас хочешь, развести как лохов. Мы тебе не фраера, чтобы нас на такой дешевый понт брать. Впаришь нам бумажку туфтовую, мы тебя пропустим, а полянки то и нет, так? Есть другое предложение — ты нам карту и то, что спер у военных, в качестве гарантии, а если карта — туфта, мы тебя один фиг найдем и уроем, зато будет нам компенсация за труды.

На самом деле карту Мотя собрался отдать настоящую, со свежееотмеченными аномалиями, подробно прописанной трассой и вешками. Только он не собирался отдавать бандитам сопровождающие заметки, без которых с той полянки не выйти, во всяком случае, до ближайшего выброса. Не слишком благородно, да, но Мотя донкихотством не страдал и угрызений совести не испытывал. Играть в рыцарство с бандитами равносильно самоубийству — и большей глупостью может быть только прогулка в куклукс-клановском балахоне по негритянскому кварталу. А Ланцелот в Зоне не протянул бы и недели.

— Так именно потому, что найдете и уроете, я и даю карту настоящую, дураков нет вас обманывать. — Мотя улыбался во все тридцать три зуба. Хорошо, что главарь не мог видеть сейчас его лица, иначе вычислил бы влет, что сталкер над ними откровенно глумится. — А та штука, которая военным нужна, она еще не у нас, мы за ней как раз идем. Так что обеспечить гарантию мне пока нечем.

Врать так врать, чего мелочиться. Откуда бандитам может быть известна цель их похода и причина объявления охоты? Контракт на них потому и выставили в Сеть, чтобы скрыть истинную причину. А бандиты сами предположили наличие какой-то ценной вещи, вот пусть и считают себя умными и догадливыми, а мы будем этим пользоваться.

— Я бы кэша отсыпал, — продолжил Мотя торговлю, — но кто ж в Зону кошельки набивает, а чек вы не возьмете, я так думаю. Так что придется вам поверить мне на слово.

— Нашел фраеров — лоху на слово верить.

— Других вариантов не будет. Решайте.

Вот упертые же бараны попались, ничем их не проймешь. Что-то Мотя не учел. Другие «чиста канкретные пацаны» уже давно ухватили бы «синицу» и вприпрыжку неслись бы на крейсерской скорости строго на север в направлении полянки. А эти какие-то уж слишком туго соображающие дуболомы, если это все не комедия театра одного зрителя, разыгранная специально для того, чтобы Мотя расслабился... Стоп!

А ведь и правда, если посмотреть на ситуацию с этой стороны, то пазл складывается в одну очень нехорошую картинку. Настолько нехорошую, что впору заказывать деревянный макинтош, поминальный пикничок где-нибудь на обочине неподалеку и поповское ВИА с хитом «Як помру, то поховайте».

Чтобы проверить свою догадку, Мотя вновь припал к окуляру прицела и аккуратно, стараясь поменьше высовываться, принялся изучать позиции «бандитов». Непривычное число бойцов, хотя кто запрещает впятером ходить? Расположились довольно грамотно и простреливают весь бортик, если нужно будет, накроют так, что и не высунешься. Так не показатель — сейчас любой опытный страйкболец способен рассредоточить бойцов и укрытия выбрать. Вычислили достаточно быстро и качественно зажали, пусть и в проигрышной позиции, — тоже не факт, с включенным ПДА скрытно передвигаться невозможно, хоть ты его усыпи, хоть убаюкай. Программы слежения в любом сталкерском баре тебе продадут за рубль кило, да кучу троянов к ним бесплатно.

И все же что-то смущало Мотю, какая-то деталь, ускользнувшая от внимания, но зафиксированная подсознанием, и которая бы дала точный ответ — путь им преградили наемники, зачем-то разыгрывающие из себя мародеров.

Нужно было что-то срочно придумать, чтобы вывести засевших внизу бандитов на чистую воду, потому что переоценка противника так же опасна, как и недооценка. В одной и той же ситуации неподготовленный человек и спецназовец ведут себя по-разному, а испуганный и потому непредсказуемый бандит не менее опасен. А как их тут определить, если мы не в баре байки травим, где пара-тройка наводящих вопросов выдадут дилетанта с головой? Ладно, попробуем один финт ушами, может, работает.

Мотя достал из притороченного к рюкзаку чехла сменный снайперский ствол от своего «Хеклер Коха», положил его на бортик так, чтобы конец ствола был виден снизу, и прижал его планшетом. Затем он отстегнул на широченном поясе один из многочисленных кармашков и вынул из него небольшой мешочек наподобие кисета, из которого двумя пальцами выудил черную горошину.

— Ну что, надумали чего? А то я уже скучать начал, — сказал он и бесшумно переместился к углу крыши.

Вот сейчас мы и проверим, кто они такие и чего на самом деле стоят. Как это ни смешно, но банальная уловка с каской на палке, во всевозможных вариациях, работает почти со всеми. самого крутого из всех крутых можно отвлечь таким нехитрым детским способом с выставленным напоказ стволом. Главное сейчас — не зевать, когда «бусина» сработает, чтобы не пропустить реакцию сидящих внизу бандитов.

— Не, паря. — Главарь, кажется, переигрывал, а может, это воображение так разыгралось, подстегиваемое внезапной догадкой. — Или будет по-нашему, или вообще никак не будет. Точка. У тебя есть пять минут на раздумья, после мы открываем огонь.

Мотя крепко сдвинул «бусину» пальцами, подержал секунд пять и, когда почувствовал, как артефакт начинает стремительно охлаждаться, швырнул его за спины бандитам.

Этих «бусин» в Зоне валялось полно. В самом начале, когда еще в каждой пылинке подозревали аномальные свойства, их пытались изучать, но не найдя ничего необычного, бросили. Мотя сам совершенно случайно узнал об их способности записывать окружающий звук, а после активации воспроизводить. Ох и перепугались же они с Першингом, когда во время одной из пьянок у Моти на квартире пепельница вдруг отчетливо и громко произнесла голосом только что вышедшего на кухню за холодным пивом Васи Мирошника: «Абанамат!» Вмиг протрезвев, они перевернули вверх дном всю комнату в поисках динамика и чуть душу не вытрясли из ничего не понимающего Васи, который клялся и божился, что шутка — не его рук дело. Тогда собутыльники списали это на слуховую галлюцинацию, вызванную большим количеством текилы и пива, и продолжили пить. И до сих пор бы не знали о чудесном, но бесполезном свойстве «диктофона», если бы Мотя, очнувшись через день, не полез в пепельницу в поисках окурка и не опрокинул ее. Чертыхаясь, трясущимися руками он попытался собрать пепел и окурки обратно в жестяную банку, когда заметил маленький черный шарик. Соображал Мотя с трудом, но сквозь похмельную пелену, застилавшую разум, сумел восстановить последовательность событий, предшествовавших голосу из пепельницы, и понял, что причина кроется в горошине, которая лежала у него на ладони. А уже вечером, запасшись шариками основательно, Мотя и Першинг опытным путем установили, что эти камешки записывают звуки на расстоянии около трех метров, а после сильного сжатия пальцами способны воспроизвести то, что происходило последнюю минуту перед активацией. Этим Мотя и решил воспользоваться.

— Ну что, надумали чего? А то я уже скучать начал, — раздался Мотин голос за спинами бандитов. Только опытные ветераны Зоны да бывшие бойцы спецназа в подобной

ситуации не наложат в штаны. Любой другой сталкер с перепугу начнет палить во все что видит и даже в то, чего не видит, скакать из стороны в сторону, пытаясь укрыться от опасности, или вообще кинется бежать куда глаза глядят. Ведь это Зона, тут любой пук может предупреждать о смертельной опасности — успел среагировать, значит, будешь жить, не успел — передавай привет апостолу Петру.

Бандиты среагировали, конечно, но совсем не так, как должна реагировать обычная шпана — бывшая уличная шелупонь, отжимавшая мобильники у ботаников. Их реакция была профессиональной, выдрессированной до автоматизма еще до прихода в Зону.

Никто и не подумал стрелять, центральные бойцы даже не шелохнулись, фланговые, резко обернувшись на звук, приготовились к отражению атаки, а второй слева, которого Мотя определил как главного, отправился выяснять, откуда раздался голос. Ну вот теперь все встало на свои места и пазл сложился. Наемники, что и требовалось доказать. Одному ему не справиться ни при каких раскладах. Эти парни стрелять умеют и ошибок в бою не допускают. В контракте явно особо оговаривалось условие брать Машу живой. Иначе для чего весь этот спектакль разыгрывался? Правда не совсем понятно, зачем кому-то понадобился Мотя живым, ну да о том пусть голова болит у того, кто этот приказ отдавал.

Он махнул рукой Маше, чтоб подползла к нему, и быстро стал давать инструкции:

— Значит, так, это не бандиты, это очень серьезные ребята. Поэтому ты сейчас спускаешься вниз и сидишь в соседней комнате. Там есть стол, который ты перевернешь так, чтобы спрятаться за ним и при этом видеть, кто спустился по лазу. Держи наготове дробовик, если полезу не я — стреляй не раздумывая, но старайся экономить патроны. Целиться почти не надо, главное, чтобы ствол был повернут в нужную сторону. Пистолет держи в кобуре, но с предохранителя сними, может пригодиться, если будешь перезаряжать «Чейзер». И постоянно пытайся связаться с кем-нибудь из наших, пусть поторопятся.

Мотя проводил Машу взглядом и стал ждать. Все что мог, он уже сделал, дальнейшее развитие событий от него никак не зависело, а поэтому нет смысла дергаться. Забраться на крышу бойцы не смогут, лестницы с собой не особо потаскаешь, кошку незаметно забросить тоже не удастся. Гранатами разве что закидать, ну так вроде ж решили, что он им зачем-то нужен живым, значит, на то и будем уповать.

— Эй, сталкер, что за шуточки? — раздался голос старшего наемника. Ба, а куда пропали бандитский гонор и блатные словечки? — Кончай дурить и спускайся, так и быть, пальцем не тронем, только отведем куда надо.

— Я не Петросян, я шутить не умею. К тому же мне надо совсем в другую сторону, господин наемник.

Прикидываться дурачком далее уже не имело смысла, наемники явно сообразили, что их вычислили.

— Молодец, сталкер, ловко нас просчитал, если не секрет, как ты это сделал?

— Секрет, мне он еще пригодится, надеюсь.

— А вот это не факт. Ты же умный, должен понимать, что шансов у тебя нет — рано или поздно мы тебя достанем, а вот проскочить мимо нас ты не сможешь, как ни старайся.

— Это мы еще посмотрим, — буркнул себе под нос Мотя.

— Давай начистоту, — продолжал главный, — у нас есть на вашу группу контракт. В контракте особо оговорено, что желательно вас доставить целыми и невредимыми, но в случае оказания сопротивления разрешается уничтожать всех, кроме девчонки. И помощи тебе ждать неоткуда, твои приятели не придут — их закрыла другая наша группа и вот-вот уничтожит.

— Похоже на правду, господин наемник, но *«не кажи гоп, доки не перескочишь»*, как говаривала моя бабушка. Хлопцев уничтожить ой как непросто, а я могу подождать. — Мотя храбрился, изо всех сил пытался не выдать своих эмоций, чтобы не дать лишний козырь наемникам, ведь то, что он сейчас услышал, объясняло, почему Сюр не выходит на связь. На самом деле он чуть не плакал.

Эх, хорошая вышла партия, не чета, конечно, партии на Садовой, но все же есть на что посмотреть. Интересный дебют, непредсказуемый миттельшпиль, вот только эндшпиль подкачал — пат в чистом виде. Обоюдный причем. Или еще не эндшпиль?

4

И тут Мотя заметил метрах в ста впереди чью-то пригнувшуюся фигуру, перебежками приближавшуюся к наемникам с тыла. Рельеф местности и заросли кустарника позволяли ей оставаться невидимой с уровня земли, зато Мотя прекрасно видел даже не поднося к глазам оптику, что это был какой-то пацан. Мальчишка двигался на полусогнутых ногах, автомат он держал в боевом положении и был налегке, то есть его передвижения не стеснял рюкзак, обычный для этих мест. По всему выходило, что мальчик знал о наемниках, и в его планы не входило показываться им на глаза. А что же тогда, твою дивизию, входило в его планы? Логично было бы предположить, что пацан решил придти на выручку Маше и Моте. Но зачем, какой ему интерес и откуда он знает, в какую переделку они попали? Или его послал Сюр? Но, простите, с каких это пор ребятня в Зону полезла? Ни один уважающий себя сталкер, а не уважающий тем более, не поведет через Периметр ребенка без очень веских на то причин, так что мальчишка либо вундеркинд и сам просочился, либо он галлюцинация. А чтобы это узнать, надо постараться как-то привлечь его внимание, например лазерной указкой.

Лазерный целеуказатель со сменными подошвами собственного изготовления, под любое крепление, Мотя всегда таскал на поясе. Ситуации в жизни бывают разные, а жизнь в Зоне настолько непредсказуема, что, пожалуй, сам Творец не поручился бы за завтрашний день.

Только действовать надо быстро, чтобы пацан не успел подойти настолько близко, что Моте придется встать и предстать пред ясны очи наемников, что в сложившихся обстоятельствах весьма небезопасно.

Включив лазер, он попытался привлечь внимание мальчишки, направляя пучок на землю перед ним. Тот двигался достаточно профессионально для пацана, не служившего срочную, и поймать его не удавалось. Откуда только набрался? Пришлось предугадывать, какое укрытие он выберет следующим, и с третьего раза это удалось. Когда мальчишка нырнул за очередной чахлым куст, похожий на перекасти-поле, только раз в пять больший, он наконец заметил красную точку лазера и, выглянув с другой стороны, нашел взглядом Мотю.

— Ты кто? — жестом спросил Мотя.

— Свои, — так же жестом ответил пацан.

— Внизу пятеро, вооружены хорошо.

— Понял. Я начну — ты поддержишь.

— Принял.

— Мои эти, — пацан рукой повел вправо от себя, — ты берешь левых.

— Принял, — кивнул Мотя и, показав на часы, поднял растопыренную ладонь, — готовность пять минут.

Не мешкая, он подбежал к рюкзаку, вынул из клапана коллиматорный прицел и быстро установил на место снятого оптического. Вести бой на короткой дистанции удобнее, когда имеешь хороший угол обзора и цель находишь быстро, а не выискиваешь в размытой и сильно приближенной картинке.

«Курсант Пугач к стрельбе готов!», по привычке отрапортовал Мотя, не вслух, конечно, и приготовился к стрельбе. Первой мишенью он наметил себе командира, и не потому, что из-за его гибели группа наемников утратит боеспособность — Мотя не был столь наивен, чтобы на это надеяться, — а потому, что тот прятался за старым УАЗиком, дверь которого с легкостью прошивал его «Хеклер Кох» калибра 7,62.

Когда истекли пять минут, отведенные им на подготовку, Мотя уже сидел на корточках, готовый в любой момент выскочить из-за бортика, как чертик из табакерки, и нести смерть тем, кто посмел встать у него на пути.

Мальчишка задержался с атакой всего на пару секунд, первым же выстрелом — во дает, стрелок ворошиловский, — уложив «своего» флангового. Мотя высунулся по пояс из-за бортика и всадил две пули в дальнюю от себя дверь того, что раньше гордо именовалось «советским джипом», и тут же попытался достать крайнего со своей стороны, но наемник успел спрятаться за бетонные швеллеры и дать очередь в ответ, которая ушла далеко в сторону от сталкера. Отлично, шансы не просто уравнились, а выросли многократно и сталкеры получили преимущество, несмотря на все еще численное преимущество наемников. *«Десять негритят решили пообедать, Один вдруг поперхнулся, их осталось девять»*. Опомнившиеся после первого шока наемники открыли шквальный огонь в сторону того места, откуда стрелял мальчишка. Хе-хе, не такие уж они и профессионалы, как думал Мотя, разве можно забывать о его, Мотином, существовании и так подставляться? Он сменил позицию и уже с угла здания открыл огонь по наемнику, который весьма неосмотрительно подставил под пули свою спину. Мотя был воспитанным человеком и не смог не ответить любезностью на любезность, послав целых два воздушных поцелуя калибра 7,62 прямо в цель. *«И их осталось двое»*.

Не став снова менять позицию, Мотя решил достать дальнего от себя врага, того, что прятался слева, в одноэтажном квадратном здании, по-видимому, ранее служившим диспетчерской. Взяв на прицел оконный проем, он стал ждать момента, когда наемник попытается высунуться, и чуть было за это не поплатился — тот, что прятался за швеллерами, его подстрелил бы — только невероятное везенье и ангел хранитель помогли Моте избежать смерти.

5

Человек двигался быстро и бесшумно, словно скользил на воздушной подушке. Ни один кустик не шелохнулся на его пути, ни один сучок не треснул под подошвой берца. Если бы он в таком виде появился в бар, одни его подняли бы на смех, а другие покрутили бы пальцем у виска, презрительно сплюнув. Человек был одет в довольно щегольской камуфляж, явно не предназначенный для глубоких рейдов в Зону, из распахнутого ворота псевдвоенного реглана выглядывала банальная тельняшка, а вся его защита состояла из черной банданы, серого грязного пыльника и армейского жетона, нарочито болтающегося на виду. Если бы на крыльце у бара сидели Медвежонок и Агапоша, неразлучная парочка местных дурачков, зарабатывающая на жизнь побрехеньками из собственного «героического прошлого» и облапошиванием туристов, то между ними мог бы состояться следующий диалог:

— Вишь ты, — сказал бы Агапоша, — гляди, какой сталкереныш выискался! Что думаешь, дойдет он, если бы случилось, до Янтаря или не дойдет?

— Дойдет, — отвечал бы Медвежонок, — а до Припяти-то, я думаю, не дойдет?

— До Припяти не дойдет.

Человек, скажем прямо, выглядел нелепо, но это его беспокоило меньше всего. Главной его задачей сейчас было незаметно подобраться как можно ближе к ангару, возле которого велась перестрелка.

Выйдя на расстояние прицельной стрельбы, человек снял штурмовую винтовку с плеча и прикинул к окуляру оптического прицела. Некоторое время он изучал строение и окрестности, поглядывал на солнце и что-то прикидывал в уме, шевеля губами, затем достал небольшое зеркальце из нагрудного кармана и занялся совсем уж неприличным, недостойным гордого звания сталкера делом — стал пускать солнечные зайчики.

6

За мгновение до того, как палец наемника нажал на спуск, солнечный зайчик, резанул Мотю по глазам, заставив опустить голову, и пуля прошла в паре миллиметров от его головы.

— Профи долбаный! — Мотя повалился на бок, прячась за кирпичным бортиком. — Ну и кто ты после этого, спецназовец недоделанный? Стройбат по тебе плачет.

Кляня себя последними словами, он отползал на другую сторону крыши. Надо же, клоун, только что хихикал над наемниками и тут же сам подставился аналогичным способом. В «Контру» не доиграл, что ли?

— Ладно, сталкер, будем действовать строго по учебнику, — подбодрил себя Мотя. Он добрался до угла и выглянул ровно на секунду из своего укрытия. Этого времени ему хватило на то, чтобы увидеть и оценить обстановку. Пасет, зараза, и времени на прицеливание не даст. Если пацан не сообразит прикрыть, придется действовать на опережение.

Мотя приготовился, взял направление, мгновенно приподнялся, выстрелил двойной очередью и так же быстро спрятался. Не попал — наемник хоть и запоздал, но все же выстрелил в ответ. Не дав ему времени на раздумья, Мотя снова вскочил над бортиком и на этот раз очередью заставил наемника спрятаться за бетон.

Отличная работа, сталкер, не будет так нагло маячить. Теперь глядеть в оба, чтоб второй наемник не поймал в прицел, потому что второго зайчика может и не быть. Плохо, что угол слишком большой, приходится все время косить глазом, ловя движение периферийным зрением. Шандарахнуть бы в диспетчерскую из подствольника, проблем бы не было, да где ж его взять, Хоттабыча под рукой нет. А ручной гранатой, скорее всего, не попасть — разница уровней и расстояние в сумме давали слишком неудобный угол для прицельного метания.

И тут на сцене снова появился мальчишка, неожиданно выглянув из-за угла диспетчерской. Настолько неожиданно, что Мотя, заметив краем глаза движение, уже поворачивал ствол и выжимал спуск и только острое непонимание того, откуда там могла взяться тень, спасло пацана от пули. Идиот!

Меж тем он времени зря не терял. Пользуясь тем, что другой наемник видеть его не мог, паренек как-то уж очень вальяжно, как будто красуясь, подобрался к окну и швырнул в него гранату. Мотя ошалело наблюдал эту сцену и не мог поверить своим глазам — такого наглого неприкрытого самолюбования ему видеть на своем веку еще не приходилось. Ай да сукин сын! Далеко пойдет, если найдется тот, кто сможет спесь из него выбить.

Взрыв вернул Мотю к реальности. Спohватившись, он сосредоточил все свое внимание на оставшемся справа враге, и вовремя, потому что тот, видимо решив «пропадать, так с музыкой», полностью выступил из-за швеллеров и дал длинную очередь, до полного опустошения рожка, да так и остался стоять, только автомат опустил стволом вниз.

Партия закончена, противник сдался, король лежит, точка прицела совместилась с головой наемника, выстрел — мат?

Нет, парень, мы тут не в мушкетеров играем. Все мы в Зоне — сталкеры и барыги, бандиты и наемники — все отбросы общества. Крысы, жрущие себе подобных, чтобы самим не быть съеденными. Поэтому... *va va con dios*, амиго. И пусть тебе не повезет выйти живым.

Две пули взрыли землю перед наемником, подняв фонтанчики земли.

* * *

— Жди здесь, — ткнул Мотя пальцем в сторону УАЗика и, не говоря ни слова больше, отправился за Машей.

До конца он спускаться не стал, девчонка слышала перестрелку и могла пальнуть с перепугу, не разбирая, кто там лезет.

— Маша, свои, ствол опусти, — крикнул он, подождал пару секунд и прыгнул на пол.

Бледный свет тускло освещал середину комнаты через дверь, выходящую на балкон, оставляя в тени перевернутый стол, из-за которого на него уставились большие черные глаза, полные слез и страха.

— Маша, это я, Мотя. Все кончилось.

Громко всхлипнув, девчонка перепрыгнула через стол, обвила руками шею сталкера, уткнулась носом в его плечо и разревелась, не в силах больше сдерживаться.

Да, девочка, настоящая перестрелка, это тебе не компьютерная стрелялка и не голливудский детектив, это намного страшнее, даже если ты сама в ней участия не принимала. К этому и привыкнуть-то почти нельзя, можно только научиться.

Минут через пять, когда истерика наконец отпустила, они поднялись наверх. Какое-то время, пока Мотя собирал магазины по углам и укладывал их в рюкзак, прятал целеуказатель и ствол, доставал складную кошку и закреплял ее на бортике, Маша не замечала присутствия мальчишки. И только когда сталкер начал спускать вниз ее рюкзак, а паренек подбежал его принять и отцепить карабин, негромко ойкнула и удивленно уставилась на Мотю.

— Ты его знаешь? — спросил тихо Мотя.

— Ага, он мне подсказал, где тебя найти. Ну, то есть не тебя, а бар.

— Все страньше и страньше, — пробормотал себе под нос Мотя.

Спустив Машу и спустившись сам, он отстегнул кошку и направился к останкам джипа, махнув рукой ребятам и приглашая следовать за ним.

7

Когда-то гордость советского автопрома, а ныне просто кусок ржавого железа знали многие сталкеры. О нем ходило множество легенд, одна другой сказочнее. Сказывали даже, что он почти как Монолит, только с ограниченными возможностями. Мол, желания он не исполняет, но если посидеть за рулем, то дорогие и редкие артефакты сами к тебе в руки прыгать будут, и зверье мутантное за своего станет принимать и стороной обходить. В общем, манил он к себе дураков всех мастей, как магнит гвозди.

УАЗик лежал на обочине дороги, которая от «Янтаря» вела к мосту на Лиманск, огибая Рыжий лес слева, и хорошо просматривался в бинокль с перекрестка на опушке леса. Видеть его многие видели, да только подойти к нему никто не мог, так как он находился внутри поля психотропного излучения и тем, кому хватало глупости искать возле него счастья, выжигало мозги вчистую, превращая в зомби. Все в баре «100 рентген» и окрестностях знали, что к нему приближаться гораздо опаснее, чем выходить на Арену против кровососа с голыми руками, но каждую неделю находился какой-нибудь очередной искатель счастья, и от него оставалось только сообщение на ПДА — «Сталкер такой-то. Группировка такая-то. Бесследно исчез в районе Янтаря».

Когда же Меченый сумел прорваться через толпы фанатиков и отключить излучатели по всей Зоне, открыв тем самым путь к центру, здешние поля почти обезлюдели и древний ржавый внедорожник с сохранившимися регистрационными номерами перестал быть интересен сталкерскому люду. Все ринулись в центр, да там и осели, пытаясь найти проход в Припять, бросили его и дальше ржавеет под выбросами да дождями, нагло выставя напоказ всему миру чудом сохранившийся номерной знак еще советских времен, белым по черному полю — 50-05 КИО.

Естественно, УАЗик никакими чудесными свойствами не обладал, Мотя давно обследовал ржавые останки. Устроившись на земле, под прикрытием бортов машины, он достал из рюкзака спиртовку, кинул на нее таблетку сухого спирта, поджег и водрузил сверху банку тушенки, предварительно ее вскрыв. Так же молча, не суетясь, он достал хлеб и три помидора, порезал и разложил на пластиковом пакете, извлеченном из заднего кармана брюк.

Мотя вообще не понимал пристрастия большинства сталкеров к сухпайкам. Зачем давиться сублимированными продуктами, если ты отправляешься в Зону всего на несколько дней и можешь позволить себе не сильно экономить на весе и месте в рюкзаке? Свежие овощи вроде помидоров можно и в пластиковый контейнер упаковать, не проблема, а хлеб и тушенка, единственный продукт из сухпайка, который признавал Мотя, сильно плеч не оттянут. Сталкеры — народ чудной, иногда с совершенно необъяснимыми и странными бзиками, особенно если это касалось еды и питья. Некоторые бродяги, как Гупи, например,

не могли прожить без утренней чашечки свежесваренного кофе, другие ничего другого из алкоголя кроме семилетнего виски не употребляли, третьи яичницу только из перепелиных яиц заказывали. А Мотя любил помидоры.

Минут через пять, когда тушенка нагрелась, Мотя снял банку с огня, ножом подхватил кусок мяса на хлеб, сгреб грязными пальцами четверть помидорки и, жестом предложив следовать его примеру, принялся есть. Совершенно сбита с толку его поведением Маша, смущенная и напуганная, стараясь не показать своего волнения, слишком резко подцепила ножом кусок мяса в банке, и он вывалился на импровизированную скатерть, отчего она смутилась еще больше, рукой положила его на хлеб и, нахохлившись, как воробей под дождем, принялась яростно жевать.

8

Мотя достал флягу, сделал пару глотков и не глядя протянул ее пацану.

— Спасибо тебе, конечно, за помощь, — наконец нарушил молчание Мотя, — но может, расскажешь, кто ты такой и почему здесь оказался, да еще так подозрительно вовремя?

— Я шел мимо и на ПДА заметил людей, решил проверить, вдруг помощь нужна, а тут вы. А вы меня не помните, дядя Мотя? — невинно ответил паренек.

Мотя закашлялся, Маша захихикала, но, поймав гневный взгляд сталкера, поспешила спрятать улыбку в кулак.

— Так, наглец, какой я тебе, нафиг, дядя? Ты слова-то подбирай, а не то...

— Я Дима, внук Сидоровича, мы с вами у нас на даче познакомились, когда вы с дедом шашлыки устраивали. Не помните?

Мотю как током ударило, перед глазами встала идиллическая картинка — дача в Старых Петровцах, мангал на берегу Киевского водохранилища, рыбалка, водные лыжи и непривычно довольный, смеющийся Сидорович, гоняющий мяч со своим внуком.

— Опа! А я себе все мозги сломал, где я твою карточку мог видеть. Фигасе, как ты вырос! Стоп! А что ты в Зоне делаешь? Дед в курсе?

— Дед в курсе, я ж на него и работаю, скоро восемь месяцев как, — не без гордости ответил Дима.

— Сидор что, с дуба рухнул — собственного внука в Зону посылать? Совсем крыша у старика поехала? Ему бродяг мало, так он детей начал вербовать?

Мотя давно прительствовал с легендарным барыгой — известным на всю Зону скрягой, и знал, что большая часть баек о его жадности, скупости и вероломности выдумана самим Сидоровичем. На самом деле он был милым и добродушным старикашкой, а маску жестокого и беспощадного деляги надевал только в интересах бизнеса.

— Я сам пришел, никто меня не вербовал, — с вызовом ответил Дима.

— Книжек начитался или сериалов посмотрелся? На суровую мужскую романтику потянуло?

— Делать мне нечего, книжки еще читать.

— А вот это ты зря, — заметил Мотя, — в книгах можно узнать истину.

Дима удивленно уставился на сталкера, пытаясь понять, не шутит ли он, а убедившись, что не шутит, в поисках поддержки перевел взгляд на Машу.

Будучи практически сверстниками, о многих вещах они имели очень схожее мнение, но только не о книгах. Если Дима вырос, воспитываемый Гордоном Фрименом, «сорок седьмым» и ведьмаком Геральтом, и не приобрел привычку к чтению, то Маша, с раннего детства поощряемая родителями, читать любила, и прекрасно понимала, что имел в виду Мотя. Она в ответ закатила кверху глаза, скорчила гримасу отличницы и надменно протянула, старательно растягивая букву «А»:

— Ну а ты как думал?

— Поверь. — Мотя достал сигарету и закурил. — Правда, поиски не так легки, как может показаться на первый взгляд, и придется много попотеть прежде чем ты найдешь

путь, ведущий к истине. И даже найдя его, совсем не обязательно, что ты доберешься до цели. Но сами поиски стоят того, чтобы за них браться.

Дима задумчиво посмотрел на сталкера, украдкой бросил взгляд на Машу, что не укрылось от Моти, и поднялся, взяв автомат.

— Пойду осматрюсь. Заодно... — он замялся, сделал неопределенный жест рукой, — осматрюсь, в общем. А то мало ли.

— Вот именно что мало ли. Далеко не забредай, — кинул ему вслед Мотя и стал собирать вещи, а когда мальчишка отошел на достаточное расстояние, негромко обратился к Маше: — Рассказывай, как ты с ним познакомилась.

— В Дитятках, позавчера. Я когда тебя найти не смогла, на остановке сидела пла... планировала, что дальше делать буду, ну он и подошел, спросил, что случилось.

— Так просто подошел к пла... планирующей свои действия девчонке и спросил?

— Ну, я не знаю, наверное.

— Я бы тоже в тебя влюбился с первого взгляда, если бы был помоложе, — не удержался от подначки Мотя.

Маша покраснела, надула губки и скороговоркой на одном дыхании выпалила:

— Ну не важно, в общем. Но он мне посоветовал в бар пойти, где ты обычно гуляешь. И проводил даже почти до двери. И от хвоста увел. Ну, вот так, в общем.

Она глубоко вдохнула, вытерла нос рукой, испачкав кончик, от чего стала похожа на сорванца, и во все глаза уставилась на Мотю.

— Понятно, что ничего не понятно. — Мотя задумчиво почесал подбородок.

Он уже успел упаковать рюкзак и снова закурил.

Весьма подозрительная цепочка случайностей, если разобраться. Только проследить, куда и откуда она ведет, пока не представляется возможным. Слишком мало фактов, слишком много домыслов. Дима на засланного казачка непохож, если он и играет на чьей-то стороне, то не по своей воле. Ну что ж, раз расклад пока не ясен, будем действовать по старому плану и ждать, когда противник сделает свой ход. Надо теперь найти момент и порасспросить мальчишку поподробней, как он тут оказался.

Мотя надел рюкзак и достал свой ПДА, проверить окрестности. На карте горело только две точки, одна из них принадлежала Маше. Опять забыла свой ПДА выключить, маленькая негодяйка. Ну и как, спрашивается, тут стерпеть и прямо здесь, не отходя от кассы, не надавать ремнем по голой попе? Да при постороннем мальчишке, чтоб на всю жизнь запомнила!

Мотя не любил повторять дважды — был бы кто другой на ее месте, он бы уже собирал свои выбитые зубы с земли, но поднять руку на девчонку сталкер не мог. Надо будет придумать, как ее научить, чтобы раз и навсегда, но без рукоприкладства. Вот и еще одна задачка, которую предстояло решить в самое ближайшее время. Блин, как же тяжело с девчонками, и дернул его леший ввязаться в это дело, надо было отправить ее домой и идти в Зону одному.

Он подошел к Маше и молча показал ей свой ПДА, грозно посмотрев ей в глаза. При этом он попытался скорчить настолько страшную гримасу, на какую был способен. Маша тихо чертыхнулась, сняла рюкзак, извлекла оттуда свой наладонник и выключила его полностью.

В то время как раз вернулся Дима.

— Ну что, сталкер, спасибо за помощь. — Мотя протянул руку. — Нам пора. Жив буду, долг верну.

— А можно я с вами, дядя... ой, простите, можно я с вами, Мотя? — мальчишка посмотрел на сталкера таким невинным взглядом, как тот кот из мультфильма про Шрека.

Эту просьбу Мотя предвидел, поэтому легко согласился, поломавшись немного для приличия, чтобы не вызвать подозрений. Он, конечно, не верил в то, что малец действует против них, но осторожность не помешает, вдруг на нем где-то жучок спрятан.

Приказав Диме выключить ПДА — парень сразу понял причину и без лишних вопросов подчинился, — Мотя двинулся вперед, лишь раз оглянувшись проверить, все ли в порядке.

Без напоминаний и приказов Дима пропустил самого неопытного члена команды в середину и стал замыкающим, внимательно контролируя ситуацию сзади и по сторонам. А пацан ведь реально молодчина, и, похоже, у него действительно есть талант. Быть ему в авторитете через год-два, если перестанет красоваться и ему не хватит ума свалить отсюда подальше.

9

До окраины Лиманска было рукой подать, но это если по прямой, а в Зоне, как известно, прямых путей нет. Будешь переть напролом, сгинешь метров через сто, и никто не узнает, где могилка твоя. В буквальном смысле. Хозяева Зоны не любят панибратского обращения и требуют уважения к своим царственным персонам. Как-то так сложилось, что между ними и сталкерами установился неписанный свод правил, которые обязан был соблюдать любой ступивший на эту территорию. Вроде библейских заповедей — не убий, не возжелай и прочие «не», но в несколько извращенном, с точки зрения рядового обывателя, виде. Убийство, как это ни странно, грехом не считалось и не наказывалось немедленной смертью от удара молнии или от потери крови после поцелуя кровососа. В зоне царил закон джунглей — или ты, или тебя, именно поэтому бродяги объединялись в кланы и группировки. Чтоб быть сильнее.

Трусость и малодушие. Вот что Хозяева считали смертным грехом. Струсил, побежал от опасности, бросил товарищей — расплата наступала почти моментально. Или в аномалию влетал, или шел на корм мутантам — Хозяева с трусами не церемонились. С малодушными же обращались несколько жестче. Могли завести под Выжигатель мозгов, и одним зомби в Зоне становилось больше, а могли и к бюрерам в логово заманить, где самая авторитетная самка, глава семейства, превращала болезного в игрушку для своих сексуальных утех. Бурная фантазия была у Хозяев, аж завидно, насколько бурная. Только однобокая какая-то.

Ну и наглость каралась. Не всегда смертью, но, как правило, довольно жестоко. Был, правда, такой сталкер, Правдоруб. Хотя почему «был»? Есть. Бродит, наверное, где-то по Зоне, все пытается «райскую гитару» найти — артефакт, якобы дающий абсолютный слух. Без исключений ни одно правило, ни одна заповедь не обходится, вот Серега и был этим самым исключением. Его Правдорубом прозвали потому, что всегда по прямой ходил, окольных путей не признавал и все время правду говорил, из-за чего ему частенько приходилось в баре кулаками махать. Его Хозяева Зоны почему-то терпели и не трогали, а иногда даже помогали, убирая с его пути аномалии.

Мотя исключением не был, а потому пришлось изрядно покружить, огибая «мясорубки», «электры» и «трамплины». В итоге полкилометра по прямой превратились в пять и группа вышла к точке встречи только под вечер.

Во время пути Мотя несколько раз проверял почту и местную разновидность «скайпа», адаптированную зоновскими умельцами под нужды сталкеров, но вестей от Сюра так и не было. Сказать, что это тревожило сталкера, — ничего не сказать. Мотя был в панике, только виду не подавал. И что делать, не имел ни малейшего понятия, равно как и насчет того, где искать Сюра, Боцмана и Транца.

Пришлось искать укрытие. На склоне залитого водой оврага он обнаружил неглубокую, около двух метров, но удобную и, что немаловажно, сухую пещерку, где они и устроили привал. Вход от посторонних глаз закрывал огромный куст полыни, напомнивший Моте, что он давно не пил абсента, чудно приготовляемого Болотным Доктором из местных трав и спирта, выгоняемого им из местного же сырья. Надо будет наведаться при случае, дабы опрокинуть рюмочку-другую, расширить сознание.

Устроились довольно комфортно, еще даже осталось место посередине, для костра, но разводить огонь пока не стали, а вместо него подсветили свое убежище «летучей мышью» и неплотно перекусили бутербродами с колбасой и сыром.

Темнеет в Зоне довольно быстро, как будто она находится не в средней полосе, а на экваторе. Казалось бы, вот только пять минут назад солнце светило, мерзкий дождь моросил, отвлекся на миг капюшон поправить — и вот тебе ночь, получи и распишись.

Ходить по Зоне — это значит каждую секунду рисковать своей жизнью. А ходить по Зоне ночью — почти верное самоубийство. Но Мотя уже настолько эмоционально завел себя, что не мог спокойно сидеть и ждать, сознание требовало действий, да и сама ситуация, признаться, тоже.

Решившись, он достал из рюкзака планшет с картами, несколько прозрачных запасных магазинов и детектор аномалий.

— Я пойду навстречу хлопцам, а вы сидите в норе тихо, как мышки, и носа не кажите. Если попробуете выглянуть, я это узнаю и тогда точно сниму ремень и выпорю обоих, невзирая. Я достаточно внятно объясняю?

Ребята кивнули.

— Ты, — палец Моти уперся Диме в грудь, — остаешься за старшего. Если с ней, — палец переместился к Машиному лицу, — что-нибудь случится, лучше сразу сам закопайся. Я достаточно внятно объясняю?

Дима козырнул с самым серьезным видом.

— Ты, — Мотя повернулся к Маше, — включай ПДА и будь все время со мной на связи. Я включу «скайп» в аудиорежим и буду слушать, а ты все время что-то говори. Неважно что, главное, чтобы я тебя слышал. Устанешь говорить — пой, устанешь петь — стихи читай. Я достаточно внятно объясняю?

Вместо ответа Маша достала свой наладонник и включила его.

— Отлично. Только, Маша, постарайся не громко петь, лады? — Мотя подмигнул, чтобы ободрить совсем поникшую девчонку. — Дима, ты, пожалуйста, сейчас сосредоточься максимально, отслеживай все шорохи, ахи и вздохи снаружи. В переговоры не вступай, стреляй в любого, кто приблизится. Меня подстрелить не бойся, я предупрежу на подходе.

Он уложил магазины в карманы разгрузки, активировал детектор и, бросив через плечо «Асталависта, бэби», исчез в темноте.

10

Отвлекающая группа должна была идти у всех на виду, с включенными ПДА, уводя охоту на север и подставляясь под огонь, как мама-куропатка притворяется раненной, чтобы увести хищника подальше от гнезда. Через бывшую базу «фрименов», огибая деревню Кровососов с севера и оставляя Рыжий лес по правую руку, они должны были выйти к мосту на Лиманск. Мотя решил идти им навстречу, но прежде он должен был добраться до моста.

Идти одному, без обузы в виде девочки-подростка, было намного легче и привычнее — когда не надо беспокоиться о ком-то кроме себя, просчитывать действия попутчика и следить за каждым его шагом, чтобы не влетел ненароком в аномалию, не начал палить с перепугу «от бедра». Мотя беззвучной тенью скользил вдоль берега озера, еще издалека примечая опасные и подозрительные участки, не останавливаясь даже для того, чтобы провесить наиболее безопасный путь. Он даже не задумывался над тем, с какой стороны обогнуть «воронку», где пригнуться, а где подпрыгнуть. Автопилот работал безукоризненно, в наушнике Маша добросовестно читала стихи, что-то смутно знакомое, кажется, Ахмадулину, но не факт — в поэзии сталкер разбирался плохо.

Когда в поле зрения появился мост, эдакая темная балка на фоне грязно-зеленого неба, Мотя услышал звуки перестрелки. Прислушавшись, он смог довольно точно определить примерный расклад сил. Больше десятка АУГов последнего поколения, звук выстрелов которых ни с чем не спутаешь, загнали или окружили два «Калашникова». Мотя поначалу обрадовался — вот она, пропажа, нашлась, не придется много ночью бегать, даже маленькое препятствие в виде десятка врагов его не смутило, но тут же спохватился — а где третий? Он готов был дать голову на отсечение, что отстреливалось только двое. Куда третий подевался?

Или это не его друзей обложил неизвестно кто, а вовсе даже посторонних? В любом случае надо пробиваться к этим двоим и уже на месте действовать по обстоятельствам.

Внимательно изучив склон, Мотя снял прибор ночного видения, на полминуты зажмурил глаза, чтобы они быстрее привыкли к темноте, и крадучись двинулся вверх по только что отмеченным в уме ориентирам.

Вскарабкавшись по склону, он оказался на несколько метров выше и на два десятка в стороне от схватки. Даже специально трудно было найти место, более выгодное как в тактическом, так и в стратегическом плане. Жаль, что оптический прицел — замечательнейший и жутко дорогой «Дедал» — и ИК-насадка к нему остались в рюкзаке. Придется довольствоваться коллиматорным и снова напирать на голову ПНВ, что сужает обзор и сковывает движения. Но сначала надо выяснить, кто «хорошие», кто «плохие» и на чьей мы стороне.

Похоже, сталкеры засели за старым ЗИЛом, что торчал прямо на входе в туннель, ведущий в Лиманск, а теснили их со стороны моста. Теснивших действительно было больше десятка, по вспышкам Мотя насчитал ровно дюжину осаждавших. Странно, что если был открыт проход в город, то почему эти двое не попытались уйти на другую сторону и уже там, взяв на перекрестный огонь, пострелять преследователей на выходе, как зверушек в тире. Объяснение было одно — Лиманск снова закрылся и туннель никуда не ведет. Он не хотел в это верить и гнал от себя эту мысль, ведь иначе и для их экспедиции город будет недоступен, и что тогда делать прикажете? Ждать у моря погоды? Ожидание никак не входило в их планы. Ладно, разберемся после.

Мотя подкрутил окуляр ПНВ, наводя резкость на ближайшем стрелке. Твою дивизию! «Монолитовцы»! Не узнать характерную для этого, до недавнего времени многочисленного, клана амуницию просто невозможно, если ты хоть раз заходил дальше Кордона. Частично зомбированные фанатики представляли очень серьезную угрозу даже в одиночку, потому что в «Монолит» чаще всего попадали бедняги, сумевшие забраться далеко в Зону, что по силам только опытным бродягам. А тут целая дюжина отчаянных головорезов с атрофированным чувством страха. Да уж, денек определенно не удался. Надо будет, если выберемся, конечно, сходить к Банкирше, пусть гороскоп посмотрит, что он там предписывал Скорпионам.

Мотя во всю эту *херомантию* не верил, будучи практиком до мозга костей, а вот баба Ната, она же Банкирша, была помешана на всей этой ерунде. Она даже устроила в своей штаб-квартире оккультную комнату, обвешала ее всевозможными висюльками непонятного назначения, исписала стены знаками, должными вызывать священный трепет у посетителей, установила на низком столике стеклянный шар с подсветкой и гадала всем желающим. Небесплатно, конечно же. Гадание вкупе с составлением личных гороскопов приносило Банкирше помимо основного существенный дополнительный доход.

Надеяться на то, что фанатики по щучьему велению образумятся и, построившись в две шеренги, уйдут, чеканя шаг, в сторону саркофага Четвертого энергоблока, не приходилось. Вступать с ними в перестрелку и обнаруживать себя тоже не имело смысла. Оставался единственный вариант, подленький, но алягер, понимаешь, как алягер, и пусть никто не уйдет обиженным.

Для реализации своего плана Моте пришлось отступить от места схватки по дороге вверх, ведущей зигзагом на холм, и выйти на склон прямо над туннелем. Теперь важно правильно рассчитать место и действовать максимально быстро и четко. Единственным неприятным моментом было то, что могли пострадать и те, что спрятались в туннеле. Слуха они точно лишатся на несколько часов, но хоть живы останутся, если все пройдет как задумано. А задумал Мотя каверзу со светозвуковой гранатой. Не подозревающие о присутствии Моти «монолитовцы» сейчас во все свои двадцать четыре глаза пялятся в сторону засевших за армейским грузовиком сталкеров, и ярчайшая вспышка в нужном месте надолго выведет их из строя.

Укрепив винтовку за спиной, чтобы не мешалась в руках, Мотя достал из набедренной кобуры пистолет, снял гранату с пояса и несколько секунд примерялся к броску — если

промахнется, другого шанса у него не будет. Подняв ПНВ, он швырнул снаряд вниз и сильно зажмурился, одновременно закрыв ладонями уши, чтобы не оглохнуть.

Звук взрыва Мотя не то чтобы слышал, он телом ощутил звуковую волну, а свет был настолько ярким, что просочился даже сквозь плотно закрытые веки. Не мешкая ни секунды, сталкер съехал на пятой точке вниз к кирпичной кладке арки туннеля, свалился с нее на кабину грузовика, попытался перекатиться на капот, но промахнулся и вместо эффектного кувырка, ударившись копчиком о крыло автомобиля, шлепнулся плашмя на землю. В общем и целом этот рискованный акробатический этюд прошел достаточно успешно, пострадала только Мотина гордость, да и та слегка, учитывая отсутствие свидетелей этого неуклюжего падения.

Мгновенно вскочив на ноги, Мотя кинулся на звук отборного трехэтажного мата, несущегося откуда-то из-за кузова грузовика, справедливо рассудив, что именно там и следует искать оборонявшихся сталкеров. Этот голос он узнал бы из миллиона! Сюр, засланец, только он умел сочинять настолько сложные смысловые конструкции, состоящие сплошь из одной лишь брани. Как же счастлив был Мотя слышать это богохульство, проливавшееся целительным бальзамом на его душевную рану!

11

В пространстве между стеной туннеля и тушей автомобиля Мотя нашел Сюра и Боцмана, Транца с ними не было. Сюр сидел на корточках и яростно тер глаза, матерясь так изысканно и витиевато, что Мотя невольно заслушался. Ему бы вирши сочинять да в авторской колонке в «Огоньке» их размещать. Боцман выглядел получше, похоже, он оказался под прикрытием грузовика и свет его не достал. Во всяком случае, он мог видеть и сейчас стоял, засунув оба мизинца в уши, и ошалело глазел на Мотю. Ни слова не говоря, сталкер помог Сюру подняться с земли, подставил ему плечо и, указав Боцману стволом пистолета на рюкзак, кивнул — сматываемся, мол. И потащил грузного Сюра из туннеля так быстро, как только мог, мимо корчащихся «монолитовцев», вниз по склону, под мост и бегом вдоль берега прочь. Боцман с двумя увесистыми рюкзаками за спиной и постоянно соскальзывающими с плеч автоматами не отставал и бежал след в след, не забывая при этом контролировать ситуацию позади. Так в темпе и доскакали галопом до пещерки, в которой скрывались Маша с Димой, осталось только подняться по склону.

Все это время Маша неустанно читала стихи и пела. Мотя, пока ходил на выручку, успел познакомиться с творчеством Бродского и Бодлера, Ахматовой и Есенина, а также послушать кое-что из песен Сургановой и, что его сильно удивило, Башлачева.

*Как ходил Ванюша бережком вдоль синей речки,
Как водил Ванюша солнышко на золотой уздечке.
Душа гуляла, душа летела.
Душа гуляла в рубашке белой
Да в чистом поле все прямо-прямо,
И колокольчик был выше храма.*

Это была если не самая любимая песня Моти, то в личном хит-параде она гарантированно занимала свое место в десятке. В часы тяжелых приступов хандры, когда он запирался в своей берлоге и неделями топил в водке тоску, ненавидя Зону за то, что она ломала судьбы, ненавидя людей за то, что ломались, ненавидя себя за то, что так и не смог себя переломить, он ставил *wintamp* на кольцевое воспроизведение и крутил «Ванюшу» сутками. Только тем и спасался, клин клином, что называется. А исполненная детским голоском эта песня производила неизгладимое впечатление.

Включив микрофон в гарнитуре, Мотя сообщил Маше о своем приближении, чтоб юный Рембо не пальнул ненароком, когда троица сталкеров, как стадо псевдокабанов, ввалится в схрон сквозь заросли полыни.

Вы когда-нибудь видели, как в «горбатый» «запорожец» набивается десять человек? Ах да, откуда, вы и «горбатого», поди, не видали вживую, только на картинке. Представьте себе «Газель» в утренний час пик, везущую из спального гетто народ на службу. Представили? А теперь мысленно попробуйте в нее запихнуть еще несколько пассажиров. Вот примерно так же утрамбовывались сталкеры, с криком да с матерком, проявляя чудеса гибкости и нарушая основной закон физики, гласящий — нельзя впихнуть невпихуемое. Мотя втиснулся последним, подхватил свой пыльник и завесил им вход, подвесив за специально пришитые плечевые петли на вбитых в свод ножах.

— А где Транец? — первое, что спросила Маша, когда он закончил маскировку и сел.

Мотя обменялся взглядами сначала с Боцманом, потом с Сюром и молча достал флягу. Все было понятно и без слов. Маша отчаянно пыталась заглянуть в глаза каждому из сталкеров, найти хотя бы намек на то, что ее догадка — неправда, что этот коренастый невысокий весельчак, похожий на филина, просто отстал и вот сейчас откинется импровизированный полог и покажется счастливая усатая физиономия Транца. Но сталкеры виновато отводили взгляд, по очереди прикладываясь к фляге. Не в силах больше сдерживаться, Маша тихонько заскулила, из глаз ее брызнули слезы обиды. Обиды на Мотю, на Сюра, на Боцмана, на пропавшего папу, на бандитов и военных, ученых и сталкеров, на весь этот неправильный и несправедливый мир, а главное — обиды на дуру себя, полезшую в эту проклятую Зону и потащившую за собой ни в чем неповинных людей, подвергая их смертельной опасности.

Зона оказалась совсем не аттракционом и романтики в ней было не больше, чем в учебнике по химии, которую Маша ненавидела всеми фибрами души. Тут, внутри Периметра из бетона и «колючки», не было благородных шерифов и робингутов, айвенги не спешили на помощь, а Дон Кихот торговал картами с тайниками погибших бродяг. Жестокая реальность ворвалась в Машин мир, представление о котором она складывала по книгам и фильмам, по компьютерным играм и интернетовским форумам, безжалостная реальность со всего размаху, щедро, врезала Маше обухом по голове. Ее идеальный мир рухнул, оставив после себя только мусор — обломки хрустальных замков, скелеты принцев и их белых коней, прах принцесс в разбитых стеклянных гробах, которые никогда уже не проснутся, потому что никто не захочет целовать голый череп. Обида за разбитый мир и смертельная усталость сейчас выплескивались вместе со слезами.

Маша плакала не прячась, с гордо поднятой головой, глядя на потупившихся, словно двоечники, не выучившие урок, сталкеров. Ей не нужны были утешения, она не требовала подробностей, она признавала свои ошибки и не искала прощения. Она встречала новую реальность с поднятым забралом и хотела, чтобы ее друзья это видели. За пять минут она попрощалась с детством, скинула розовые очки и вошла во взрослую жизнь.

12

— Похоронить-то хоть было что? — спросил Мотя, когда Маша перестала всхлипывать.

— Нет, — Боцман покачал головой, — «воронка».

— Влетел, когда отстреливался от фантомов. — Сюр уже окончательно отошел от действия светозвуковой гранаты.

— Пси-собака?

— Двое. Похоже, семья, еле отбились. Каждый по три-четыре рожка израсходовал.

— Так вы что, в фантомов, что ли, палили? — Мотя даже привстал от удивления. — Твою дивизию, народ! Вы что, первый раз замужем? На дерево забраться религия не позволяет? Любая отмычка знает, что «оригинал» всегда в стороне прячется, пристрели его, и все фантомы исчезнут!

— Бдя, коллега, я тех собак и не видел никогда! — огрызнулся Боцман. — Я в Зоне пять лет и никогда с ними не встречался! Слышал про них, про фантомов слышал, а как

поперли эти твари, так и не вспомнил сразу. Это мы уже потом сообразили и выцеливать «оригиналов» начали.

Мотя достал портсигар и закурил. Хорошая ситуация складывается, опять остались почти без боезапаса, с оставшимися четырьмя рожками на брата соваться в Лиманск рискованно, а пополнить негде. Благо хоть мужики предпочитали «Калашникова», а пять-сорокпятиго патрона в Зоне было как грязи, надо только эту грязь найти.

— Уже не перетанцуешь. — Сюр взял из рук Моти портсигар и достал сигарету.

— Ты же не куришь. — Мотя протянул ему золотую «Зиппо» с рисунком головы лошади на корпусе.

— Не хочешь, а закуришь от таких приключений. — Сюр закашлялся.

— Жрать охота. — Боцман потер скулу, и Мотя только сейчас заметил здоровый синяк, набухающий у сталкера под глазом.

Он кивнул Маше и полез в рюкзак за спиртовкой.

— План немного меняется, — начал он, разжигая огонь, — в город пойдем с запада. На востоке «Монолит», который вас зажал, может караулить. Кстати, вы не заметили ничего странного в их поведении? Вы на них случайно напоролесь или они шли по ваши души?

— Мы как только мост проскочили, тут и наткнулись на них, — ответил за двоих Сюр. — Может, и засада была, а может, и случайно, не разберешь.

— Они там давно трутся, — подал голос Дима, сидевший до сего момента в тени Боцмана. — Я утром, когда за вами шел, Семенко встретил, так он меня предупредил, что у моста взвод «монолитовцев» вертится, чтоб я туда не совался.

Сюр и Боцман как по команде повернули головы на голос.

— Жив еще, значит, — не то спросил, не то констатировал Боцман.

— А ты кто такой? — спросил Сюр.

— Это Дима, Сидора внук, — ответил за Диму Мотя, — он помог от наемников отбиться, с его помощью и выкрутились. Кабы не он, вы бы сейчас не только Транца поминали.

От его внимания не укрылось, что парень проговорился, но разбор полетов он решил отложить до более удобного момента.

— Наемники? — чуть громче чем надо спросил Сюр.

— Вот и я о том же. Пасут нас, век «Радио Свободы» не слышать. Военные в Дитятках — это раз. — Мотя выставил перед собой кулак и разогнул большой палец. — Наемники, отследившие меня с Машей, — это два, — он разогнул указательный палец, — «монолитовцы» на мосту — это три. А теперь следи за мыслями — военные плюс «Монолит», наемников откинем, потому что наемники и у них контракт, что получаем?

Взгляд Сюра был красноречивее любых слов.

— И приплюсуй сюда то, что профессор явно какому-то умнику дорогу перешел и его закрыли черт-те где, не сразу и разберешься, что за «тайм-шифтинг» такой. — Мотя продолжил разгибать пальцы. — Мне пришлось учебники по физике скачивать, чтобы понять хотя бы приблизительно.

— Теоретики хреновы. — Боцман снял с огня банку тушенки и принялся за еду, не забыв, правда, поставить на спиртовку следующую.

— И зачем напрягался? — Сюр проигнорировал замечание товарища. — Я бы тебе все популярно объяснил, у меня как-никак «Бауманка» за плечами.

— Где ты, а где я! Не по Сети же с тобой это обсуждать, а мне понять надо было, что нас ждет. Потом объяснишь в подробностях, где я недопонял.

Мотя снял разогретую тушенку с огня и протянул Маше вместе с половиной батона.

— Подкрепитесь с Димой, возможно, скоро выпадет случай заморить червячка.

Сюр тем временем достал из своего рюкзака большой термос и металлические стаканчики, открутил крышку и стал разливать темно-янтарную жидкость. Нора моментально наполнилась восхитительным ароматом свежесваренного чая с бергамотом и мятой.

— Один раз в сутки чай должен быть в желудке, — произнес он, вылив последние капли и отбирая тушенку у Боцмана. — Вот жлоб! Почти все сожрал! А нам оставить?

— Ты жуй, я не хочу. — Мотя снова закурил. — Я перекусил недавно.

— Силовой кабель подстанции, — хохотнул Боцман, поднимая стаканчик с чаем.

— Я вообще ем мало.

— Оттого такой и мелкий, дунь — и сдует тебя.

— Мал, да удал, — улыбнулся Мотя, делая глоток обжигающего губы напитка. — Зато на меня мутанты нападать брезгуют, мороки со мной больше, чем поживы.

— Я бы тоже побрезговал. — Боцман достал из внутреннего кармана свою фляжку и плеснул из нее чего-то прозрачного в чай. — Некрепкий, — заметив, что Маша внимательно смотрит на его манипуляции и снова Моте: — И за что тебя бабы только любят? Мешок с костями, никакой солидности, а липнут, как мухи на го... на мед.

— Я обаятельный, — улыбнулся Мотя и подмигнул Маше. — Ладно, хорош петросянить, давай о деле.

Он полез в рюкзак за планшетом, долго копался в нем, шурша бумагой, достав нужную, слишком тщательно устраивал ее поверх рюкзака, расправляя складки и уголки.

— Ты точно уверен, что сейчас подходящий момент? — Сюр пытался не поворачивая головы взглядом показать на Диму.

Этого-то Мотя и ждал. Вопрос о доверии был поставлен, и поставлен не им, что немаловажно. Пусть пацан и помог отбиться от наемников, пусть и знакомы они давно и он внук старого приятеля, но Мотя пока не видел причины, по которой он мог бы ему доверять свою спину. Слишком часто его предавали, слишком часто он предавал, втирался в доверие и всаживал нож в спину первым, чтобы не получить удар самому. В Зоне действуют те же правила выживания в социуме — сожри, чтобы не стать съеденным. По жизни он шел одиноким волком, не доверяя никому, кроме своего звериного чутья.

В свои сорок два года он так и не был женат, детей он не любил за создаваемые ими шум и суматоху, в коллективах уживался трудно по причине ярко выраженной независимости и резкого неприятия стайности офисного планктона. При этом он был очень хорошим актером и умело прятал свой сложный характер под маской рубахи-парня и галантного кавалера. Лишь очень немногие люди из числа тех, кого Мотя считал своими друзьями, знали его настоящую натуру.

Дима в число друзей не входил, поэтому Мотя сильно насторожился, когда пацан проговорился, что шел за ними, а не мимо, как рассказывал утром. Именно этот момент он и собирался прояснить, прежде чем строить дальнейшие планы. А то, что вопрос был поднят Сюром, человеком, ничем не обязанным мальчишке, давало Моте пространство для маневров.

— А что не так? — прикинулся шлангом Мотя. — До рассвета у нас есть несколько часов, не только обсудить успеем, но и покемарим чутка.

— Ты дурочку не включай. — Боцман усердно, напоказ, вычищал ножом грязь из-под ногтя. — Он имеет в виду салагу. Помог — спасибо, но что он тут делает?

— Насколько я понимаю, Дима в Зоне далеко не салага и опыта ему не занимать, тебе отсыпать может в случае чего.

— Хорошо. Даже если ты его знаешь, мы — нет. Это веский аргумент? Поручиться за него сможешь?

— Что скажешь? — Мотя обратился к юному сталкеру. — Могу я за тебя поручиться?

— Я не подведу, дя... ой, извините, Мотя. Если надо, я могу и «отмычкой» идти, я умею путь прокладывать, честно.

— Умеешь, умеешь. Иначе бы не дошел до ангара. — Мотя почесал переносицу. — Но я должен знать правду — как ты оказался у ангара и зачем тебе с нами? Какая тебе в этом корысть? И имей в виду, я не верю в случайности.

Вместо ответа Дима достал свой ПДА, включил его и, открыв почтовый клиент, протянул его сталкеру.

дімка, ти мабуть уже чув про охоту на нейтралів. у той групі йде мотя. вони зараз на ста рентгенах. наглянь за ним якщо ти рядом та допоможи якщо надо.

не кажи йому що то я тебе послав.

дєда.

Да, вне всяких сомнений это было письмо от Сидоровича. С недавних пор он, русский помор в тридесятом поколении, заделался вдруг «царим хохлом» и старался говорить и писать исключительно на украинском. У Моти в ПДА тоже нашлось бы несколько посланий за авторством «Сідор», написанных весьма специфическим суржилом. Вот теперь все ясно, как божий день. Сидор, старый хрыч, прочитав в Сети об охоте, решил перебдеть и послал доверенное лицо подстраховать.

— Ладно, верю. — Он выключил наладонник и вернул его Диме. — Вернемся к нашим баранам.

Он склонился над картой, и сталкеры последовали его примеру.

— На востоке нас пасут «монолитовцы», к гадалке не ходи, поэтому будем заходить с запада. Мы сейчас тут, — он ткнул пальцем в точку между двумя пятнами, должными обозначать водоемы. — Я вижу только два варианта: по окраине до вот этой, — палец переместился немного вверх и влево, — дороги и дворами примерно вот сюда, или же дальше по окраине аж до воды и по ней до упора, а там опять же дворами метров сто. Во втором случае мы выйдем с той же стороны, что и планировали, а в первом — с обратной. Похоже, что нас будут ждать. С какой стороны ни подойди, драки не избежать, поэтому я предлагаю идти по первому варианту.

— Короче не значит быстрее, — вставил Сюр.

— Я понимаю, но есть большая вероятность, что нас ждут с востока, и поэтому именно на этом направлении будут сидеть секреты, а с запада мы можем подойти незаметно.

— Что-то мне подсказывает, что там тоже не дураки сидят и жопу свою прикроют на всякий случай.

— Согласен. Вероятность исчезающе мала, но она есть, а это лучше, чем ничего.

— Надо идти как Мотя говорит, — поддержал Боцман. — Если есть хоть один шанс на миллион проскочить с тыла, дураками будем, если в лоб попрем.

— А что в том доме, куда мы идем? — спросил Дима.

Сталкеры дружно посмотрели на Машу, затем переглянулись и Мотя ответил:

— Проход к «Исполнителю желаний».

— Честно? — Мальчишка не поверил Моте, как-то слишком буднично тот ответил. — Разыгрываете.

— У меня с чувством юмора плохо, так плоско я шутить не умею.

Дима не понял, что Мотя этим хотел сказать, но на всякий случай кивнул.

— А как мы нужный дом найдем? — Боцман почесал затылок.

— Возле прохода профессор радиомаячок установил и я его уже пробил. Вот этот дом нам нужен. — Мотин палец ткнулся в один из прямоугольников.

— А проход открытый стоит или нам еще плясать с бубном придется?

— С этим сложнее, но есть зацепки. На месте разберемся. — Мотя спрятал карту и достал ПДА. — Ну что ж, если других вариантов нет, предлагаю малость всхрапнуть, часа четыре у нас есть. По часику подежурим, хлопчики. Я первый, а дальше вы сами на первый-второй рассчитайтесь.

Он включил комп, закурил и полез в Сеть.

Глава 14

Толчок в плечо выдернул Мотю из состояния полузабытья. Отдохнуть не удалось, а кратковременная дрема лишь усилила желание завалиться на диван и придавить подушку денек-другой. Первое время он не соображал, где находится и что это за люди рядом, а когда вернувшееся сознание вернуло его в реальность, он приуныл. Святой Онуфрий, как же это все его достало! Опять тащиться куда-то, кого-то убивать, через что-то прорываться. А ради чего? Счастья всем и пусть никто не уйдет? Утопия, Мотя давно утратил иллюзии, дабы всерьез мечтать о вселенском счастье. Чтобы Монолит исполнил самое сокровенное желание? Так это Моте самому под силу — стать счастливым. Он даже себе боялся признаться, что его счастье осязаемо. Как-то неловко получалось: вроде бы такое глобальное понятие — Счастье, а вся глобальность в итоге сводится к нескольким бытовым, моральным и физиологическим потребностям. Домик на отшибе у моря, яхта да баба под боком — вот и все счастье. На дом он давно уже накопил, да что дом — на небольшой островок может хватить и еще на яхту останется. И с бабой проблем не будет — он уже давно хотел Диане предложить переехать к нему.

С Дианой, официально числившейся официанткой в баре, а на самом деле занимавшейся покупкой-продажей информации и поиском сталкеров для «деликатной работы», Мотя сошелся два года назад. В прошлом модель Киевского дома Моды, а ныне успешная телеведущая, хозяйка модельного агентства и королева светской тусовки, приехала в Зону на сафари с несколькими такими же бездельниками, жадными до экстрима. Решили на местных зверушек поохотиться. Ввалились в бар все такие из себя при параде, в камуфляже от «Гуччи с Габаной», «Диор» им в печень, пукалки со стразиками в виде пистолетов в кобурах из страусиной кожи так и сверкают хромом. Никто из парней не решился проводником у них идти, дураков нет. Они неделю каждый вечер показ мод устраивали и так «сжалилась» Зона над ними, привела в наш бар Головастика.

От него все шарахались, как от прокаженного, потому что вторая его фамилия была Неудачник. Сказочного невезенья мужик был, земля ему пухом, но, что удивительно, только в Зоне. Тут, в обычном мире, он мало чем отличался от других сталкеров — так же пил, так же дрался, так же в обезьяннике потом тосковал. А как только в Зону уходил, тут и начинались проблемы. И самое забавное, что настоящая фамилия у него была Удалов. Вот и взялся Головастик туристов в Зону отвести. Что там произошло, до сих пор никто не знает, а только через неделю всего в паре километров от Кордона Мотя наткнулся на едва живую Диану и приволок ее на горбу в бар.

О самой группе, как и о Головастике, больше никто ничего не слышал, сгинули, как и не было, а Диана стараниями местных официанток оклемалась да так и осталась в баре. На память о том сафари ей осталась лишь белая прядь на челке, которая не закрашивалась никакой краской. Сперва водку разносила, но гордость и деятельная натура требовали большего, и она организовала довольно прибыльный бизнес — скупала и продавала информацию, анализировала слухи, приводя их к общему знаменателю, и подыскивала бродягам работу за свой процент. Бизнес, естественно, нелегальный — для официальных проверок из Киева она числилась официанткой.

Стройная, с высокой грудью, тонкой талией в кожаном корсете и упругой попкой брюнетка моментально оказалась объектом вождения сталкерской братии и от поклонников не было отбоя. Взаимностью она ответила только на неловкие ухаживания Моти, отучившегося в своем отшельничестве от проявлений внимания. Они были ровесниками, но Диана выглядела максимум на тридцать, тогда как Мотя на все свои сорок. Два года они жили не то любовниками, не то гражданским браком, а приезжавшая иногда из Киева взрослая дочь Дианы уже признавала Мотю как нового маминго мужа.

Так почему не взять Диану и не уехать с ней подальше от этой проклятой Зоны, гнилой язвы, убивающей и калечащей души? Туда, где тепло, где море и солнце, где в моде белые парусиновые брюки и юбки из тончайшего полупрозрачного льна. Утром, на восходе, пока Диана еще спит, выходить на яхте в море за рыбой, а возвращаясь с уловом, целовать любимую женщину в ложбинку меж грудей. Потом валяться в гамаке с томиком испанской любовной лирики в ожидании обеда. К рыбе открыть дешевого хереса и есть

неторопливо, смакуя каждый кусок и каждый глоток. На сиесту устроиться на веранде, допивая остатки вина и обсуждая только что выученный наизусть стих, и уснуть ночью обнявшись, уставшими от дикой любви, чтобы с утра все начать с начала.

Осталось только довести дело до конца и выбраться живым. Всего-то.

2

— Пока дежурил, — Мотя закурил традиционную сигарету, без которой не обходилось ни одно утро, — я немного пошерстил по Сети, и мне один приятель продал тайничок в городе. Наведаемся в него по пути, патронов возьмем.

— А горячего латте там нет? — Невыспавшийся Боцман с двухдневной щетиной сейчас больше походил на белорусского партизана, чем на респектабельного хозяина яхтенной верфи.

— Смолы тебе горячей. — Сюр протянул ему банку с энергетиком. — Вот хлебни и не выпендривайся.

Сюр дежурил последним и уже успел привести себя в рабочее состояние, чего нельзя было сказать о только что выдернутых из зыбкого сна сталкерах.

— Успеем до выброса?

— Как два байта на сайт. — Мотя достал пачку влажных салфеток. — До ближайшего прогнозируемого выброса больше двенадцати часов, хватит смотаться в Монако и обратно.

— А если?..

— Если уже не будет. Внеплановый Выброс никогда не происходит настолько близко по времени к прогнозируемому.

— Зуб даешь?

— Нехай меня покрасят. — Мотя закончил умываться и предложил салфетки товарищам.

Маша взяла салфетку, но умываться не стала, а вместо этого толкнула острым локотком Мотю в бок, а когда он нагнулся к ней, смущенно прошептала:

— Туалет.

— Так, мальчики направо, девочки налево, — скомандовал он. — Дима, идем оправимся. Маша, потерпи пару минут, мы проверим местность.

Они выползли из-под пыльника и огляделись. В нескольких метрах от норы находился вполне пригодный куст, аномалий и зверья в видимой близости не наблюдалось.

— Пройди на несколько метров вперед, а я позову Машу. Если немоготу, там и оправься, но автомат из рук не выпускай. Как свистну, возвращайся.

Дима козырнул и скрылся за кустом, а Мотя проверил, нет ли под кустом «жадинки», и позвал Машу.

— Устраивайся тут. Да не переживай ты так, — заметил он нерешительность девчонки, — я отойду к норе и отвернусь. И за Диму не беспокойся, юному Ромео честь не позволит подглядывать за своей Джульеттой, — и чуть не рассмеялся, настолько его развеселила гневная реакция Маши на его подначку.

Э, да тут дело керосином пахнет! Мотя еще у ангара заметил, с каким обожанием смотрит Дима на Машу, с каким пиететом он к ней обращается. Девчонка, как всякая женщина, моментально уловила это особое отношение и, как настоящая женщина, демонстративно пацана игнорировала. А ее гневный взгляд в ответ на Мотину шутку только подтвердил его подозрения. Надо впредь попридержаться язык, пока мальцы не наиграются в любовь, дабы не провоцировать их на необдуманные поступки.

3

Дома в Лиманске заброшенные, но все еще крепкие, местами даже вроде как ухоженные. Только целых стекол ни в одном окне не осталось да заборы покосились. Вставь стекла, освежи краску и жить еще можно. Вон в угловом, например, на балконе второго

этажа белье сушится, интересно, сколько лет уже? Точно не семь, прошедшие с момента второго взрыва, и даже не двадцать семь с момента первой аварии. Город выглядел так, будто его перенесло напрямиком из конца пятидесятих. Исколесив по службе чуть не весь Великий и Могучий, маленьких городишек Мотя повидал немало, и находил в Лиманске мало общего с ними. Вроде бы те же кирпичные двух- и трехэтажки с персональными двориками и сарайчиками, те же палисадники под окнами, те же скамейки под подъездами. Те же, да не совсем. На крышах не было телевизионных антенн, киоски выглядели солидно, а мусорные баки отсутствовали. Ржавеющие то тут, то там «запорожцы», «москвичи» и ГАЗы с КАМАЗами выглядели в этом идиллическом пейзаже чужеродно, но картину не портили. А за речушкой, больше похожей на ручей, текущий посередине города, пятидесятые как отрубало и бал правили семидесятые. «Сталинки» исчезали, их место занимали унылые «хрущевки» и панельные девятиэтажки, дворики сменялись гаражами и только остовы автомобилей точно так же ржавели, мозоля глаза.

Отряд подошел к городу с юго-запада. По правую руку раскинулся пустырь, перепаханный бульдозерами и заваленный строительным мусором. Кое-где из-под мусора пробивались колючие сорняки и чахлый кустарник. Плохое место. Отчаянно плохое. Аномалии на нем водились в таком количестве, что на экране детектора поле представлялось огромным сплошным пятном. «Воронки» перемежались с «трамплинами», «мясорубки» заползли на «электры», а промеж всего этого искрящего сверкающего великолепия плавали сгустки плазмы. Артефактов этот пустырь производил великое множество и притягивал к себе сталкеров всех мастей, как магнит. Которые поглупее, одуревшие от вида этих россыпей, лезли за ними на пустырь, как мухи на липкую ленту, и оставались там, разорванные и перемолотые, переваренные аномалиями и выплюнутые в виде все тех же артефактов. Сталкеры поумнее бродили окрест и подбирали то, что выбрасывалось за пределы пустыря. Только двоим за все время существования Зоны удалось выйти из этого аномального лабиринта живыми и невредимыми — Диме Шухову и Юрию Михайловичу, более известному как Семяцкий.

По левую руку простирался Лиманск, конечная точка их рейда. Начинался самый короткий и самый опасный отрезок пути. Город в силу своей аномальности был плохо разведан сталкерской братией — трудно исследовать то, что периодически исчезает или наглухо закрывается снаружи и изнутри. Можно было войти в него в июне и искать выход до декабря, если продуктов и воды хватит, а можно было, за два часа пройдя город насквозь, обнаружить, что в Зоне прошло несколько недель. Как ни странно, мутанты в Лиманске почти не встречались, лишь изредка какой-нибудь глупый молодой кровосос забредет в поисках сексуальных утех, но это скорее исключение, чем правило. Видать по всему, зверье нечто такое чувствовало, что заставляло его держаться подальше от городской черты. Сталкеры же, тоже, впрочем, местное зверье, подобным чувством опасности не обладали и в изобилии водились в Лиманске.

Именно сталкеры сейчас представляли наибольшую угрозу. Мотя остановился возле подъезда крайнего дома и жестом приказал замереть остальным. Начиналось самое интересное и торопиться было смерти подобно. Солнце уже полностью вышло из-за горизонта, водяная взвесь, висевшая всю ночь в воздухе и притворявшаяся дождем, испарилась и видимость была хорошая. К тому же вода щедро увлажнила землю, и если засада готовилась ночью, то успели наследить. Главное теперь смотреть в оба.

Присев на корточки, Мотя закурил, прищурился и стал внимательно изучать путь, наклоном головы меняя угол обзора. Дима присел рядом. Некоторое время он смотрел в ту же сторону, покрутил головой и, ничего не заметив, достал детектор.

— Я ничего не вижу, — громко прошептал он, меняя масштаб.

Мотя скосил глаза на экран, еще раз глянул на потрескавшиеся плиты дорожки, ведущей вдоль дома, и достал из кармана гайку.

— Не видишь? Смотри, — жестом профессионального игрока в дартс он прицелился в одно ему видимое устроение очков, на секунду замер и с силой запустил гайку между массивной бетонной чашей, служившей ранее клумбой для цветов, и скамейкой с

вычурными чугунными ножками, выкрашенными ярко-зеленой краской. Гайка полетела по пологой дуге, а ровно между скамейкой и клумбой вдруг остановилась, повиснув в воздухе, несколько секунд повертелась вокруг своей оси, словно наживляясь на невидимый болт, замерла и осыпалась серым порошком на плиты. Проследив взглядом за пеплом, Дима обнаружил, что дорожка в этом месте довольно густо присыпана серой пылью.

— А?.. — только и смог он спросить.

— Вот тебе и «а». Восемь месяцев Зону топчешь, а до сих пор не знаешь, что она растет и меняется. Все эти велесы-шмелесы хорошо, но самый лучший детектор у тебя вот тут, — и он постучал Диму пальцем по лбу. — Если не будешь мозги включать, вот таким пеплом и просыплешься когда-нибудь.

Следующую гайку, запущенную чуть левее от бетонной чаши, постигла та же участь, что и предыдущую. Истратив еще пять снарядов, Мотя обозначил края неизвестной аномалии, а дальше пошло проще. Проведя отряд впритирку с домом, сталкер в быстром темпе преодолел целый квартал, по пути обогнув пару «жарок» и разрядив дряхлый «трамплин». Им оставалось пройти переулком два поворота до выхода на финишную прямую. Но прежде стоило заглянуть в тайник и пополнить запас патронов, а для этого им надо было проскакать мимо последнего поворота прямо, в неприметный серый домик, утопающий в разросшемся без присмотра яблоневом саду. Очень удобный сад, кстати говоря. Под его прикрытием можно подобраться незамеченными к нужному дому на расстояние плевка. Жестом приказав спутникам затаиться, Мотя перебежал через улицу и углубился в заросли.

Словно в джунгли вошел. Для полного сходства не хватает мачете в руках и тропического ливня. Отличное место для засады. Кроны деревьев разрослись настолько, что почти не пропускали света, и с улицы разглядеть кого-то в зарослях было нереально. К тому же на нижнем ярусе, при почти полном отсутствии солнечных лучей, в большом количестве росли кусты малины и служили прекрасным укрытием для любого, вздумавшего в них спрятаться.

Стараясь не шуметь, Мотя продрался через заросли и вышел к дому в глубине сада. Как в музей этнографии попал. Одноэтажный, с соломенной крышей и резным крыльцом, серыми глиняными стенами и выкрашенными в голубое ставнями на окнах, дом стоял на круглой полянке, поросшей аккуратно подстриженной зеленой травкой. От крыльца расходилась пара тропинок из битого кирпича и упиралась в сплошную стену из деревьев и кустарника. Справа белел известкой вход в погреб, а чуть позади него находился крытый колодец с блестящим на солнце цинковым ведром. Немного диковато смотрелся выложенный напротив крыльца сад камней. Точно в сказке. Сейчас выйдет на крыльцо добрая ласковая старушка в платке, завязанном на лбу, и предложит баньку натопить. Без баньки никак. Наверняка на полянке и банька имеется, только за домом ее не видно. А потом, как положено, на лопату и в печь доброго молодца.

Заходить в дом Мотя не спешил. Дабы упорядочить мысли, он присел на валун и достал сигарету. Очень подозрительно выглядел домик, нереально. А что в Зоне выглядит нереально, то опасно в первую очередь. Тогда почему Гордей дал координаты именно этого дома? Ошибся? Да вроде нет, по описанию очень подходит. Подставить решил, чтобы долг списать в полторы тысячи монет? Не тот он человек, хоть и бродяга, каких свет не видывал. Хромой сталкер был порядочной сволочью, другие в Зоне и не обретаются, но был человеком чести и слово свое держал крепче купеческого. Мотю он почитал за друга, частенько делил с ним бутылку коньяку и подставлять не стал бы даже под угрозой смерти. Дилемма. Быть или не быть, вот в чем вопрос.

Втерев носком берца окурки в траву, Мотя сбросил рюкзак на землю, снял с предохранителя винтовку и решительно направился к двери.

По словам Гордея, тайник находился под крышей. Чтобы до него добраться, следовало прямо в сенях подняться по приставной лестнице и проползти под крышей в самый угол, и Моте пришлось несколько секунд подождать, чтобы глаза адаптировались к полумраку. Древний тяжелый сундук с пошлыми маками на стенках и крышке действительно

обнаружился под охапкой душистого сена в одном из углов. Неужели Гордей сам затаскивал эту тяжесть наверх? Оставалось только догадываться, где он обнаружил этот гроб. А вот содержимое тайника его порадовало: три десятка уже снаряженных магазинов, попарно обмотанных изоляционной лентой, четыре АКСа, обернутых в плотную промасленную бумагу, и два подствольных гранатомета с четырьмя сумками выстрелов. Остальной скарб Мотю сейчас мало интересовал, но одна вещь все же привлекла его внимание. Подшивка «Ukrainian Wireless News» за 1913 год. Минут десять он листал страницы, рассматривая незнакомые приборы на картинках и пытаясь вникнуть в смысл статей. Язык, на котором были написаны журналы, только на первый взгляд был похож на английский. Ни одного знакомого слова Мотя, владеющий языком Шекспира в объеме, позволявшем ему смеяться над шутками Лори и Фрая, не обнаружил. Не найдя никаких данных об издателе этой нелепицы, он бросил подшивку обратно в сундук, закидал его сеном и, грузеный боеприпасами, двинулся к своим товарищам.

4

Пять минут ничего не происходило. Сидеть на корточках было неудобно, от давящего на спину рюкзака ломило шею. Маше очень хотелось снять рюкзак и выпрямить затекшие ноги, но она боялась снова получить взбучку от Моти. Вернется и опять начнет ругаться и брюзжать. И угораздило же ее с таким дураком дурацким связаться, все ему не так — тут не стой, там не сиди, туда не смотри. В туалет и то под его присмотром только! Как он не понимает, что она не маленькая уже и ей неудобно под присмотром «в кустики» ходить, индюк самовлюбленный! Даже не видит, что она взрослая совсем, и внимания на нее не обращает, будто она посторонняя туристка какая. Еще и задаваку этого с собой взял зачем-то. Этот Дима еще хуже, чем Мотя, — все зыркает как-то странно да что-то пишет постоянно в своем ПДА. И строит из себя суперсталкера, а сам всего восемь месяцев тут. А не шпион ли он? Может, он обманул Мотю и на самом деле вовсе не внук какого-то Сидоровича, а шпион и только и ждет, чтоб долбануть чем-то тяжелым по голове, как тот консьерж? Шишка после удара еще не сошла, хотя уже не болела, как прежде. Пусть только встретится тот гад — пожалеет, что с ней связался.

Нет, дальше оставаться в таком положении стало невыносимо, ноги совсем занемели и ломило уже не только шею. Боль перекинулась на спину, а рюкзак отдал лопатки. Ну и пусть ругается, дурачина, если ничего не понимает. Ей все равно.

Маша огляделась и тихо ругнулась. Оказывается, пока она тут сидела как дура, остальные снимали рюкзаки и, довольно комфортно устроившись под грибком на детской площадке, травили байки. Вот гады! Не могли позвать? А еще мужики называется.

Она попыталась подняться, но ноги отказались слушаться и Маша неуклюже плюхнулась на пятую точку, от смущения моментально залившись краской. Она ожидала услышать взрыв смеха и злые шуточки, особенно со стороны юного сталкера, но никто даже не улыбнулся, а Дима так вообще подбежал к ней, снял с нее рюкзак и помог подняться, чем поразил до глубины души. Отказавшись от предложенной поддержки, она доковыляла до грибка и с трудом опустилась на скамейку, с наслаждением вытянув ноги.

— Ты чего там сидела как приклеенная? — спросил Сюр. — Мы тебя звали-звали, а ты не отвечаешь.

— Так Мотя же велел не двигаться.

— Да мало ли чего он велел, — фыркнул Боцман. — Не на яхте.

— Вот именно! — От возмущения усы у Сюра зашевелились, он развернулся всем телом и его палец уткнулся Боцману в грудь. — Вот именно, что не на яхте и у тебя нет спасжилета! Поэтому, если жить хочешь, будешь в точности исполнять все, что Мотя прикажет. Скажет — лети, будешь лететь. А ты все правильно делала. — Он снова повернулся к Маше. — Мотя сталкер опытный, последний из могикан, и просто так ничего делать не станет. Это мы, дураки старые, нюх потеряли, извини. Отдыхай.

Маша откинулась назад, облокотившись на толстый деревянный столб, исполняющий роль грибной ножки, и закрыла глаза.

Нет, Мотя все же хороший, хоть и ругается много. Ведь не послал же он ее тогда в баре и не отправил домой, как сделал бы любой из папиных друзей. Вовсе наоборот даже, сразу понял ее проблему, собрал группу и пошел выручать отца. А что пристаёт много со всякими замечаниями, так наоборот хорошо, значит, она не пустое место для него, значит, следит он за ней постоянно и замечает каждый шаг. Вот бы найти такой артефакт, который мысли читает, как в том старом фильме про космических пиратов, да узнать все-все, что Мотя про нее думает.

— Кстати, о приказах, — оторвал Машу от мечтаний голос Боцмана, — был у нас как-то на гонке случай. Собрались мы на «Экологичку» пару лет назад, да увязалась за нами какая-то селедка. То ли кэпова новая зазноба, то ли старпома, не помню уже. Дошли до старта нормально, без авралов, а перед гонкой строго-настрого внушили ей, что сейчас она не зазноба, а юнга, и что все приказы кэпа следует исполнять в точности до запятой. Стартанули, давай тягаться, а ее в проем рубки поставили, чтоб не мешалась. Перед последним поворотом третьими шли, а она только голову высунула и крутит ею на триста шестьдесят, глазенки выпучив. Сделали последний поворот и тут понимаем, что спинакер забыли подготовить. А нам рывок последний сделать и выйдем вторыми на марку, позиция у нас лучше. Кэп смотрит на селедку, вернее, туда, откуда спинакер обычно выносят, и орет что есть мочи: «Спинахер, бдя!..» Селедка думает, что кэп обращается к ней, подрывается, ныряет в рубку, укладывается на банку, складывает руки под щеку и закрывает глаза.

Сюр и Дима громко захохотали, а Боцман, довольный шуткой, закончил историю:

— В итоге пришли четвертыми.

5

Подобравшись к краю зарослей, Мотя осторожно раздвинул ветки и чуть не задохнулся от нахлынувшей злости. Сидят, сволочи, лясы точат. Устроились у всех на виду и ржут, как будто они не в Зоне, а на пикнике у обочины Одесской трассы. Ладно Маша, она маленькая и неопытная, но остальные же должны понимать, что расслабляться ни на секунду нельзя. Решили тут филиал «Аншлага» устроить, «Кролики» недоделанные? О'кей, повеселимся.

Сместившись по зарослям метров на двадцать вправо, он перебежал дорогу в том месте, которое не просматривалось со стороны детской площадки, и незамеченным подобрался к группе весельчаков с тыла. Маша сидела с закрытыми глазами лицом к Моте, вытянув ноги и откинувшись на столб. Похоже, она дремала. По другую сторону столба Боцман самозабвенно травил байки из своей богатой морской биографии, а Сюр и Дима ему внимали, позабыв об осторожности. Картина маслом.

Бродяги были настолько увлечены историями Боцмана, что не заметили тени, выскользнувшей из кустов у них за спинами. Мотя бесшумно, пригнувшись, в секунду преодолел разделявшие его и сталкеров метры и аккуратно, чтобы не напугать, зажал ладонью Маше рот. Она было дернулась, рванулась закричать, но, увидев перед собой лицо Моти с приставленным к губам пальцем, успокоилась и попробовала кивнуть, насколько ей позволяла рука, прижимавшая голову к столбу. Мотя отнял руку от Машиного лица, нацепил респиратор и, поднявшись в полный рост, громко произнес:

— Кто шевельнется, снесу башку! — и для убедительности щелкнул затвором.

Респиратор изменил голос, а произнесено это было таким тоном, что не вызывало сомнений — снесет.

— Попалися, голубчики. От Розарио Агро еще никто не уходил, такие вот дела.

Сталкеры застыли в тех позах, в которых их застал голос. Наблюдай эту сцену кто посторонний, он, верно, подумал бы, что бродяги свихнулись и развлекаются, играя в «море волнуется». Особенной схожести действу добавлял тот факт, что декорацией ему служила детская площадка.

— Теперича медленно встаем, медленно, я сказал, кладем руки за голову, не оборачиваемся и слушаем сюда. У меня заказ на эту красотку, за вас никаких распоряжений не было. Стало быть, я с ней сейчас уйду, а вот куда отправитесь вы — на тот свет или обратно в бар водяру бухать, можно решить. Какие будут предложения?

Сталкеры молчали, а Маша виновато, словно побитая собака, посмотрела на Мотю и покачала головой, мол, не перегибай палку.

— Ладно, расслабьтесь, — Мотя снял маску, — а то штаны намочите. Будем считать, что урок состоялся.

— Ах ты недомерок! — раздался рев Сюра. — Да я тебя сейчас с дерьмом смешаю!

Наклонив голову и подавшись торсом вперед, он ринулся на Мотю, как бык на тореадора, заноса мощный кулак для удара. Боцман попытался Сюра остановить, но его руки поймали только воздух, настолько быстро тот сорвался с места. Маша, будто в рапиде, наблюдала, как огромный кулачище приближается к Мотиной челюсти, грозя разнести ее в щепки и вывернуть из суставов, как спокойно и даже устало смотрит на приближающийся кулак Мотя, как он, когда до сокрушительного удара остаются считанные миллиметры, просто приседает и, используя плечо в качестве опоры, подымает здорового Сюра в воздух и швыряет кулем об землю, да так, что чуть не вышибает из него дух. Вот тебе и недомерок.

Кульбит отрезвил Сюра. Он лежал на боку, рукой массируя поясницу, на которую пришелся основной удар, тихо матерился и даже не помышлял о новой попытке приложить свой кулак к челюсти Моти.

— Лучше бы спасибо сказали, что это был я, а не настоящий наемник. Иначе лежать бы вам сейчас с лишними дырками в ваших дурных головах, — он присел на скамеечку возле Маши, закурил и сплюнул в песок, то ли от досады, то ли от злости.

Маша, в начале схватки от испуга прикрывая рот ладонями, одновременно виновато и с обожанием смотрела на Мотю своими большими черными глазами, от удивления сделавшимися еще больше.

— Я не виновата, у меня ноги затекли, — она попыталась оправдаться, готовая вот-вот расплакаться.

Дима и Боцман стояли перед ними как в воду опущенные, уныло кивая головами, кряхтя и постанывая, наконец поднялся Сюр, присоединился к товарищам и стал носком ботинка ковырять землю перед собой. Мотя попыхтел сигареткой, прищурившись, сквозь дым, осмотрел свое воинство, обнял Машу за плечо, потрепал ее челку и, улыбнувшись, протянул руку ладонью вверх:

— Ладно, прощены. Но впредь, если не хотите получить по зубам прикладом вот этой вот красавицы, — он показал на свою штурмовую винтовку, — будьте добры исполнять мои приказы в точности. Лады?

— Лады. — Боцман первым стукнул своей ладонью по протянутой ладони Моти. За ним несколько суетливо, хлопком подтвердил договор Дима, и следом уже Сюр с достоинством хлопнул своей ладонью.

— Тогда хорош на меня смотреть преданно, пройдемте в закрома. Тут недалеко, в саду бросил, чтоб туда-сюда не таскать. А тем садом мы незаметно к самому дому подберемся и, дай Бог, внутрь попадем. Ну что, ребенок, не расстраивайся, — он поцеловал Машу в щеку, вытер пальцем слезинку с другой щеки и нежно щелкнул по кончику носа, — совсем немного осталось, держи хвост пистолетом.

Вообще-то в Зоне не принято говорить о скором завершении дела — это плохая примета. И поход может действительно закончиться очень скоро в какой-нибудь из аномалий или в желудке какого-нибудь псевдогиганта или химеры. Будь Мотя в компании опытных бродяг, он бы уже давно за такие обещания получил по морде, да и сам он за подобные речи наказывал зуботычиной не один раз. Но сейчас ситуация требовала от него наступить на горло своим суевериям. Девчонка, сколько бы она ни корчила из себя взрослую и опытную львицу, оставалась всего лишь маленькой девочкой и нуждалась в поддержке, чтобы совсем не раскинуть в этой проклятой Зоне.

По отношению к Маше Мотя сейчас испытывал давным-давно позабытые чувства. Последний, о ком он заботился с такой нежностью и оберегал с таким старанием, был серый котенок, выброшенный на тротуар из проезжавшего такси и подобранный десятилетним Мотей. Неделью он кормил котенка и выводил гулять, расчесывал и чесал урчащий комок за ухом, а потом вернулись с турбазы родители и его пришлось отдать. Не сказать, что этот случай сильно ударил по его психике. Мотя почти не переживал, ведь котенка забрала бабушка, но именно с тех пор он ни к кому не привязывался и ни о ком не заботился. Девчонка же разбудила в Моте потребность кого-то опекать и он готов был это делать, пусть даже ценой собственной жизни.

Через две минуты, пройдя тем же путем, что и Мотя, они уже распределяли скarb под прикрытием яблонево-малиновых зарослей. Маша сунулась было к куче железок, но быстро сообразив, что ей из нее ничего не достанется, отошла в сторонку и присела на землю, облокотившись на ствол дерева.

— Ну что, коллеги, — Мотя разложил на рюкзаке карту, — мы действительно достигли цели. Вот там, — он указал пальцем за спину, — строго на север порядка пятидесяти метров тот самый дом, обозначенный на схеме буквами «мэ» и «жо».

— Почему? — Дима недоуменно уставился на Мотю.

— Что почему?

— Почему обозначен буквами «эм» и «же»?

— Салага, — констатировал Боцман.

— Семе-о-о-н Семе-о-оныч, — укоризненно протянул Сюр, — классику знать надо! Маша вон и та знает. Так ведь, Маша?

— Типа сортир. — Маша кивнула, не открывая глаз.

— Вот! Наш человек!

— Быть тебе теперь Семенычем, сталкер. — Мотя похлопал Диму по плечу. — Семеныч — внук Сидоровича! А что, неплохо звучит. Да ты не обижайся, могли и хуже обозвать, Чиряком каким-нибудь, например.

— Да у меня уже есть погоняло! — с вызовом бросил Дима.

— Штык, небось? Или нет, ты же у нас парень компьютерно грамотный, в игры небось все время шпилишь. Что-то типа Хитмена, Ньюкема, или кто там из новых кибер-героев в моде?

— Я — Дизель!

— Вот блин, — Мотя почесал переносицу, — я кроме Вина других Дизелей и не знаю даже. Сам придумал так назваться? Да не красней, не красней. Не девица, чай, перед нами тут невинность разыгрывать.

Дима кивнул.

— Смешной ты парень, Семеныч, хоть и геройский. Наемников играючи валишь, а у самого детство в штанах играет. Где ты видел, чтобы сталкеры носили те клички, которые сами себе придумали? Погоняло заслужить надо, такие вот дела. Да ты не расстраивайся, Семен Семенович Горбунков был хорошим дядькой, хоть и смешным. Потом науглишь себе информацию о нем, если выберемся.

Мотя сплюнул три раза через плечо, постучал себя по лбу и продолжил:

— Так вот, вернемся к нашим баранам. До дома, как я уже сказал, пятьдесят метров. Под прикрытием зарослей мы можем подобраться почти вплотную к нему. Это раз. «Жгучий пух» тут я пока не встречал, а об остальных аномалиях растительность нам сообщит не хуже любого детектора. Это два. И наконец, с этой стороны нас, скорее всего, не ждут, а значит, мы будем иметь преимущество. Это три. Все, что нам остается, — пробиться к точке перехода.

— Всего-то, — хмыкнул Сюр.

— Да не ссы, прорвемся. — Боцман похлопал приятеля по спине. — Закидаем сектантов из подствольников и пройдем как в штиль на веслах.

— Смотри, чтоб тебя в ответ торпедой не потопили, закидыватель. — Сюр не разделял уверенности друга. — Они-то хоть за стенами могут укрыться, а нам только и радости, что не видно нас, а листья от шквального огня не защитят.

— А деревья тут для кого понаставлены? За ними и укроемся.

— Угу, только сбросим сперва кило по тридцать каждый, чтоб жопы из-за стволов не торчали.

— Не будем никого ничем закидывать, — прервал спор Мотя. — Войдем тихо и без перестрелки.

Спорщики недоверчиво посмотрели на Мотю.

— Интереснось спросить, как? — по тону Боцмана невозможно было определить, издевается он или серьезен.

— Да просто мы пойдем прямо с началом выброса.

— Ты с дуба рухнул?! — Сюр посмотрел на сталкера как на умалишенного.

Мотя поднял руку в успокаивающем жесте:

— Рискованно, я в курсе. Но заковыка вся в том, что те, кто нас ждет, на время выброса спрячутся в подвале, оставив дом в полное наше распоряжение. Не дураки же они, в самом деле, под выбросом сидеть.

— Зато ты дурак, похоже. — Боцман покрутил пальцем у виска. — Мы что, по-твоему, выбросоустойчивые?

— Выброс так же смертелен для нас, как и для любого другого бродяги, будь то военстал, «долговец» или безбашенный «монолитовец». Это Семяцкому по барабану — накрыло выбросом, встал, отряхнулся и пошел дальше по делам.

— И ты предлагаешь нам прогуляться под выбросом, как под летним дождичком? Я правильно тебя понимаю?

— Абсолютно. — Мотя устало потер лоб. — Я сегодня шутить более не намерен. А тебе, Боцман, я специально поясню — первая волна не опасна для человека. Она бьет по эмоциям, наводит ужас, меняет зрительные и слуховые восприятия, но не убивает. Убивает вторая, аномальная, которая накрывает через две минуты после первой. У нас будет целых две минуты на все про все. Более чем достаточно.

— Зуб даешь? — Боцман все еще сомневался.

— Даю, но только...

— Ну, начинается.

— Спокойно, Боцман. Я могу поручиться только за то, что две минуты от начала выброса у нас будет. За поведение встречающих я, как ты понимаешь, поручиться не могу. Но я готов рискнуть.

Боцман и Сюр обменялись взглядами.

— Ну, раз такое дело, — Сюр теребил ус, что было явным признаком крайней обеспокоенности, — то мы, пожалуй, согласимся с твоим планом. Ты сталкер опытный и у нас нет причин не доверять тебе.

— Хорошо, — Мотя поднялся и оглядел отряд, — тогда всем отдыхать, за час до выброса я вас разбужу. — Он посмотрел на часы. — У вас есть три часа сорок две минуты, чтобы отдохнуть. Вопросы еще есть?

— Никак нет, — отрапортовал Боцман, Сюр покачал головой, Дима промолчал, а Маше было все равно — Маша спала, свернувшись калачиком под деревом.

6

Мотя по опыту знал, что если выброс не случился за сутки до прогноза, то тогда он произойдет ровно по расписанию, плюс-минус пять минут. Поэтому совершенно не беспокоился о том, что спящих товарищей накроет аномальной энергией, а время потратил на принятие сложного решения: рассказать или нет? Промучившись два с лишком часа и так и не склонившись ни к одному из вариантов, он достал из заднего кармана «счастливую монету» — полдоллара Североамериканских Соединенных Штатов с головой статуи

Свободы на аверсе — и доверился слепому жребию. Выпала Свобода. Он со спокойной душой поменял ствол на своей винтовке, проверил детектором аномалий подходы к дому, затем визуально, под прикрытием кустов, наметил подход, перекусил холодной тушенкой и хорошенько приложился к фляге.

Приятелей он растолкал, как и обещал, за час до прогнозируемого выброса, протянул каждому по открытой банке тушенки, порезал последние помидоры, достал из рюкзака бутылку «Red Label» и пять металлических стаканчиков. Ни слова не говоря, наполнил стаканы до краев, а остатки перелил в пустую уже флягу.

— За удачу пить не будем, она нам еще пригодится, — протянул Мотя руку со стаканом. — За тех, кто в Зоне! Да не тушуйся, — он заметил, как несмело пригубила виски Маша. — В другом месте и в другое время я бы тебе даже пива не налил, мала еще. Сейчас это не выпивка, а лекарство. От нервов и от радиации.

— А ну как захмелеют оба, что тогда? — спросил Сюр.

— Да в стакане всего сто двадцать грамм, не захмелеют. А Семеныч — воробей стреляный, ему эта доза, что слону дробина. Верно говорю? — он подмигнул Диме и закурил, по обыкновению прищурившись.

— Вот ты жлоб, Мотя. — Боцман после виски скривился так, будто выпил рыбьего жира. — Вот объясни мне, нафига ты всякую дрянь дешевую пьешь? Не мог лучше вискарика запасти?

— Мог. Только я люблю этот. Знаю, что дрянь пойло, а люблю.

— Я же говорю — жлоб! — подвел итог Боцман и принялся набивать тушенкой рот, чтобы забить вкус виски.

Спутники за обе щеки уминали холодное мясо, слышны были только стук ножей по стенкам банок да нестройное причмокивание. Мотя неспешно докурил сигарету.

— У меня есть для вас, как в том скверном анекдоте, две новости — хорошая и плохая. Начну с хорошей. Аномалий перед домом нет, пройдем чисто. Теперь плохая, — он замешкался на минуту, собираясь с духом, затем взглянул по очереди в глаза Сюру и Боцману, — я не смогу дать вам то, что обещал.

Сюр закашлялся, подавившись, а Боцман пристально посмотрел на потупившего взгляд Мотю и прошипел:

— Ты так не шути, сталкер!

— Сегодня я не намерен больше шутить, я же сказал. — Мотя не отрывал взгляда от земли.

— Так какого... бдя?..

— Подожди, Боцман. — Сюр постучал себя по груди и откашлялся. — Что значат твои слова, Мотя? Только отвечай, тщательно взвешивая каждое слово, я тоже сегодня шутить не намерен.

И в подтверждение своих слов достал из кобуры «Грача» и снял с предохранителя.

— Зачем же было напрягаться, пистолет доставать? — Мотя поднял глаза и усмехнулся. — «Калаш» ведь ближе?

Маша дернулась, попыталась встать, но была остановлена Димой, придержавшим ее за плечо. Мальчишка сидел как сидел, только чуть подобрал ноги да слегка отклонился телом вправо, где стоял его автомат. Казалось бы совсем чуть-чуть, но этого хватило бы для того, чтобы успеть схватить автомат и вскочить раньше, чем это сделает Сюр. Мальчишка был готов к выяснению отношений. Только этого Моте и не хватало — устроить разборки со своими на пороге цели.

— Когда я вам обещал, я не располагал всей информацией.

— И что поменялось? — Боцман сверлил Мотю взглядом, не предвещавшим ничего хорошего. — Прилетели злые гуманоиды и стырили «Исполнитель желаний»?

— Да стоит Монолит на месте, ничего ему не сделается. Тут в другое дело. Ошиблись мы, конкретно так ошиблись. Нет тут никакого прохода к Монолиту.

— Как так? — Сюр немного сбавил тон, но «Грача» прятать не спешил. — Погоди, дом есть, маячок есть, а прохода нету?

— Да гонит он, мазут сухопутный, — Боцман толкнул приятеля локтем, — давай пришьем падлу, чтоб не врал своим товарищам.

— Да подожди ты, — отмахнулся Сюр, — пусть объяснит. Я — физик какой-никакой, я вранье сразу почувствую. Давай, Мотя, излагай во всех подробностях.

— В подробностях не успею, — Мотя взглянул на часы, — двадцать три минуты до выброса.

— Давай сколько успеешь. Один фиг уже не успеем перетанцевать.

Где-то вдалеке послышались раскаты грома, первые, пока еще редкие капли дождя забарабанили по листве.

— А если вкратце, то я уже все сказал. Мы неправильно поняли Машу и тут нет прохода к «Исполнителю желаний». Зато есть машина времени. Наш профессор случайно на машину времени наткнулся, которую, судя по всему, «О-Сознание» в сговоре с вояками испытывает.

— Ты ничего не путаешь? — Сюр отказывался верить в услышанное. Как физик по образованию, он мог чисто теоретически допустить существование проколов пространства и мог даже, поднапрягшись, вспомнить кое-какие формулы, доказывающие такую вероятность. Но в существование машины времени верилось с трудом. Вернее — не верилось совсем.

— Возможно и путаю, не знаю. Но все один к одному сходится.

Громыхало теперь близко и со всех сторон, дождь усиливался, но листва пока еще спасала укрывшихся под деревьями сталкеров.

— Вроде все понимаю, но поверить трудно. Научная фантастика какая-то. И когда ты об этом узнал?

— В «Ста рентгенах». Дима Шухов разные сплетни рассказывал, и о машине времени в том числе.

— Ты знаком с Шуховым? — Дима обалдело смотрел на Мотю.

— Есть немного. Когда-то у него «отмычкой» начинал.

— Это же... это... вот это да! Круто!

Мотя чуть не рассмеялся. Вот оказывается, как легко заработать авторитет у юного поколения. Достаточно всего лишь быть знакомым с их кумирами, а все твои таланты и заслуги ровным счетом ничего не значат.

— Вот как? — Сюр спрятал пистолет обратно в кобуру. — И что Шухов?

— Жив-здоров, чего и вам желает. Приветов наказывал передавать.

— Ты не уходи от темы.

— Он рассказывал, что якобы какой-то ботаник наткнулся на рабочую машину времени где-то в центре Зоны, и из-за этого на него теперь военные охотятся, а он от них по времени прыгает и пытается первую аварию предотвратить.

— Стало быть, нет никакого «Исполнителя желаний»?

Мотя пожал плечами.

— И ты только сейчас решил нам сказать? — Боцман еле сдерживался, чтобы не броситься на Мотю и не разорвать того голыми руками.

— Кстати да, почему только сейчас рассказал? — спросил Сюр. — Почему не в баре?

— Говорю же, в баре я слышал только сплетню и выводов еще не сделал никаких. Информации у меня было мало для выводов.

— В норе когда сидели — знал?

— Знал. А не рассказал потому, что вы бы не пошли дальше, — Мотя снова уставился себе под ноги, пряча взгляд, — а без вас я бы не справился. Я просто обязан Машу довести! Не могу словами объяснить, но чувствую — обязан и точка. Потом, если захочешь, пристрелишь меня. — Он посмотрел в глаза Боцману. — Слово даю, сопротивляться не буду.

— Слишком много чести, патрон на тебя тратить, гнида сухопутная, — неуверенно пробурчал Боцман.

— Стрелять мы тебя не станем, не отморозки безбашенные. А морду мы тебе всегда пощупать успеем, вот только дай выбраться отсюда. — Сюр посмотрел на часы. — Еще момент. Как она работает-то?

— Если я правильно расшифровал послание профессора, то всего и надо — навести прибор на аномалию во время начала выброса.

— Какой прибор?

— Что-то лазерное, я не сильно вникал. Принцип его работы в том, чтобы направить луч определенной частоты в аномалию, которая расположена прямо над точкой входа непосредственно в начале выброса. А почему это работает — спросишь у Титаренко лично.

— Это точно работает? А то наобещаешь, а как дойдет до дела, снова отмазываться начнешь.

— Один раз, как ни странно, это сработало.

— Этот прибор у тебя?

— Нет.

— А?..

— Не дергайся, побереги нервишки. Он у Маши на шее висит и, похоже, именно из-за него на нас охотятся.

— Откуда ты знаешь про прибор? — Маша побледнела.

— Не бойся, ребенок, если бы я был заодно с тем консьержем, то давно бы забрал его у тебя. У меня для этого было миллион возможностей. Ты же сама мне письмо зачитывала. А два плюс два я складывать умею. Кстати, пора бы уже кулон достать, а вам всем, — он обратился к остальным, — собрать рюкзаки и проверить оружие.

Пока сталкеры собирали вещи, Мотя достал свой наладонник и нацепил на запястье. Активировать его он пока не спешил — если их пасут, а пасут их бесспорно, то успеют засечь ПДА и напасть. До выброса подождет. Детектор аномалий он сунул в безразмерный карман древнего поношенного пыльника, нацепил гарнитуру и перевязал бандану.

— Я пойду первым, за мной идут Сюр и Боцман, за ними сразу Маша, а Семеныч замыкающим. Вперед меня не лезть ни при каких обстоятельствах! Если видите что-то странное — сперва стреляйте по нему, а потом уже спрашивайте документы.

Отряд в полной готовности сидел на корточках полукругом перед Мотей, все сосредоточенные, автоматы наизготовку, только Маша вместо оружия держала в руках кулон.

7

Дождь резко прекратился. Потемнело, но молнии сверкали почти непрерывно, так что жаловаться на недостаточную видимость не приходилось. Грохот стоял, как на танковом полигоне во время дивизионных учений. На лицах спутников читался страх, и лишь Мотя никак не проявлял своих эмоций. Он ждал.

Небо, та часть, которую можно было наблюдать из-под густой листвы, стало наливаться красным, а сквозь раскаты грома начал прорываться, постепенно нарастая, звук работающего пресса. Слишком большого пресса. Его ритмичные удары перекрывали громовую канонаду, оглушая и отдаваясь эхом в каждой клеточке тела. Набат становился все громче, заставляя сердца сталкеров биться с ним в такт, молнии сверкали все реже, а небо сделалось багряным. Когда на грани слышимости появился противный писк, от которого по коже пошли мурашки, Мотя включил ПДА, удостоверился, что путь свободен, и дал команду выдвигаться.

Красное небо преобразило Зону, окрасив багрянцем деревья, траву, дома и заборы. В таком освещении комфортно мог бы чувствовать себя только какой-нибудь фотограф-ретроград, из принципа в век цифры снимающий на пленку и печатающий фотографии в домашней лаборатории. Но поскольку никто из отряда не увлекался даже цифровой фотографией, то на них трава и деревья кроваво-красного оттенка производили удручающее впечатление. Тени практически исчезли, что придавало предметам совершенно нереальный вид и мешало людям привычно оценивать расстояния и формы.

Быстро преодолев небольшой открытый дворик, сталкеры забрались в здание через крайнее левое окно. Свет в дом почти не проникал, и Моте пришлось включить тактический

фонарь и им освещать себе дорогу. Теперь надо было правильно сориентироваться, времени на поиски у них не было. Если верить письму профессора, то надо было идти на второй этаж. Лестница находилась слева от главного входа в конце коридора. Не мешкая, Мотя осторожно открыл дверь комнаты и тут же обнаружил растяжку.

— Тут на пороге сюрприз, — предупредил он товарищей, — проведите Машу, да смотрите, чтоб аккуратно, а я вперед.

В несколько перебежек добравшись до лестницы, Мотя взбежал на второй этаж и осмотрелся. Тонкая цепочка следов, пересекавшая довольно просторный зал и уходившая в дверь дальней стены, явно указывала на то, что тут их не ждут. Отпечатки обуви трех человек и колес тележки уже успело хорошенько присыпать пылью, а свежих видно не было. Видимо, преследователи не знали, каким образом ушел Титаренко, и не сообразили проверить дом. Как это глупо с их стороны! Значит, и растяжка не их рук дело.

— Сюр, тут чисто, бегом ко мне, — скомандовал он в гарнитуру. — Маша, включай прибор.

Выброс набирал силу. Мерзкий раздражающий писк резал по ушам, кровь стучала в висках и ломило в затылке. Выброс обволакивал, мягко, но настойчиво выдавливая из тела жизнь. Кровь вскипала в венах, грудь будто стягивало ремнями, а содержимое желудка пыталось вырваться наружу.

Пройдя по следам в следующий зал, он ничего не увидел, кроме грязных стен с выцветшими обоями и мусора на полу. Дальше хода не было, в зале была всего одна дверь — та, через которую зашел Мотя. Неужели ошибся? Он извлек из кармана детектор и покрутил. Ничего. Экран прибора был пуст. Это конец — либо погибать тут, под выбросом, либо сломя голову лететь в подвал на стволы «монолитовцев», и неизвестно еще, что хуже. У Моти от страха задрожали колени, а из горла непроизвольно вырвался вой, более напоминавший скулеж побитой дворняги. Добегайся, голубчик. И завещания не оставил. Мотя стоял посередине темного зала, опустив руки, и впервые в жизни не представлял, что делать.

Сзади послышался топот, и в комнату вбежал Сюр, а за ним все остальные. Бледные, с трясущимися руками, глаза вот-вот выпрыгнут из глазниц.

— Где? — прохрипел, задыхаясь, Боцман.

— Там. — Мотя обреченно показал пальцем в угол, где стояла древняя тумбочка с какими-то журналами на ней. — Должен быть там.

— Там же нет ничо!

Мотя только и смог, что пожать плечами в ответ.

— Делай что-нибудь, что стоишь? — Боцман схватил Мотю за грудки. — Ты нас сюда затащил, скотина!

Резкий толчок сотряс дом, едва не повалив людей. Яркая огненно-оранжевая вспышка полоснула по небу, осветив через окна все углы.

— Смотрите! — Дима показывал рукой на угол. — Там что-то есть!

Мотя резко обернулся и успел заметить какое-то марево прямо над тумбочкой.

— Маша, наводи луч! — заорал он и полез в карман за гайками.

Перепуганная Маша еле справилась с дрожью в непослушных руках и направила бирюзовый луч чуть выше тумбочки, где тут же расцвел радугой причудливый полупрозрачный бутон. Есть! Мотя завопил бы от радости, если бы не резкая боль, парализовавшая на мгновение легкие. Согнувшись пополам, он все же умудрился зашвырнуть гайку в центр аномалии. Та тускло блеснула гранями и исчезла, будто растворилась.

— Я первый, — простонал Мотя, — если меня не расплющит и не разорвет, через пять секунд ныряйте за мной.

Еле передвигая ноги, он доковылял до тумбочки, с трудом на нее взобрался и провалился боком в цветок. Сюр взял из рук Маши прибор и подтолкнул ее в спину.

— Давай быстрее, вот-вот накроет, я из последних сил держусь.

Ноги не слушались Машу, жутко крутило желудок, саднило в висках, а в затылок будто вонзили тысячу раскаленных иголок. Преодолевая боль, ей удалось доползти до тумбочки, чьи-то руки, кажется, это был Дима, довольно бесцеремонно подсадили ее, но сил реагировать уже не осталось и она просто потеряла сознание, удачно свалившись в самый центр бутона. Единственное, что она запомнила перед тем, как упасть в аномалию, так это грудастую тетку, похожую на актрису из дурацкого сериала про няню на обложке какого-то журнала.

Глава 15

1

Был, видимо, июнь. Солнце уже всюду пробивалось сквозь ставни, сквозь веки, сквозь хрусталик, стекловидное тело, сетчатку, глазной нерв и наконец добралось до мозга. «Лишние и ненужные знания никого никуда не приводили», — подумал профессор Титаренко, окончательно просыпаясь. «Сон алкоголика краток и тревожен», — не к месту пробилась вторая утренняя мысль. Голова тяжелее чугуна... нет, тяжелей унбинилия, во рту словно стоя непрерывно испражняющихся сурикатов пробежала. «Федю и Петю — прибыю» — третья утренняя мысль не была столь уж оригинальной. Именно аспиранты Федя и Петя соорудили эту «адскую машину», производящую самогон невероятных органолептических свойств. Федя и Петя называли это пойло «Гремлин-водка», очевидно, потому, что выпившие его превращались в настоящих гремлинов — начинали беспрерывно ржать и кривляться. Впрочем, реальный экономический эффект «Гремлин-водка» приносила. Советских денег у профессора и аспирантов, понятно, не было, но часть местного населения за самогон готово было быстро позабывать мусульманские корни, прикинуться атеистами и расплачиваться как натуральными продуктами, так и деньгами. Товар-деньги-товар, привет марксистской экономике...

Профессор, покряхтывая, поднялся с топчана, подошел к баку с водой, плеснул на лицо. Сон улетучился окончательно. Профессор вышел на крыльцо, зажмурился от яркого света. Чингизская степь еще цвела, стрекотали насекомые, в травах кричала мелкая птичья сволочь. Профессор специально выбрал себе дом на окраине Лиманска, чтобы можно было вот так, утром, выйти на крыльцо и впитать в себя потрясающий степной пейзаж, с синеющими на горизонте сопками и предгорьями.

— Эх, лепота! — профессор любил цитировать старые фильмы.

Калитка приоткрылась, в проеме плетеного забора появился Шакарим, местный староста, а точнее — комендант.

— Привет, насяльника, как жизнь?

Шакарим был человеком без возраста, типичный восточный дедок: маленький, сухой, загорелый, морщинистый. На таком старичке органично смотрелся бы полосатый халат и тюбетейка. Тюбетейка была, однако одет Шакарим всегда был в мятую довоенную офицерскую форму, только без отличительных знаков в петлицах. Поначалу сочетание тюбетейки с формой смешило профессора, но потом он привык.

— И тебе привет, добрый человека Шакарим. Жизнь у меня идет хорошо. На завтра планируем новый эксперимент. В степи.

— Я тебе что хотел сказать, насяльника. В степи опасно стало. Как рассвело, Абаев выстрелы слышал. Или охотился кто. Или лихие люди в степи гуляют. Или еще что...

Дедок отлично говорил по-русски. А слово «насяльника» он перенял у Феди и Пети. Так они за глаза называли профессора. Откуда взялось слово, профессор не знал, но подозревал, что из какого-то юмористического шоу. Шакариму слово почему-то нравилось. самого же Шакарима Федя и Петя за глаза называли Шакилом О'Нилом. На противопоставлении, так сказать, играли...

— Да брось, Шакарим, какие лихие люди? Амнистия еще не добралась, да и лагерей тут рядом нет...

— Ну ладно, насяльника, я тебе сказал. Еще чего тебе скажу. В Караул большие люди приезжали, наверное, из ЧеКа. Что-то искали, спрашивали. Не тебя ли?

— Нет, Шакарим. Моим начальникам, как ты говоришь, ЧеКа сейчас не до меня. Ты слышал, что Берия — английский шпион? Вот там сейчас еще шпионов ищут. И контору делят на части. Не до меня им... Я им телеграммы по рации уже отсылал.

— Ну ладно, насяльника. Пойду я. Водки дашь?

— Зайди к Феде с Петей, скажи, что я велел выдать. И про стрельбу им расскажи.

Шакарим молча повернулся и вышел. Заслать бы его в райцентр, в село со смешным названием Караул — чтоб выяснял, кто приезжал, зачем приезжал. Но не любил Шакарим в селе появляться. Профессор подозревал, что побаивается Шакарим своего имени — его тезку и дальнего родственника Шакарима Кудайбердиева, поэта и философа, расстреляли уж более двадцати лет назад, а Шакарим все еще побаивался. И не любил иметь дело с «ЧеКа», хоть каким-то образом на эту организацию и работал.

Титаренко считал, что им очень повезло — оказаться именно в этом месте именно в это время. Нет, насчет места — никакого везения не было. Временная аномалия располагалась именно здесь, в чингизской степи, в Абайском районе Семипалатинской области Казахской ССР. А вот со временем... Стояла первая половина 1954 года. В стране и, что важно, в силовых структурах были разброд и шатание, начавшиеся после смерти Сталина и расстрела Берии. МВД и госбезопасность то объединялись, то наоборот — делились. Только-только КГБ стала самостоятельной структурой. И никому в Москве сейчас не было дела, на чьем балансе находится заброшенный режимный объект — пустующий городок Лиманск.

Лиманск начали строить здесь в середине тридцатых годов. Большая экспедиция, одним из руководителей которой был немецкий физик Карл Леман. Титаренко порасспрашивал Шакарима и остался в полной уверенности, что Леман был представителем «Аненербе» — ведь курировал экспедицию лично Глеб Бокий, возглавлявший спецотдел НКВД, занимавшийся теми же вопросами, что и «Аненербе». Недолго курировал, в ноябре 37-го его расстреляли. Но идею постройки города не оставили. Ясно было даже и ежу, что местная аномалия — точка сингулярности, и каким-то образом немцы сумели ее вычислить. Хотя технологический уровень тридцатых годов не позволял этого сделать. Шакарим как-то слышал от Лемана слово «Шамбала» и считал, что немцы нашли указание на данное место именно там.

Экспедиция при помощи местного населения и какого-то количества зеков построила небольшой, домов на сорок, поселок. Поначалу его называли Леманском. В честь посланца братской Германии. Однако началась мировая война и отношения с Германией изменились. Повяло войной с немцами, и профессор Леман спешно убрался восвояси, так и не успев начать исследований. Но городок был построен. В нем было электричество, добываемое с помощью ветрогенераторов, радиостанция, даже водопровод из скважин. Кроме того, в степи в разных местах были вырыты шахты до ста метров глубиной. В большом здании лаборатории осталось кое-какое исследовательское оборудование.

С отъездом Лемана проект был свернут. Часть оборудования вывезли, часть бросили. Окружили городок колючей проволокой и оставили взвод солдат. Охранять. На всякий случай. Командовал взводом Шакарим. С началом войны было решено сменить статус объекта. Солдат отправили воевать, и Шакарим остался комендантом пустого и забытого городка. Да и название городка, чтоб не вспоминать о немецком профессоре, кто-то наверху, наверное одессит, переделал в более родной и понятный Лиманск.

В сороковых о городке вспомнили. В Семипалатинской области было принято решение открыть ядерный полигон. Главным исследовательским центром полигона полагали сделать Лиманск. Приезжали высокие чины и секретные физики — и остались довольны. Но каким-то образом руководству села Караул при помощи республиканского руководства удалось убедить Москву не делать полигон в окрестностях этого села — упирали на то, что эти места

священны для казахов, ведь в селе родился великий казахский поэт, основатель письменности — Абай. Лиманск опять оставили в покое. В нем доживал свои дни лишь Шакарим с женой, да несколько казахских семей — родственников Шакарима. Они пасли скот и возделывали небольшие участки целины.

Но однажды, в апреле 1954 года, в Лиманск заявила странная троица. Высокий бородатый очкарик и двое его помощников — мускулистых, резких и похожих друг на друга. Все трое были одеты в странные военные комбинезоны и вооружены незнакомым оружием. Помощники волокли за собой тележку, наполненную непонятными приборами.

Шакарим поначалу решил, что это шпионы. Но высокий представился профессором Титаренко, возглавляющим экспедицию Академии наук по поиску сингулярных аномалий. Мол, они только «разведгруппа» большой совместной экспедиции АН и КГБ. Шакарим попросил предъявить документы, но профессор сказал, что они спрятаны в оборудовании и достать их смогут только завтра. Потом достал фляжку с непонятным, но очень вкусным напитком, напоминающим солодовый самогон, и предложил Шакариму выпить-закусить.

Они выпили, и Шакарим, любящий это дело по причине отшельничества, разговорился с профессором. Пожаловался на маленькое жалование — он ведь числился всего лишь «сторожем», хотя и работником республиканского МГБ. Титаренко посочувствовал и пообещал, что когда тут начнутся большие исследования, Шакарим будет комендантом с большой-большой зарплатой. Это окончательно нивелировало шакаримову подозрительность, и он даже не обратил внимания на осторожные вопросы профессора — как должны выглядеть документы, способные убедить Шакарима и местные власти в том, что профессор действительно не шпион, а послан с особой миссией. Потом Шакарим захмелел окончательно и предложил гостям занимать любой дом и ночевать там сколько влезет.

Наутро профессор пришел к Шакариму с небольшой стопкой бумаг. В бумагах говорилось, что все местные власти должны оказывать всяческую помощь экспедиции профессора Титаренко. Шакарим, увидев красивые бумаги с подписями и печатями, окончательно успокоился и решил, что профессор — это его тропинка в новую светлую жизнь. Проверить у профессора и аспирантов паспорта ему даже в голову не пришло.

Профессор же, немножко расстроенный тем, что пришлось потратить на коменданта последний «Чивас», развеял грусть радостным осознанием своей предусмотрительности — он не дал аспирантам при бегстве из Зоны выбросить казавшиеся совершенно ненужными цветной струйник и диск с базой академической библиотеки. Именно в библиотеке они нашли сканы разных старинных экспедиционных документов, и, немного поколдовав в фотошопе, создали аналогичные. Бумаги, чтобы распечатать документы, не было, но Федя обнаружил стопку в одном из брошенных лабораторных помещений.

Профессор прекратил предаваться воспоминаниям. Пора работать. Он специально послал Шакарима к своим «боевым аспирантам» за водкой — чтоб разбудить лентяев. Надо работать, иначе не выберемся. Стрельба в ночной степи — неспроста. Скорее всего, по их душу стрельба. Или спасатели явились, или... наоборот. А то, может, и местная ГБ очухалась после потрясений и начинает работать в привычном жестком режиме. Надо попросить аспирантов посканировать радиочастоты. Вдруг чего узнаем.

2

Очнулась Маша от того, что кто-то протирал ей лицо чем-то влажным. Открыв глаза, она, будто в мареве, увидела над собой лицо Моти. В ушах шумело, словно к ним приложили морские ракушки, но зато уже не болело в животе и перестал ныть затылок.

— Очнулась? — Мотя протер салфеткой Машин лоб. — Ну ты и напугала нас, я уж думал — все. А Дима так вообще все рвался искусственное дыхание делать, но я не разрешил...

Маша улыбнулась. Если Мотя шутит, значит, все в порядке. Попыталась встать, но Мотя одернул:

— Полежи немного, приди в себя. Сейчас тебе чайку организую. Семеныч, что там с водой?

— Уже почти закипела.

— Сейчас, — он снова протер Маше лоб, поправил укрывавший ее пыльник и исчез из поля зрения.

Вокруг была ночь, разрезаемая сполохами костра. Зрение окончательно сфокусировалось и Маша поняла, что смотрит в безлунное небо, истыканное иглами звезд. Маша все-таки приподнялась и огляделась. Из-за костра видно было недалеко, только окружающую костер жесткую сухую траву. У костра на корточках сидел Дима и ножом помешивал в кане бурую дымящуюся жидкость. Рядом примостился Мотя. Остальных не было. Маша вдохнула воздух. Это был не воздух Зоны, это даже не был воздух Украины. Пахло незнакомыми травами и цветами, пылью и чем-то неуловимо прекрасным.

— Мы где?

— Что, Маша, — спросил Мотя, — покой нам только снится? Сквозь кровь и пыль летит, летит степная кобылица... И мнет ковыль...

— Чего? — Дима оторопело уставился на Мотю. — Какая кобылица, где?

Но Маша уже среагировала. На автомате.

— И нет конца! Мелькают версты, кручи... Останови! Идут, идут испуганные тучи, закат в крови...

Мотя довольно засмеялся.

— Молодец, Маш. Видно, что очнулась. А тебе, Семеныч, неплохо бы классика знать.

— Ну, мы академиев не кончали. — Дима насупился и вернулся к помешиванию чая.

Мотя опять засмеялся:

— Ну, уел, уел. Молодец! А ковыль, Машунь, я не просто так вспомнил. На твой вопрос «Мы где?» в рифму отвечать не буду, а отвечу просто — мы где-то в степи. Кстати, сразу скажу, что вопрос «Мы где?» меня волнует гораздо меньше, чем вопрос «Мы когда?»

— В смысле?

— Видишь ли, как полагаю я, а также остальные просвещенные в физике участники нашей развлекательной турпоездки, мы переместились. Как в пространстве, так и во времени. И очень хочется надеяться, что не к динозаврам мы попали. На всякий случай — не рекомендую наступать на бабочек.

— Это почему? — в разговор опять вклинился Дима.

— Это читать надо больше, чем стрелять, — вот к чему!

Дима опять сделал вид, что обиделся и сообщил в пространство:

— Чай готов.

Обжигаясь, он снял кан с таганка, поставил на траву.

— А наши где? — не унималась Маша.

— Наши осмотреться пошли, — сообщил Дима и звонко крикнул в темноту: — Эй, народ, чай готов, кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста!

— Ну ты молодец, — восхитился Мотя, — вы тут все — молодцы...

— Ты чего кричишь? — взъелась на Диму Маша. — Вдруг кто чужой услышит?

— Да ладно, — не смутился Дима, — они тут так орали, когда прибыли. «Эй, профессор, выходи!» Все суслики в округе небось попрятались. Если кто из людей и слышал, тот давно сбежал.

Из темноты в костровой круг вступили два ужаса на крыльях ночи — Сюр и Боцман. Оба чумазные и, кажется, злые.

— Вокруг — никого. Сплошная степь, — доложил Сюр. — В полумиле на запад — ряды «колючки». Ржавой. Надо днем посмотреть.

— В двух кабельтовых на север — вход в шахту. Заброшенный. Я внутрь сунулся, там завал. Радиационный фон немного повышен, — продолжил доклад Боцман.

— Ну, а родник вы и сами нашли, как погляжу, — закончил Сюр, косясь на кан. — Ну что, до рассвета еще часа полтора... Чем займемся?

— Для начала перекусим, потом обсудим. — Мотя наклонил кан и налил чай в кружку. Достал из рюкзака сверток, развернул — там было несколько галет и кусок вяленого мяса. Мотя вытащил нож и начал неторопливо нарезать мясо.

Сюр тоже полез в рюкзак. Извлек две банки тушенки, вскрыл обе ножом. Поставил на предусмотрительно разложенный Димой в качестве скатерти кусок плотного целлофана. Посмотрел на Боцмана.

— Ну, чего сидишь, ханку доставай. Надо прорыв отметить.

Боцман вопросительно взглянул на Мотю, тот молча кивнул. Боцман, сообщив окружающим, что они алкоголики, начал расстегивать наружный клапан рюкзака.

— Только давайте-ка сядем спиной к костру и оружие под рукой держать будем. Хоть и степь, но мало ли что, — то ли предложил, то ли приказал Мотя.

Было тепло, и народ, покончив с трапезой, разлегся прямо на земле. Иногда поглядывали во тьму.

— Ну, что дальше-то? — потягиваясь, спросил Сюр. — Спим? Идем к «колючке»? Ждем рассвета?

— Можно и поспать, — ответил Мотя, — но рассвет скоро, посмотрите на восток.

На востоке действительно начинала заниматься заря.

— Да не хочется что-то. Ненавижу неопределенность. Надо искать профессора. Без него обратно не попадем.

— Да, неопределенность — это гнетет, — согласился Боцман, повернулся и посмотрел Моте в глаза.

— Не дрейфь, морячок, все будет океюшки! — Мотя и не думал отводить взгляд. — Ты сталкер или капуста под гнетом? Гнетет его...

— Да не люблю я эту степь. Как море, но фальшивое... Пространства много, бугорков мало...

— Опаньки! Моряк с агорафобией — это ново! Свежо!

Маша поняла, что под пикировку сталкеров начинает засыпать. Она прикрыла глаза, и сразу вспомнился полет в радужном туннеле, длившийся одновременно миг и бесконечность. Маша все проваливалась и проваливалась — вниз по кроличьей норе. Потом вздрогнула и проснулась. Было уже почти светло. Костер догорел и тихонько дымился. Сталкеры стояли и осматривались. Дима спал неподалеку на земле, укрытый курткой Сюра. Маша приподнялась, села. Покрутила головой. Вокруг до скрытого синей дымкой горизонта простиралась степь. Очень красивая степь, разноцветная, особенно в свете утренней зорьки. И совершенно пустынная.

— Ну так куда пойдем? К «колючке»? — Сюра явно нервировала кажущаяся мирность окружающего пространства. — Или еще покричим?

— Ну покричи, коль не охрип. — Мотю ситуация, похоже, забавляла.

— И покричу! Э-гег-ге-ей! Профессор! Выходи, подлый трус!!!

— Кто тут гей? — это проснулся Дима. — Профессор?

— Сам ты это слово! — возмутилась Маша.

— Да уж, Семеныч, что-то у тебя спросонья чувство юмора... того... туговатое. — Сюр прекратил кричать и потребовал у Димы: — Проснулся? Куртку давай, собираться надо.

— Когда нам в море надо подать сигнал, мы стреляем из ракетницы, — невозмутимо сообщил Боцман. — А за неимением ракетницы...

Он передернул затвор и дал очередь в воздух.

— О, это идея, — подмигнул Маше Сюр, и несколько раз выстрелил из своего огромного пистолета. — Надеюсь, никакую чайку мы не подстрелили...

— Вы чего, охренели совсем? — возмутился Мотя.

— А чего мы? Надо ж внимание привлечь!

— Ага, а патроны вы здесь откуда возьмете? Мы же не знаем, где мы. И трупов, чтоб патронами разжиться, вокруг не видать.

— Хорошо, а что ты предлагаешь? Идти к «колючке» ржавой? Или здесь сидеть?

— Первое. Раз уж постреляли — уйти с этого места. Сховаться неподалеку и наблюдать — вдруг кто придет. Если кто придет — берем «языка». Допрашиваем. Ориентируемся.

— Так, а второе?

— А второе... Мой ПДА, между прочим, может работать в режиме передатчика. Довольно мощного. На коротких и ультракоротких волнах. Надо только антенну соорудить, из той же колючей проволоки, и батареею дополнительную у кого-то из вас отобрать. Ну и устроим радиовещание на всех частотах!

— И что вещать будем?

— Это я придумал уже. Маш, вставай давай — и тебе работа нашлась.

3

Подходя к домику Федя и Петя, профессор Титаренко услышал шмяканье и хаканье. Все понятно — аспиранты уже встали и тренировались. Занимались традиционным утренним спаррингом. Профессор считал, что такие спарринги мешают науке, аспиранты не соглашались. Даже постоянное наличие ссадин и кровоподтеков их не смущало. Адреналин способствует тону и стимулирует мозг, утверждали Федя с Петей. И действительно, учеными они были весьма сообразительными и хваткими.

Впрочем, и бойцами они были отличными. Служили вместе по контракту в миротворческих силах Украины в Ираке. Там и подружились после того, как то ли Федя спас Петю, то ли Петя — Федю, профессор все никак не мог запомнить. Именно тогда оба поняли, что воевать им надоело, и демобилизовались. Поступили на физфак, потом попали в лабораторию к профессору. Когда решалось, кого из сотрудников взять с собой в Зону, у Титаренко сомнений даже не возникло. Профессор взял Федю и Петю и не пожалел. Поначалу сопровождавшие экспедицию сталкеры превосходили аспирантов в понимании ситуации и ориентировании в сложных условиях Зоны, затем сталкеры стали только помехой. Федя и Петя все схватывали на лету, и работали они не за деньги, а за научную идею. В результате профессор расплатился со сталкерами и отослал домой. Последний этап экспедиции в Зоне они провели втроем. Правда, Петя и Федя ворчали, что приходится таскать тяжелую тележку с оборудованием и батареями, и даже попытались поймать и приручить в качестве тягловой силы пару монстров — но не вышло.

Исследования временной аномалии шли своим ходом, когда профессор обнаружил, что точкой сингулярности интересуется не только он. И «научный» соперник оказался весьма нелюбезен, даже агрессивен. Группа ученых из «О-Сознания», обнаружившая группу профессора в зоне своих, как они полагали, интересов не пожелала терпеть конкурента. И, договорившись с военстами, решила устранить соперника физически. У военных, похоже, тоже были свои интересы в данном предприятии.

На группу профессора напали ночью. Однако Федя и Петя успели среагировать, и первая атака была отбита. Тем не менее стало ясно, что уйти им не дадут — уж больно силы неравные. Оставался единственный путь.

Профессор и его группа уже смогли понять, как организовать прокол точки сингулярности. Надо было воздействовать на аномалию излучением определенной частоты и мощности, образовывался вневременной и внепространственный туннель. Куда вел туннель — неясно. Но профессор полагал, что «мигание» Лиманска, то появлявшегося, то исчезающего с карты Зоны, связано как раз с тем, что Лиманск находится сразу в двух состояниях одновременно. То есть где-то во времени, в прошлом или будущем есть еще один Лиманск, располагающийся так же, как и здесь, возле точки сингулярности, связанной с нашей точкой «червоточиной». Где-то там, в другом Лиманске, точка подвергается неким, скорее всего — естественным воздействиям, в результате чего Лиманск перемещается в

наше время. Ненадолго. Но исчезает не весь, а оставляя за собой некий след, точку стабильности в континууме, куда с радостью готов переместиться снова.

Так же полагали и ученые из «О-Сознания». И имели свои виды. Недаром в подвале одного из домов профессор обнаружил небольшую кабину. Она один в один напоминала кабину машины времени из культового советского сериала «Гостья из будущего». Профессор аж головой замотал, когда первый раз увидел. Сразу захотелось поискать в округе заодно и копию миелофона. Но, видимо, тот, кто создавал кабину, не настолько был фанатом сериала.

— Эй, бездельники, хорош друг другу морды разрисовывать! — скомандовал профессор, прервав воспоминания и заходя во двор Пети и Феди.

Аспиранты, полуголые и потные, отвлеклись от спарринга. Повернулись к профессору и начали кланяться.

— Хорошо, насяльника, как скажете, насяльника, мы все к вашим услугам, насяльника!

— Так, закончили паясничать, а то лишу...

— Чего? — жизнерадостно, хором поинтересовались бездельники.

— Ну... чего-нибудь да лишу... Личной жизни лишу, когда вернемся, вот! Будете в лаборатории вкалывать, как на камбузе в армии вкалывали!

— А, ну если как на камбузе, тогда нормально, жить можно, — порадовался Федя.

— А вот насчет вернемся ли, это вопрос отдельный, полагаю? — ехидно ввернул Петя.

— Дык, об том и речь. Шакарим заходил?

— Ну да, заходил...

— Про стрельбу сказал?

— Ну да, сказал...

— А вы чего?

— Ну да, ничего...

— Вот ведь аспиранты боевые-бестолковые, не быть вам академиками. А вдруг это по нашу душу?

— Ну да, вдруг...

— Хватит нудить-нудакать. Нуда хуже коросты, как говаривала моя бабушка. Давайте-ка, ноги в руки, налаживайте рацию и частоты сканируйте. Все. Совсем все. Вдруг по нашу душу кто-то *оттуда* прибыл. Это было бы хорошо. А вот если *отсюда* — то было бы нехорошо.

Аспиранты, не позабыв проверить на практике, как это — ноги в руки, окатили друг друга водой из ведер и убыли в сторону дома. Профессор пошел за ними и присел на крыльце. Достал трубку, прикурил, привычно подумав, что хороший импортный табак здесь фиг достанешь и, если застрянут здесь еще — придется продолжать курить эту столь любимую товарищем Сталиным «Герцеговину Флор». Ее по какой-то странной прихоти советской системы распределения завезли в магазинчик в соседнем селе Караул. Шакарим притаранил несколько коробок, но профессору этот табак курился тяжело. Травяной какой-то. Трубка и хороший табак — вещь жизненно необходимая. Профессора курение трубки, даже с таким табаком, всегда успокаивало. И позволяло хорошо думать. И вспоминать.

4

Тогда, еще в Зоне, до боевого контакта с «О-Сознанием» и военными, исследуя аномалию всеми приборами, что поместились в тележку, профессор довольно быстро понял, что в последней своей монографии, пока не опубликованной, был совершенно прав. Существует несколько частот лазерного излучения, воздействуя которыми на аномалию, можно пробить туннель вдоль червоточины. Но даже если бы ученые «О-Сознания» читали монографию профессора Титаренко, у них не получилось бы быстро воспользоваться аномалией. Создать полупроводниковый лазер определенной частоты — задача сложнейшая. Но профессору помогло совпадение (совпадение ли?). Еще во времена конверсии и общей

нищеты всей науки профессор в институтских лабораториях создал лазер — для совершенно бытовых целей (вроде использования в радарх гаишников). Сделал три опытных образца, предложил договориться с производителями и пустить в серию. Однако оказалось, что по себестоимости производства этот лазер в шесть раз превосходит розничную цену китайских лазеров-поделок. И проект был закрыт. По странной случайности оказалось, что частота излучения того лазера совпадает с одной из много позже теоретически вычисленных профессором частот воздействия на точки сингулярности. Именно это и подвигло профессора на экспедицию в Зону. Один из опытных образцов лазера хранился где-то в архивах института, второй был подарен Маше на день рождения, третий же профессор взял с собой.

Когда группу профессора прижали в Зоне, он уже не сомневался — надо попробовать нырнуть в туннель. Аспиранты, оценивавшие шансы выжить в перестрелке как ничтожные, без раздумий согласились на предложенный вариант бегства. Так они и оказались здесь, в чингизской степи 1954 года, в *другом* Лиманске.

— Эй, профессор, подойдите сюда. Тут есть кое-что для вас, — высунулся в окно Федя. «Неужели?» — Титаренко отложил трубку, резко встал и прошел в дом.

— Что-то нашли?

— Да, Сергей Сергеевич. Мне кажется, вас к телефону! — сообщил Петя, оторвался от настроек рации и протянул профессору наушники.

Титаренко торопливо надел. В наушниках тонкий девичий (такой знакомый!) голос закольцованно повторял:

— Маша вызывает папу! Папа, ответь! Маша вызывает папу! Папа, ответь!

— На всех частотах шарашат... Ответите, Сергей Сергеевич? — наивно спросил Петя. Петины глаза светились радостью, но не съехидничать он не мог...

Профессор собрал все внутренние моральные силы, чтобы не применить обценную лексику. Улыбнулся и спокойно-повелительным тоном разрешил:

— Что ж, соединяй, голубчик.

Глава 16

1

Лишь к вечеру Моте и профессору удалось уединиться для разговора. После радостной встречи, объятий и слез Маши, короткой лекции профессора куда и *когда* они попали, народ расслабился. И как-то так получилось, что возникло негласное решение — сегодня отдыхаем, а все сложные вопросы о том, как жить дальше, будут решаться в обозримом будущем. Завтра. Или послезавтра. Боцман и Сюр быстро скорешились с Федей и Петей, тем паче что тем для разговоров было хоть отбавляй — Боцман тоже поучаствовал в Иракской кампании. В результате сталкеры с аспирантами объявили, что приглашают всех к обеду на барбекю, и отправились к родне Шакарима выторговывать ягненка или барашка. Маша некоторое время ходила за профессором как привязанная, рассказывая о своих приключениях, а профессор, поначалу делавший вид, что злится на Машу за то, что поперлась в Зону без разрешения, потом якобы оттаял. Мотя с Димой решили поработать добровольными квартирными и готовили для жилья два соседних с профессорским домика. Потом профессор повел Мотю, Машу и Диму на экскурсию в то куцее подобие полевой лаборатории, что удалось здесь создать ему и аспирантам. Большая часть оборудования находилась в степи, в шахте, непосредственно возле точки сингулярности. Спасибо Карлу Неману, он успел найти и откопать аномалию, но вот использовать не успел.

Тем временем вернулась компания с удачным приобретением — освеженным барашком. Во дворе Пети и Феди закипела бурная деятельность по изготовлению шашлыка и запеканию в глине бараньих ног. По ходу готовки компания не забывала прикладываться к

канистре с «Гремлин-водкой». Мотя с профессором помогали по мере сил. Маше с Димой пьянка надоела и они отправились осматривать городок, пообещав не соваться за периметр. Отпробовав первой партии шашлыка, Мотя незаметно для окружающих подмигнул профессору и взглядом показал — мол, поели, надо бы и поговорить. Оставив народ пировать, Мотя и Титаренко отправились в домик к последнему.

— Ну, Серега, рассказывай. Что, где, как, куда, когда, зачем и почему...

Они сидели друг напротив друга за столиком в профессорской комнатке. На столике красовалась бутылка с адским аспирантским питьем и два стакана.

— А вот не расскажу ничего!

— Это еще почему?

— А потому... Не расскажу... Пока не дашь нормального табаку! Задолбал меня местный.

— А, вот в чем дело... — Мотя засмеялся. — Ну, эту проблему мы решим быстро.

Он полез в карман и достал портсигар.

— Спаситель! — воздев очи горе, пропел профессор. — Точнее, спаситель в квадрате! Или в кубе!

Некоторое время они сосредоточенно дымили, пуская кольца. И выпили.

— Покурил? Теперь вперед! — Мотя уже с трудом сдерживал нетерпение. Даже трубка не помогла успокоиться.

— О'кей, готовься к маленькой лекции. Итак, город Лиманск находится возле точки сингулярности. Эта точка, как бы это понятнее объяснить, в стабильном состоянии существует одновременно в двух временах и пространствах, некоторым образом нарушая принцип неопределенности Гейзенберга...

— Так, будь добр, объясняй попроще. А то тут даже Сюр с его Бауманкой не разберется.

— Не разберется. И большинство современных физиков не разберется. Я тут такую теорию создал и такие ее практические подтверждения нашел, что вся мировая наука закачается. Нобелевка гарантирована. Лет через десять. Но об этом позже. Итак, Лиманск существует сразу в двух временах и пространствах. Именно из-за этой точки сингулярности город становится, так сказать, аномалией в аномалии — исчезает и появляется, становится недоступным для входа и выхода. Когда на аномалию воздействуют некие внешние факторы — излучения определенных частот, радиация, ударные волны и еще кое-что, начинаются проблемы. «Мигание» Лиманска, например.

— А что произошло с нами? И вами...

— Все просто — мы переместились из одной точки стабильности в другую. Воздействуя излучением лазера на аномалию.

— Обратно так же?

— В том-то и дело, что обратно гораздо сложнее. Если отсюда воздействовать на аномалию лазером, туннель в будущее откроется. И ты даже переместишься в будущее. Причем в точку, недалеко удаленную в пространстве-времени от центра сингулярности. Но примерно через 42 секунды тебя затянет обратно и выкинет здесь. Я тут исследовал малость и составил таблицу точек — куда можно попасть, воздействуя на аномалию моим лазером под определенным углом и в определенное время. Чем ближе к аномалии, тем таких точек больше. А в тот же Киев... Вот домой я не смог попасть... Только в подворотню рядом с домом. Потому я откатился как можно больше «назад» от вашего локального времени. И отправил себя в почтовое отделение в Дитятках. Чтобы послать Маше письмо и диск. Видел бы ты глаза приемщицы посылок... Когда я появился из пространства, кинул ей на стол пакет, деньги и бумажку с адресом, отсчитывая про себя сорок две секунды... Потом выскочил из отделения — и меня затянуло обратно сюда. Жалко будет, если диск с данными военные расшифруют. Хотя и сложновато им придется.

— Постой, так что, отсюда можно переместиться в прошлое и будущее относительно нашего того времени?

— Недалеко в прошлое от вашего времени. В будущее — нельзя.

— И вот так можно менять прошлое?

— Не совсем. Это ведь не просто сингулярность, это эвереттическая сингулярность...

— Ну просил же не ругаться по-научному!

— Короче, повлиять на настоящее путем изменения прошлого невозможно. В момент воздействия на прошлое сингулярность рождает другую реальность, параллельную ветвь развития, так сказать. Она именно как ветка отделяется от нашей реальности. И мы начинаем существовать в них параллельно. Сейчас где-то сидит профессор Титаренко в 1954 году и грустно ждет, когда же его спасут. А Маша ходит в школу, не подозревая, что за ней следят. А Мотя шляется по Зоне, артефакты ищет.

— Ладно, я все более менее понял. Еще один глупый вопрос — как рассчитать точку в пространстве-времени, куда можно прыгнуть?

— У Феди в ноутбуке есть программка, он же может тебя отправить куда скажешь. Но что проку с сорока двух секунд...

— О, будет прок! Не забывай, что сорок два — ответ на Главный вопрос жизни, Вселенной и всего такого...

— В смысле?

— Извини, я забыл, что ты беллетристику не читаешь, ученый сухарь...

— За сухаря ответишь!

Они разлили еще по одной и чокнулись.

— Ну, за победу!

— За НАШУ победу!

Они выпили. Мотя крикнул, занюхал рукавом и произнес уже раз пятый за день сакраментальную фразу:

— Ключница водку делала!

— Моих «боевых аспирантов» не забижай! Хотя, согласен, гадость редкостная. Зато — валюта!

— Ладно. Я человек простой, практический. Раз ты нас вызвал, значит, путь отхода у тебя есть.

— Теперь, когда вы пришли, — отход простой. У нас есть второй лазер. Стабильный проход, чтобы не на сорок две секунды, создать можно, если воздействовать на аномалию с «двух сторон». Здесь и там. Одного человека перемещаем в Зону, он открывает проход оттуда, мы — отсюда. Будет стабильный проход по червоточине. На несколько минут. Мы успеем эвакуироваться... А там... Главное, связаться с Синицыным, его контора нас прикроет от вояк. Если выберемся из Зоны, конечно.

— Ну так завтра и отправляемся?

— Не завтра. Дня три надо, чтобы наше оборудование демонтировать. Часть с собой возьмем, основную часть уничтожим. Не надо создавать анахронизмов. Время шуток не любит... И еще пара дней — надо дособрать электромагнитную бомбу...

— Это еще зачем?

— Видишь ли, Мотя... Эту аномалию надо уничтожить. Уничтожить здесь. И она, надеюсь, исчезнет и там.

— Но почему?

— Во-первых, как я уже говорил, время — штука опасная, и очень бы не хотелось, чтобы до сути добрались эти отморозки из «О-Сознания», на пару с военными. Во-вторых, и в основных... Эта аномалия опасна. Нашему миру опасна. Да будет тебе известно, мы находимся в Семипалатинской области Казахстана... Что тебе первое вспоминается при слове «Семипалатинск», а?

— Ну... Полигон, конечно...

— Вот-вот... Не так далеко отсюда расположен Семипалатинский ядерный полигон. Открыли его по местному времени не так давно, лет семь назад. Первый раз бабахнули — лет пять тому. Вот тогда-то аномалия и зашевелилась. Взрыв хоть был и далеко, но электромагнитный удар плюс волны Рэлея, волны Стоили и прочая физическая и

геофизическая дрянь — все это в комплексе воздействовало на аномалию здесь. И рикошетом — на аномалию там, в нашем времени. Я не изучал подробно... но вполне вероятен тот факт, что взрыв в Чернобыле и появление Зоны напрямую связано с ядерными взрывами здесь, под Семипалатинском... Точка сингулярности, етить ее...

— Хорошо... Но зачем все-таки уничтожать?

— Потому что, насколько я помню историю, ядерные взрывы в этом времени и пространстве будут продолжаться еще долго. Там, — профессор махнул рукой куда-то в сторону окна, — на полигоне, экспериментируют с атомом и не подозревают, что воздействуют на пространственно-временной континуум. И совершенно непонятно — что будет дальше происходить с аномалией здесь... И там, в нашем будущем. Может случиться еще одна катастрофа, подобная создавшей Зону, — только во много раз круче. Или Зона может схлопнуться и закружиться во времени... и все твои друзья-сталкеры останутся там навсегда...

— Ну, убедил, велеречивый... Давай, что ли, помянем аномалию, покойницу будущую... — Они чокнулись и выпили ужасного пойла, потом, не сговариваясь, начали набивать трубки. — Чем убивать-то будем?

— О, это я придумал. Будет комплексный удар. Сначала — электромагнитное воздействие. Аппарат уже собираем. Из подручных средств. Вот, например, пара электрошокеров — от собак отбиваться — с собой была, пригодится. Кондеров только маловато, ну да ладно... Плюс — банальный взрыв. Мы тут в шахте одной ящик тринитротолуола нашли. Двадцать кгэ. По моим расчетам — должно хватить. Еще нужно часовой механизм для подрыва... Чтоб нам уйти спокойно.

— А на том конце нас... это... не накроет?

— Почти наверняка — нет. Там просто аномалия существовать перестанет.

Мотя задумался. Некоторое время глядел перед собой, попыхивая трубкой. Из-за окна доносились звуки бурлящего веселья. Хотя до двора Феди и Пети было метров сто, беседа была слышна отчетливо. Но так как говорили уже все одновременно — понять, о чем ведутся пьяные спичи, было решительно невозможно. Скоро петь начнут, подумал Мотя, ну и хорошо. Напряг последних суток снять было решительно необходимо. Для всех. Моте решительно захотелось туда — где гул, самогон и запеченные бараньи ноги. Надоело уже решать проблемы, надо забыться ненадолго. Тем более что несколько дней ничегонеделанья впереди. Впрочем... Была у Моти одна мыслишка — чем себя занять.

2

Но прямо так встать и, захватив профессора, пойти бухать Мотя не мог. Оставалось прояснить еще одну тему... Весьма деликатную, надо заметить.

— Профессор, тут еще такое дело. Из практической, так сказать, сферы. Я — дело десятое... Но со мной ребята пришли. Надо бы как-то их поощрить... Денег они, конечно, получают обещанных. Но этого мало. Все ведь оказалось гораздо сложнее. Нетривиальный рейд получился-то. И друга мы в пути потеряли, надо бы его семье помочь...

— И что бы вы хотели?

— Сколько у тебя денег на карточке — я знаю. Не так уж много осталось. Надо бы что-то еще придумать. Ребята ведь думали, что к Монолиту идут, а когда выяснилось все — чуть не прибили. Они пацаны горячие. А теперь уж совсем хреново получается — никакого Монолита с исполнением желаний, а только дырка в прошловековую степь... И ту ты грохнуть хочешь. А они уж собираются своим родителям письма отправлять — с расписанием дефолтов, черных вторников и списками победителей чемпионатов по футболу...

— Ну — *они* ничего с этого не получают. Новая ветка реальности отойдет — и там либо их вообще не будет, потому что их родителей посадят за такие письма, или они-таки заработают что-то в молодости на предсказаниях из родительских архивов... И не станут сталкерами...

— Мда, сложно все это. Но помочь ребятам что-то вынести из ситуации — надо. И мне, может, что-то обломится, и Семенычу малолетнему...

— Ладно, не волнуйся ты так... Будут бабки. Во-первых, наши исследования — это реально Нобелевка, новые гранты и все такое. Если, конечно, контора Синицына все к рукам не приберет. Но мы ей не дадим. Ну и если вояки диск не расшифруют. А это крайне маловероятно.

— Ну, Нобелевка и гранты — это в будущем. Далеком...

— Так, теперь во-вторых. Я тут кое-чего посмотрел, посчитал... И это исследование я пока никому не отдам. Сам воспользуюсь. Короче, я придумал, как создавать проколы в параллельные вероятностные миры. Надо немного вложиться — и будет хороший приработок. Представляешь, ты можешь ненадолго сходить в другой мир. Как наш, но другой. Ладно, если ветка с недавней развилки, а если с далекой?

— И какая в том польза?

— Ну представь себе мир, в котором железо в сто раз дороже золота, а Иисуса вообще не было, и не крест у них, а столб... Отправил туда кусок чугуна, получил столько же золота. Контрабанда межмировая. Сталкерство — но не в зону, а в другие миры! Уверен, твоим друзьям понравится.

— Да, интересно, интересно. Но чтоб такое создать — все равно бабло нужно. Бабло ведь побеждает зло...

— А на это есть «в-третьих». Расскажу тебе кое-что. Тут на другом конце городка живет китайская семья. Шакарим приютил нелегально. Так вот, однажды заболел у них пацан. Пневмония с осложнениями. Антибиотики в этом времени еще не совсем в ходу. А у меня в аптечке неплохой запас самого банального ампиокса. В общем, спас я пацана. Потом еще сделал им на принтере цветном документы хорошие. Чтоб дальше по стране легально перемещаться. А в благодарность они мне семейную реликвию оставили... Подарили... Я глянул и обомлел... Ваза, двадцать девять сантиметров высотой... В оформлении — исламские мотивы. Полагаю, это начало пятнадцатого века — правление третьего императора династии Мин. Я когда-то интересовался вопросом, не эксперт, конечно, но кое-что понимаю...

— Покажь!

— Я ее закопал. В контейнере. В одной из шахт. Покажу потом — где. Когда назад пойдем — мало ли что. Разобьют, отберут... А вернемся в свое время, выползем из Зоны — смотаемся в турпоездку в Казахстан. На родину поэта Абая...

— И сколько она может стоить?

— Миллиона полтора на Сотбисе. Значит, так за лимон уйдет, или чуть меньше. Я знаю, кому предложить интересовался этой темой.

— Так, все понял. Ты меня успокоил. Дальнейшую тактику будем прорабатывать завтра. А сейчас — пойдем нажремся, штоль...

— Конечно, пойдем. Только надо выпить на дорожку...

3

Утро профессора началось как обычно. С визита Шакарима. Совсем сопьется, с жалостью подумал профессор. И мы тому виной. Спаиваем местное население. Он уже и со сталкерами скорешился. Бухает с ними каждый день. Хорошо хоть Федя с Петей заняты, оборудование демонтируют, часовой механизм собирают. А сталкерам заняться совсем нечем — раз в день отвезти к шахте с аномалией тележку с приборами, вот и вся работа. Правда, Мотя, переговорив с Федей, несколько раз с ним отлучался ненадолго в сторону аномалии. Возвращались оба с загадочным видом, отказываясь реагировать на расспросы. Профессор догадывался, что задумал Мотя, но не препятствовал.

Маше с Димой дела особенного не нашлось, и они, отобрав профессорский ноут, целыми днями резались в какую-то модную игрушку. Как будто своих приключений не хватило. Профессор попытался заикнуться про учебу и уроки, но на него *так* посмотрели,

что он даже смутился. Ладно, пора идти работать, нас ждут великие дела, подумал профессор, и вышел на крыльцо.

Шакарим уже тихо сидел на ступеньках.

— Привет, насяльника, как дела? — стандартно приветствовал Шакарим.

— И тебе привет, добрый человек... Дела идут...

— Насяльника, водки дай, а? Пожалуйста...

Совсем сопьется, опять подумал профессор.

— А что, у Сюра с Боцманом нет уже?

— Они спят, я будил, а они ботинками кидаются и застрелить обещают...

— Да, похоже на них. Не дам я тебе водки, Шакарим. Иди и ты домой, поспи.

— Насяльника, очень прошу, дай водки, а... Трубы горят!

— Не проси. Не дам. Сам потом благодарить будешь!

— Тогда, насяльника, я тебе важное не скажу! А дашь водки — скажу!

Черт, подумал профессор, придется дать, а то ведь не скажет.

— Хорошо, сейчас принесу. Говори — что хотел сказать...

— Вчера невестка в Караул ездила. Говорит, туда три больших машины приехало. Две с солдатами, одна с решеткой на крыше. Это не твои друзья?

— Что за решетка на крыше?

— Ну, как антенна, только крутится.

Пеленгатор, понял профессор. Блин, неужели засекли наши переговоры по рации и уоки-токи? Надо срочно уходить из города к аномалии. Немного не успели. Планировали исход из этого времени на завтра. Теперь это будет не исход, а бегство!

— Спасибо, Шакарим. Наверное, это наши люди. Я вечером сам съезжу, встречу. А ты пока никого из своих не отпускай в Караул — нечего им с теми людьми болтать. Вдруг расскажут, как ты тут пьешь целыми днями, а мне потом тебя отмазывать. Лучше пусть твои родственники площадь главную подметут. Там построение будет.

— Хорошо, насяльника, скажу. А теперь водки дай!

Профессор всучил обалдевшему от счастья Шакариму аж целую литрашу, выпроводил того со двора побыстрее и вернулся в дом.

— Маша, просыпайся быстро! Воздушная тревога! Иди срочно буди Диму, я за остальными. Собираемся во дворе у аспирантов. Так, нечего глаза тереть, дело серьезное. Бегом! И никаких переговоров по уоки-токи.

Маша сидела на кровати и ошарашенно моргала. Расслабилась здесь девочка, подумал профессор, да и кто из нас не расслабился.

— Так, приказ отменяется. Вы с Димой идете не во двор к Феде с Петей, а к ветряку. Дима лезет вверх и смотрит на северо-восток, в сторону Караула. Ты внизу на подхвате. Как только видите, что от Караула движутся машины, — сразу бегите к нам и кричите «Караул!» Мда, тяжеловатый каламбурчик получился...

— А что случилось, пап?

— Похоже, нами заинтересовалась местная «кровавая гэбня». Общение с ней не входит в мои планы. Нам пора валить отсюда. А тебе пора ноги в руки и за Димой!

4

Дима с Машей прибежали во двор к аспирантам, когда сталкеры уже убили с частью оставшегося груза к аномалии, а профессор и Федя с Петей срочно заканчивали монтаж устройства, которое сначала должно было включить электромагнитную бомбу, а затем, с задержкой в доли секунды, активировать подрыв тротила. Только так, по расчетам профессора, можно было уничтожить, а точнее, сместить в недоступное пространство здешнюю точку сингулярности. Устройство представляло собой жестяную коробку из-под монпансье с элементами старого будильника внутри и торчавшими проводами снаружи.

— Едут! — хором закричали запыхавшиеся Маша с Димой. — Три машины! Еще на горизонте пылят, но времени мало.

— Давайте дуйте на шахту, а мы вас догоним, Пете надо пару минут, чтобы закончить, — профессор с Федей укладывали коробки на тележку, Петя с паяльником наперевес копался во внутренностях механизма. — Дима, ты проследи, пожалуйста, чтобы ничего не случилось. Я на тебя надеюсь. Моте скажите, что пора сматываться.

— Я не маленькая, папа! — возмутилась Маша.

— Знаю, но Дима мне кажется более опытным. Все, марш отсюда.

Маша хотела что-то сказать и набрала было воздуха, чтобы выдать длинную тираду по поводу того, что она думает о папе, о его возмутительном поведении и опытности Димы, но осеклась, когда юный сталкер взял ее за руку и покачал головой, мол, «папа прав». Она только злобно стрельнула глазами, развернулась и, гордо подняв голову, направилась в сторону аномалии. Дима посмотрел на профессора, пожал плечами, разведя руки в стороны, улыбнулся и потрусил за ней вслед.

— Спелись, — констатировал наблюдавший эту пантомиму Петя. — Готовьтесь к свадьбе, насильника.

— Ты давай не отвлекайся, психолух, нам сперва от гэбистов улизнуть надо. Эти — не чета нашим, в либерастию играть не станут и церемониться с тобой не будут. Сначала пустят пулю в лоб, а потом уже документы спрашивать станут. Читал журнал «Огонек» в девяностых? То-то же!

— Готово уже. — Петя уложил конструкцию в картонную коробку из-под обуви, коробку устроил поверх других таких же на тележке и принялся собирать инструменты в ящик.

— Федя, впрягайся, — скомандовал Титаренко, хватаясь за ручку.

Они вдвоем легко, как молодые першероны, сдвинули груженую тележку и рысью припустили по грунтовке, стараясь огибать кочки и колдобины. Через пять минут их нагнал Петя, кинул инструментальный ящик в кузовок и с криком «Бурлаки на Волге!» ухватился за ручку, пристроившись посредине. Едва они успели скрыться за холмом, в город въехали три новеньких, блестящих шестьдесят третьих ГАЗика — два бортовых и один с кунгом.

Из кабины пеленгатора выскочил офицер в полевой форме, отдал несколько команд солдатам и скрылся в кунге. Солдаты без лишней суеты выгрузились из машин, разбились на тройки и приступили к прочесыванию домов. Через десять минут к машинам с северной стороны под конвоем привели маленького сухонького человечка в тюбетейке, из кунга показался офицер, о чем-то долго расспрашивал, угрожал пистолетом, человечек приседал, махал руками и наконец показал рукой в сторону шахт. Тогда офицер махнул рукой, человечек, низко кланяясь, попятился, наткнулся спиной на дюжего сержанта, получил от того пинок под зад, придавший ему ускорение, и, провожаемый громким хохотом, скрылся в том направлении, откуда он был приведен. Офицер отдал команду, запрыгнул в кабину и грузовик рванул в сторону шахт, сержант криками собрал солдат, они погрузились в автомобили и устремились вдогонку за командирской машиной.

5

Казалось бы, пробежать два километра — легкая задача. Так-то оно так, но это если легкой трусцой, утром в парке, под легонькую музычку в наушниках да в спортивной обуви. А если ты бегать не привык, твоя одежда не предназначена для занятий легкой атлетикой и вместо ровной утоптанной тропинки под ногами грунтовка с колдобинами? Когда Маша добралась до бетонной коробки входа в шахту, сердце у нее выпрыгивало из груди, пот заливал глаза, а сбившееся дыхание не позволяло нормально говорить. А говорить было что. Хотя бы сообщить о грузовиках.

— Там... папа... сказал... — согнувшись пополам, она держалась за бок, в который, казалось, всадили раскаленную вилку, — папа... там... гэбня!

Она увидела ведро с водой и кружку на металлическом крючке, висевшую на краю ведра, попыталась зачерпнуть, но была остановлена Мотей.

— Совсем обалдела? Сначала отдышись, потом напьешься. Пополоскать можешь, но не вздумай глотать, поплохеет.

Он сам зачерпнул воды и поднес кружку к Машиным губам. Она, привыкшая уже к тому, что Мотя ничего просто так не делает и не запрещает, набрала воды в рот, пополоскала и сплюнула прямо на пол. Через пару полосканий ей действительно стало немного легче. Она присела на грубый табурет и наконец смогла нормально, не хватая ртом воздух, говорить, а Мотя передал кружку Диме.

— Папа сказал тебе сказать, что пора сматываться.

— Значит, по наши души. Много?

— Чего?

— Солдат много?

— Не знаю, мы не видели. А машин три штуки ехало.

— Одна с будкой, две с кузовом, — подсказал Дима. — В кузовах солдаты.

— Два взвода, значит. Все понятно? — Мотя посмотрел на Сюра с Боцманом.

Сталкеры кивнули и вышли на улицу, прихватив с собой лопаты и подсумки с выстрелами.

— Сидите здесь, ничего не трогайте. Отдыхайте пока. Нет, Семеныч, — Мотя заметил, что пацан набычился и собрался возражать, — там будет кому воевать, а ты мне нужен как Машин телохранитель. Что-то мне подсказывает, что для этой роли ты подходишь как никто другой.

Маша украдкой взглянула на Диму и улыбнулась, потому что тот сидел красный и сердитый, но ничего не сказала и даже не хихикнула. Ей нравилось его внимание, ей нравились его ухаживания, и он сам тоже ей нравился.

— И хватит тебе уже вспыхивать, честное слово. Всем все давно ясно, а ты смущаешься, как девица прямо.

Мотя улыбнулся, подмигнул Маше и вышел, оставив отроков самих разбираться со своей любовью. На площадке перед бункером Сюр и Боцман тем временем развернули кипучую деятельность. Боцман справа от входа орудовал лопатой, как заправский стройбатовец, и уже успел вырыть достаточно глубокий окопчик и сейчас притаптывал бруствер, а Сюр стаскивал ко входу все тяжелое и габаритное, что было в округе, формируя своеобразную баррикаду. Задерживаться и давать советы Мотя не стал — по части ведения боевых действий эти двое могли дать фору многим и уж что-что, а окапываться они умели великолепно. Мотя рванул навстречу профессору. Долго бежать ему не пришлось — едва поднявшись на холм, он повстречался с троицей ученых, волокущих за собой груженую тележку.

— Тройка мчится, тройка скачет, вьется пыль из-под копыт, — он засмеялся. — До чего ж нелепо вы выглядите сейчас, умора.

— Помог бы лучше, — просипел Титаренко.

— Немного осталось уже. Только спуститься с холма осталось, — ответил Мотя, но тем не менее оттеснил профессора и занял его место. — Машинки точно по наши души, как думаешь?

— Более не за кем, — профессор тяжело дышал. Сказывался возраст, лишний вес и отсутствие тренировок. — Нет больше мочи. Вернусь домой, сяду на диету — месяц только кефиром питаться буду, чтоб вес сбросить. И эрбисольчиком проколюсь, не помешает.

— Что кефир? Айда с нами в бассейн заниматься, — предложил Петя. — Мы с Федей до экспедиции хороший откопали, под открытым небом, в районе Караваевых дач. Там и зал тренажерный есть. А какая там тренерша!

— О да! — Федя мечтательно закатил глаза. — Тренерша там суперская. Жаль, замужем.

— Кто о чем, а вшивый о бане. Давно баб не видели, ага? — подначил аспирантов Мотя.

— Давно тут сидим, — со среднеазиатским акцентом ответил Федя и рассмеялся.

Смех подхватил Петя, сначала нервно, чуть заикаясь, а потом от души расхохотавшись. За ним стал хихикать Титаренко, держась за ноющий бок, охая и похлопывая себя по бедрам. Мотя смеялся с пониманием и сочувствием, вспоминая о Диане.

Так, хохоча, они и дотащились до входа в шахту, где Сюр и Боцман уже закончили оборудовать укрытия. Титаренко, все еще улыбаясь, взял коробку с миной и не мешкая отправился ее устанавливать, прихватив с собой Петю, а остальные принялись разгружать тележку. Все те приборы, механизмы и электронные штучки из будущего, которые не обязательно было тащить с собой через проход и которые решено было уничтожить, складывали в шахте. Рвануть должно было изрядно, а если что и останется после взрыва, то его гарантированно завалит и скроет. Опустевшую тележку, стальное днище которой могло послужить хорошим укрытием от пуль, Сюр пристроил возле входа, поставив ее на попа.

— Как думаешь, успеем уйти или будет дискотека? — спросил Боцман Мотю, когда разгрузка закончилась и все, кто не был занят установкой бомбы и настройкой прохода, разместились на улице под прикрытием баррикады.

— Боюсь, пострелять все же придется, хоть и не хочется. Покрошим же всех.

— А нечего к нам лезть. Мы их звали, что ли?

— Так и они нас не звали... Эх, жалко ребят. Может, шугануть их из подствольника пару раз? — Мотя задумчиво посмотрел на автомат в руках Боцмана, к которому был присоединен подствольный гранатомет. — Жахнуть у них перед носом, типа предупредительного.

— Эти вряд ли испугаются. — Сюр покачал головой. — В госбезопасность ссыкунов, пардон, Маша, никогда не призывали. Только разозлишь.

— Я к тому, что и дураков старались отсеивать. Не исключено, что командир не дуболом и сообразит, что лезть на нас бесполезно. Давай попробуем?

— Можно и попробовать, почему нет. В любом случае, танцы предвидятся — профессору еще минут двадцать настраиваться, провода тянуть, минировать. Ты как, Боцман?

— А мне по барабану, — пожал плечами тот. — Дискотека так дискотека.

— А сейчас пулеметчик Ганс... — начал Дима, но его перебил Сюр:

— Семеныч, я этот анекдот рассказывал, еще когда в октябрятах ходил. Не баянь, пожалуйста.

Дима надулся и замолчал. Молчали и остальные. Слепящее солнце встало в зенит и почти исчезли тени. Жарило, как в сауне. Маша подумала, что скажи ей кто несколько дней назад, что она будет потеть под палящим солнцем где-то в Средней Азии, да еще и в прошлом времени, она бы покрутила пальцем у виска и посоветовала обратиться к психиатру. Все происходящее казалось совершенно фантастичным, хотя, казалось бы, чем еще можно удивить человека, побывавшего в Зоне и своими глазами видевшего, как нарушаются основные законы физики. Живым инопланетянином разве что... ну, и путешествием во времени, как оказалось. Жалко, что при таких обстоятельствах. Она бы с удовольствием проехала в Киев, своими глазами увидеть, как жили люди в то время, о котором она знает только из уроков истории.

А еще Маша подумала, что Зона в ней что-то изменила. Исчезла наивная глупая девочка, появилась... нет, не опытная и мудрая женщина — она все еще оставалась девчонкой, взбалмошной и непосредственной, но уже далеко не такой наивной, как прежде. Она научилась ценить дружбу, узнала, насколько бесконечно глубокими могут быть человеческая глупость, подлость и трусость. Она перестала смотреть на мир через призму детских фантазий и научилась принимать важные решения. А еще она здесь нашла друзей. Настоящих. Мотя, Сюр, Боцман, Федя с Петей и, конечно же, Транец. Неважно, что он погиб, она не видела его смерти, а значит, он не умер. Просто бродит где-то по Зоне, собирает артефакты, отбивается от мутантов и заигрывает с официантками в баре. И Дима — милый влюбленный Семеныч, бросившийся за ней в Зону, помогавший ей и оберегавший ее, ничего не требовавший взамен и довольствующийся просто фактом пребывания рядом с ней. Всего за неделю ей повезло обрести то, чего многие не могут добиться и за всю

жизнь. И сейчас Маша была счастлива. Настолько, насколько вообще может быть счастлива юная девушка.

— Едут, — тонко выкрикнул Дима.

Маша подскочила как ужаленная и тут же кинулась выглядывать из-за баррикады, за что схлопотала шлепок чуть пониже спины от Моти.

— Куда лезешь? Пулю схлопотать решила? А ну, марш на исходную! Дима, проводи и глаз с нее не спускай. И скажи профессору, чтоб на стрельбу внимания не обращали и заканчивали установку.

Он подождал, пока Маша и Дима скроются в шахте, перебежал в окопчик и обратился к Боцману:

— Твой выход, кэп. Шмальни-ка, только смотри не попади в них.

— Будь спок! Не первый раз замужем. — Боцман зарядил выстрел в подствольник, примерился и нажал спуск. Через секунду в десяти метрах впереди от головной машины вздыбилась земля, ГАЗон резко вильнул влево, проскакал несколько метров по кочкам и остановился. Из него мигом выскочили водитель с офицером и залегли в сухостое. Следовавшие за головной машины встали поперек дороги, солдаты высыпались из кузовов и в мгновение ока рассредоточились, занимая выгодные позиции для стрельбы. Но никто пока не стрелял в ответ. Хорошо это или плохо, Мотя пока сказать не мог. Ясно было одно: ребята воробьи стрелянные, на авось их не возьмешь.

— Пальнуть еще раз? Для острстки? — Боцман уже готов был дать следующий залп.

Мотя вопросительно посмотрел на Сюра. Здоровяк выглянул из своего укрытия, быстро окинул взглядом театр и кивнул. Раздался хлопок, а через секунду прогремел второй взрыв. На этот раз Боцман не рассчитал или у него дрогнула рука, и выстрел улетел немного дальше, взорвавшись позади автомобилей. В ответ получили шквал огня.

— Перестарались, бдя. — Боцман снова заряжал выстрел.

— Не высовывайся! — прокричал Сюр. — Моя очередь приглашать на вальс.

Он аккуратно выглянул из-за баррикады, затем отполз на пару метров назад, примерился и послал выстрел по навесной, прислушался к взрыву. Недовольно покачал головой... вторая попытка. На этот раз прогремело два взрыва — второй чуть глуше и с секундной задержкой. Сюр довольно улыбнулся и показал большой палец. Мотя привстал и увидел, что горит командирская машина, вернее, то, что было когда-то машиной с кунгом, а сейчас представляло собой груду покореженного железа.

— Здоров же ты, братец, отплясывать, — похвалил Мотя, — это ж какой глазомер надо иметь, чтоб так ввалить!

— Та не в глазомере дело, — Сюр сидел довольный, — это, брат, опыт. Его не пропьешь. Накрыть остальные?

— Обожди. — Мотя снова выглянул из-за бруствера и стал разглядывать поле боя через оптический прицел. Минуты две он водил стволом из стороны в сторону, задержался на том месте, где залег офицер, и наконец оторвался от окуляра. — Кажется, мы их убедили. Залегли намертво.

— Вот что вальс животворящий делает. — Боцман довольно улыбнулся. — Помню, как-то сидели мы вдвоем со взводным на высоте, и вот точно так же роту моджахедов мордой в землю держали. Но тогда проще было — с холма пустыня просматривалась лучше и естественных укрытий почти не было.

— Где это ты с моджахедами воевал? Неужто еще Афган успел пройти?

— Да так... в одной горячей точке, — махнул рукой Боцман. — Мало ли дятлов по миру шарится?

Тут из шахты выбежали «близнецы» Федя с Петей — глаза очумелые, волосы взъерошены, автоматы наизготовку. Выбежали и сразу же залегли за тележкой, готовые нести смерть всем врагам, а когда закончатся патроны — рвать оставшихся в живых зубами. Такой они имели грозный вид.

— Там все готово к переходу, — оглядевшись доложил Федя.

— Отлично! Хватай профа в охапку и тащи к аномалии. Петя, расскажешь сейчас, как подрывать. Мужики, — обратился он к Сюру и Боцману, — постерегите тут. Если рыпнутся — станцуйте с ними канкан, что ли.

Мотя не видел аспирантов в деле и не знал, насколько он на них может рассчитывать, поэтому использовать их не спешил. Он подождал, пока Федя снова скроется в шахте и перебежал сперва за тележку к Пете, а потом они по очереди запрыгнули в помещение, где размещался ноут, управляющий подрывом.

— Тут все просто. — Петя присел на корточки и стал водить пальцем по тачпэду. — Смотри, это программа лазера, это — управление взрывом. Когда лазер активируется, у нас будет три с четвертью минуты плюс-минус десять секунд на то, чтобы войти в аномалию. Потом она схлопнется. Лазер, кстати, после активации перехода можно выключить и забрать с собой, вещь нужная, да и дорогая, жалко будет, если его тут завалит. Время задержки взрыва надо установить на четыре минуты, чтоб гарантированно. Вот тут я установил задержку подрыва тротила на пятнадцать секунд после электромагнитного бадабума. Все понятно?

— Я не совсем чайник. Ладно, ступай к мужикам, поможешь, если что, а я смотаюсь к профессору.

Петя схватил автомат и выскочил на улицу, а Мотя побежал к аномалии.

6

Профессор заметно нервничал.

— Ну что там, — он шагнул навстречу приближающемуся Моте. — Все готово давно, чего медлим?

— Ну, это... мы, как бы, не можем незваных гостей одних оставить. Негостеприимно это. У кого второй лазер?

Сидящая на ящиках у стены Маша сняла кулон и передала его Моте.

— Значит, сделаем так — сейчас сюда прибежит Сюр, мы активируем аномалию и первым в нее войдет именно он. Там — Зона. Если кто полезет вперед, — он строго посмотрел на Диму, — оторву уши и скажу что так и было. И я не шучу. Ты прыгаешь сразу за ним и действуешь по обстановке. Если надо — стреляй во все, только в Сюра не попади. А впрочем, чего я тебя учу, ты и так все знаешь. Потом идет Маша, но немного выждав, секунд пятнадцать, чтобы ребята успели зачистить территорию, если понадобится. Профессор и Федя стоят здесь и ждут нас. Когда увидите нас — прыгайте, мы сразу за вами. Все понятно?

Все дружно кивнули.

— Вопросов нет? Вот и славно. Ждите.

Мотя рванул прочь. Но не успел он добраться до выхода, как на улице раздались выстрелы. Выскочив из здания, он увидел, что солдаты пошли на штурм. Перебежками от кочки к кочке, с грамотным прикрытием, они приближались к позициям сталкеров. Сюр попробовал парой выстрелов из подствольника накрыть атакующих, но навесом это было сделать сложно из-за близкого расстояния, а прямой наводкой нереально из-за шквального огня. Поэтому Боцман даже не стал тратить гранаты и отстреливался из-за баррикады, пытаясь прижать солдат к земле. Надо сказать, это у него слабо получалось, даже несмотря на помощь Пети, залегшего в окопе.

Мотя быстро оценил обстановку.

— Сюр, — позвал он здоровяка, перекикивая канонаду. — Сюр, твою дивизию! Бегом сюда!

Огромный сталкер ввалился в тесное помещение, зацепился ногой за ящик и растянулся на полу, чуть не сбив управляющий ноут на пол. Только его прекрасная реакция помогла избежать катастрофы — он успел придержать ноут рукой.

— Ах ты ж...! — Мотя не удержался от крепкого словца. — Бегемот в посудной лавке ты, а не сталкер!

— Бывает, — виновато протянул Сюр и переставил табурет, на котором размещался ноутбук, подальше от себя.

— Ладно, времени нет пилюли выписывать. Вот, держи кулон. Прыгнешь первым, осмотришься, уничтожишь любую опасность и наведешь лазер на аномалию. За тобой сразу прыгнет Семеныч, поможет, если что. Но чтоб через пятнадцать секунд у тебя там все было зачищено, потому что следом пойдет Маша! Все понятно? Тогда двигай к профессору и жди. Через две минуты я включаю программу.

Сюр убежал, а Мотя бросился на помощь отстреливающимся Боцману и Пете.

— Готовность две минуты! — прокричал он. — Отступайте в шахту, я прикрою.

Он перевел винтовку в режим стрельбы короткими очередями и принялся выцеливать офицера.

Если хочешь победить отряд — выведи из строя их командира. Убей, оглуши, лиши возможности отдавать приказы. Солдат без руководства и не солдат вовсе, а безмозглое существо и пушечное мясо, которое обязано выполнять любые приказы своих командиров. Ключевое слово — любые. Если окружили на улице гопники — вычисли их вожака и первым делом выруби его, остальные, скорее всего, струсят. Если тебя зажал вооруженный отряд — постарайся нейтрализовать командира. Не факт, что кто-то из солдат рискнет взять командование на себя. Психология, мать ее...

Долго ждать не пришлось. То ли офицер еще не обстрелянный был, то ли слишком самодовольный и решил покрасоваться перед подчиненными, но он пару раз высовывался по пояс из сухой травы и рассматривал позиции сталкеров в бинокль. Это было настолько глупо и непрофессионально, что Мотя от удивления первые два раза забыл выстрелить. А учитывая довольно грамотное поведение солдат, их умение рассредоточиваться по местности и вести накрывающий огонь, напрашивался вывод, что командир отдельно, а солдаты отдельно. Вернее — солдаты отданы ему под командование вот только что, буквально перед операцией.

Это одновременно упрощало и усложняло задачу. Упрощалась задача устранения офицера. Когда он в третий раз явил свой торс над травой, Мотя уже отудивлялся и ничто не мешало ему выжать спуск. Усложняло же ситуацию то, что, лишившись нового командира, солдаты станут действовать как привыкли. А коллективный разум можно уничтожить, только если ликвидировать две трети состава. Придется танцевать, как любят говаривать Сюр и Боцман.

Огонь стих, солдаты взяли паузу — видимо, решали, кому из них доверить командование. «Вот ведь идейные, а!» — подумал про себя Мотя. «В мое время чтобы кто-то из рядовых вот так лез под пули за просто так? Да... были люди... Не то что нынешнее племя».

Воспользовавшись передышкой, Мотя перебежал в строение, под укрытие стен и поближе к аппаратуре. К тому же в темном помещении с улицы его видно не было, а это значило, что у него было больше возможностей для маневра, хоть и сужало ему обзор. Ну да не беда, обзор сейчас не главное. Он проверил настройки программ, увеличил задержку тротилового взрыва и стал мысленно отсчитывать время.

Десять, девять, восемь... похоже, солдаты зашевелились... семь, шесть... Мотя дал две очереди по особо ретивым солдатам, попытавшимся слишком длинной перебежкой приблизиться ко входу. В одного попал... пять, четыре... пуля просвистела в нескольких миллиметрах от его виска. Мотя присел и потерял из виду стрелка, а отвечать наобум было не в его правилах. Он должен видеть цель... три... два... в проеме показался силуэт бойца, выстрел, силуэт исчез в свете улицы... один! Мотя уверенно нажал *enter*.

И только когда на экране побежали цифры таймера, отсчитывающего время до схлопывания аномалии, он сообразил, что оставлять ноут ни в коем случае нельзя, потому что тогда он станет добычей солдат и никакого взрыва не будет. Черт, что же делать? Вдруг в комнату из выхода в шахту ввалились «близнецы».

— Ты как? — спросил Петя. — Сюр и Семеныч уже прыгнули, профессор послал нас узнать, все ли у тебя в порядке.

— Не все, но объяснять некогда. Вы вот что... пожалуй, побудьте тут, поддержите оборону немного, мне надо профу кое-что передать. Я мигом.

Он быстро нырнул в выход в шахту и через несколько секунд был уже рядом с Титаренко.

— Молчи, нет времени объяснять. На вот. — Мотя достал из кармана пыльника знакомый профессору диск. — Маша, кажется, потеряла.

Он как-то странно посмотрел Титаренко в глаза, слишком пронзительно, как тому показалось, и легко стукнул кулаком в плечо.

— Прыгай, — приказал он. — Боцман, дожись «близнецов» и сразу ныряйте все вместе. Меня не ждите и не волнуйтесь. Я справлюсь.

Он шагнул к стalkerу, обнял его за плечи, резко развернулся и побежал к выходу.

Влетев в комнату, он обнаружил, что Петя лежит на спине, неестественно подвернув левую ногу, на его груди в районе сердца дыра от пули, а рядом сидит Федя и отстраненно смотрит в потолок. Недолго думая, он подскочил к нему и вlepил увесистую пощечину.

— Очнись, боец! Встать! Смирно! А ну подбери оружие!

Встряска подействовала, но не совсем так, как рассчитывал Мотя. Федя рукой закрыл другу глаза, поднялся с колен и подобрал автомат, но взгляд... взгляд его оставался безумным. Такие глаза Моте доводилось видеть в одной из точек, где ему пришлось побывать давно, в прошлой жизни. Так смотрели религиозные фанатики, с голыми руками идущие в бой против танков.

Мотя ничего не успел сделать. Федя с диким криком выскочил на улицу и дал очередь, вода стволом из стороны в сторону. У него закончился рожок и он даже умудрился его поменять и выстрелять еще примерно половину, прежде чем вражеская пуля разорвала ему голову.

— Боцман, — заорал Мотя, — «близнецы» мертвы! Уходи один! Я постараюсь взорвать вручную! Как понял?

В ответ донесся трехэтажный мат, но Мотя уже не слушал. Он дал очередь в проем, втащил тело Феде в комнату, выдернул провода из разъемов и стал лихорадочно бить по клавишам.

7

К тому времени, как из радужного провала вывалился профессор Титаренко, Маша уже успела прийти в себя и немного осмотреться. Они находились в небольшом прямоугольном зале с колоннами по периметру. В зале было два выхода, один из них был заложен кирпичом. Но не до конца. Дверь на втором проеме отсутствовала как класс. Что там, за проемом, не было видно — в зале было полутемно, сумрачный свет пробивался из каких-то отверстий под потолком. Окон в зале тоже не было. Несколько колонн уже не выполняли своих атланта-кариатидных функций — были либо разрушены, либо покосились. Стены были все в красных кирпичных проплешинах из-за осыпавшейся штукатурки, на полу валялись обломки кирпичей. Часть зала была перегорожена баррикадой из мешков с песком. Было видно, что когда-то тут шел бой, но это было очень давно. В пыли не было ничьих следов. Было понятно, что никто тут не появлялся уже очень долго.

Но все же сейчас Дима держал под прицелом открытый дверной проем. Так, на всякий случай. Сюр стоял напротив радужного провала и направлял на него Машин кулон. «Как бы батарейки не сели», — с опаской подумала Маша. Тут из провала и вывалился профессор.

— Черт, — ругнулся Титаренко, — такой удар по ушам. Перепад давления — штука тяжелая. Плывет все... Как у вас?

— У меня все нормально, а вот Машку пошатало немного, — откликнулся Сюр. — Как там?

— Там плохо, Сюр. Стреляют. Петя погиб. Сейчас должны Боцман и Мотя прибыть. Потом Федя подрыв зарядит и сюда прыгнет.

Раздался хлопок, и из радужного провала вывалился Боцман. Он отчаянно матерился, поминая рангоут, бегучий такелаж, стоячий такелаж и непременно находя каждому элементу сложное эротическое применение.

— Что?! Что случилось? Что-то с Мотей? — Маша почти кричала.

— С Мотей все нормально. Пока. А вот он, — Боцман, тяжело дыша, показал на профессора, — остался без аспирантов. У Феди крышу снесло. Совсем. В прямом смысле. Бом-блинда-рей этой солдатне в анальный юферс!

— Черт! Черт! — На профессора было жалко смотреть. — Впрочем, я всегда знал, что если и потеряю, то сразу обоих. Они друг без друга жить не могли, как сиамские близнецы были.

Он совсем понурился, присел на мешки. Замолчал, глядя в пол.

Машу же интересовал только Мотя.

— А когда Мотя сюда придет?

— Там Мотя сейчас с подрывом колдует. Постарается успеть сюда прыгнуть. Сидим, ждем, не дергаемся. — К Боцману возвращалась его привычная невозмутимость.

А профессора надо отвлечь, подумал Сюр. А то сорвется сейчас...

— Профессор, — позвал он. — Ты сказал, что прыгал во времени уже... Часто?

— Нет, — бесцветно произнес профессор, — один раз. Когда письмо отправлял. Тяжело это мне. А вот Мотя — несколько раз прыгал. Вам помогал, как я понял.

Профессор чуть оживился, полез в карман, достал и показал Маше такой знакомый SSD-накопитель.

— После того как консьерж тебе по кумполу засветил, Мотя его подстерег в подворотне, электро-шокером ткнул и диск вернул. Так что не пропал наш скорбный труд. Он еще два раза прыгал, больше не получилось. Аномалии «перезаряжаться» надо. Мало что можно сделать за 42 секунды, но он что-то делал там, рядом с вами, когда вы шли сюда. Помогал. Как — не знаю, не успел спросить. Придет — расскажет сам.

— Ну Мотя, ну молоток! — порадовался Сюр. — Всегда товарищам поможет! Как бы и сейчас чего не вышло, любит он рисковать не по делу ради дела... — Сюр немного смутился из-за неожиданного каламбура.

— Профессор, — включился в разговор Боцман, — а что ЗДЕСЬ произойдет, когда ТАМ все рванет?

Глава 17/1

1

— Честно говоря, я не могу точно сказать, — медленно проговорил профессор. — Скорее всего, произойдет нечто вроде ментального выброса. Все вокруг начнет меняться. С очень большой долей вероятности — совсем немного поменяется, и мы останемся в нашей ветке реальности. Или в очень близкой, где реальность лишь незначительно, для нас почти незаметно будет отличаться от нашей. И мы не встретим наших двойников, ничего подобного не будет.

— А с маленькой долей вероятности? — заинтересовался Дима от входа. Не опуская свой АКС-74У.

— А с маленькой долей — переместимся в параллельный нашему мир, в котором ответвление произошло давно. Этот мир будет отличаться от нашего. Там может быть все — и наши двойники, а может, кое-кто там не родится на свет. Не волнуйтесь, дорогу назад найти можно. Вот тут, — профессор показал SSD, — наше спасение. Инструкция, как прокалывать миры. Мотя ведь вам уже предложил стать сталкерами межмирья. Только построить машину надо, это займет несколько лет...

В этот момент радужный провал с громким хлопком исчез. Ударило по ушам.

— Черт! Мотя! Он не вышел оттуда. Если он все-таки взорвет аномалию... Готовьтесь...

И тут их накрыло. Это было похоже на какофонию всего — света, цвета, звука, гравитации. Перед глазами все кружилось и мелькало, в голове стучали тысячи там-тамов... Маша хотела было по привычке потерять сознание, но не получилось — глаза растопырились.

Какофония прекратилась. Помещение налилось кроваво-красным цветом, потом свет сменился на синий, затем яркая белая вспышка ослепила Машу, а когда к ней вернулось зрение, девочка увидела, что вокруг почти ничего не изменилось. Только пыль на полу какая-то другая. И кирпичи потемнее. Но, может быть, это просто показалось Маше. Голова кружилась от всех этих прыжков во времени и пространстве, вспышек и прочей физики. Остальные тоже сидели и оглядывались — кто на полу, кто на мешках.

— Кажется, мы вернулись, — первым не выдержал Сюр.

— Похоже на то, — профессор поправил очки, съехавшие набок, и осмотрелся. — Но я не стал бы утверждать так определенно. Обратите внимание на пол и стены.

Но Машу сейчас интересовало совсем другое. Она еще раз обвела взглядом присутствующих.

— А Мотя где?

— Моти тут нет, Машуль, — ласково отозвался профессор.

— Он... он... погиб, да? — Маша сама не заметила, как по щекам покатились первые слезинки.

— Может быть, и погиб. Но я полагаю, что Мотя не тот человек, чтобы погибнуть. Он наверняка что-нибудь придумал... Мы еще не знаем, где мы... Помнишь, что я говорил о вероятностях. Вероятность, что Мотя жив, — есть. А пока она есть — есть и надежда.

— Да, Мотя у нас живучий, — поддержал Сюр. Как-то не очень уверенно поддержал. И незаметно для Маши поглядел на профессора. Профессор так же незаметно покачал головой. Дал понять, что шансов нет. Боцман тоже все понял и тихонько вздохнул.

Маша задумалась про вероятности и не заметила обмена взглядами.

Зато эти взгляды заметил Дима. И пока Маша решала для себя, что будет надеяться до последнего, Дима встал, взял автомат наизготовку и двинулся обследовать выход. Сюр молча пошел за ним, сделав знак Боцману оставаться в зале.

Какое-то время ничего не происходило. Все молчали и думали о Моте.

Вернулись Дима и Сюр.

— Там все чисто, — сообщил Дима Профессору. — Следы есть, но чисто. Я ПДА проверил — мы в Зоне.

— А что на детекторе? — поинтересовался профессор, — аномалия на втором этаже видна?

Дима покачал головой.

— Это не показатель, — вставил Сюр. — Она и раньше не отображалась. Может, проверить?

— Вряд ли это что-то даст, — сказал профессор. — Аномалия — штука непредсказуемая, а мы по ней долбанули. Исследовать надо, но одному, без ребят, мне не потянуть... Надеюсь, Мотя сингулярность-таки грохнул... Эх, Мотя, Мотя...

Он понурился было, но, взглянув на Машу, опять сделал вид, что бодр и готов к действиям.

— Вот что. — Сюр резко повернулся. — Хватит Мотю обсуждать. Если жив — выберется и нас найдет. А нам надо выбирать тоже, вдруг кто на огонек сюда заглянет?

— Так что, на выход, значит? — Дима поднялся.

— Пусть профессор решает, он теперь у нас главный.

— Ну, какой из меня здесь командир, — удивился профессор. — Я теоретик, не практик. Пусть Дима командует, он из нас лучше всех Зону знает. Да и Мотя его проводником назначил бы... Мы говорили с ним о подобной ситуации.

У Димы челюсть отпала. Сама собой.

— Ну что же, — нехотя согласился Сюр. — Веди нас, Сусанин, извини, Семеныч.

2

Если вы думаете, что выйти из Зоны проще, чем войти, то вы глубоко ошибаетесь. На обратном пути вас подстерегают те же самые аномалии и монстры, бандиты и военные патрули. Они никуда не делись и, дойдя до цели, вы выполнили только малую часть задачи. Основная задача — выйти за Периметр живым. Очень многие сталкеры срезались на этом, считая задание выполненным, и все, что от них оставалось, — это крестики на картах, помечающие места их гибели. Невелика заслуга, оставить после себя только крестик, подписанный твоим даже не именем, а погонялом — кличкой, как у быка производителя какого.

Перед Димой стояла очень непростая задача — выйти самому и вывести с собой четверых людей. Непростая в первую очередь потому, что такая ответственность впервые легла на его плечи, а во вторую — он не имел права оплошать перед девчонкой. Дима скорее дал бы отрубить себе руку, чем потерять так нелегко завоеванный авторитет в глазах Маши. От него не укрылось то, как поменяла она свое к нему отношение после того, как профессор поручил ему, не огромному Сюру, не серьезному Боцману, а именно ему — Семенычу, выводить отряд из Зоны. И он в лепешку разобьется, но сделает это.

Семеныч... Дима, таял как шоколад на солнце, когда Маша так его называла с нежностью, как ему казалось, в голосе. Семеныч... Дима давно перестал обижаться на это прозвище, а после Мотиного поступка он даже им гордился, ведь именно Мотя так его назвал. Воспоминания о странном эксцентричном сталкере заставили его вновь загрустить и в который уже раз задаться вопросом — а смог бы лично он, Дмитрий Сидорович, пожертвовать собой? Не ради благополучия родных и близких, а ради чего-то абстрактного? И в который раз ответить — вряд ли. Как ни стыдно было ему признаваться в этом, но он бы не смог подорвать себя. И в который раз он позавидовал той силе духа, которую Мотя проявил.

Дима повел отряд на «Янтарь». На этом маршруте особо настаивал Титаренко, объясняя тем, что там все еще находился лагерь ученых, которые могут помочь ему связаться с Большой землей и вызвать эвакуацию, мол, все ученые — братья и друг друга не обманывают. Лично Дима в этом сильно сомневался и вообще высоколобых надменных зазнаек недолюбливал, но спорить с отцом девушки, которой симпатизировал, не решился. Он вовсе не собирался прекращать с ней общение после выхода из Зоны, и даже более того — уже прикидывал, куда он ее пригласит на первое свидание.

Он оглянулся удостовериться, все ли на месте, все ли в порядке, ну а заодно и лишний раз взглянуть на Машу. Подопечные были в порядке, об этом заботился шедший последним Сюр. Огромный сталкер был опытным бойцом, хоть и не очень удачливым сталкером, и на него можно было положиться — случись что, прикроет. Сразу перед ним вышагивал профессор. Уставший и мрачный, он еле передвигал ноги, постоянно спотыкался о кочки и неровности, и если бы не поддержка Сюра, обязательно зарылся бы носом в землю. Посредине, поводя стволом из стороны в сторону, шел основательный Боцман. Дима совсем недавно познакомился с этим мизантропом, но уже успел проникнуться к нему уважением и где-то даже полюбить. Ближе всех к Диме шла Маша. Стройная, спортивная, красивая. Даже мешковатый комбинезон не портил ее точеную фигурку. Она шагала легко, слегка пружиня ногами, как будто не было до этого беготни по пустыне, а еще до того — долгого похода по Зоне, а еще до того...

Маша шла, внимательно глядя себе под ноги, перепрыгивая ямы и колдобины в асфальте, взмахами рук помогая компенсировать инерцию рюкзака. Прямо как канатоходец. В какой-то момент она подняла глаза и взгляды их встретились. Какие же у нее красивые глаза! Большие и черные, озорные. Дима невольно залюбовался и тут же растянулся на

асфальте, оступившись. Маша рассмеялась, не обидно, а звонко и весело, но Дима все равно густо покраснел, резко вскочил и весь пунцовый двинулся дальше, уже не оглядываясь.

До «Янтаря» идти было всего чуть. Вскоре они перевалили через холм и в долине увидели лагерь ученых. Дошли. Дима даже облегченно вздохнул украдкой. Ему не хотелось показывать, как на самом деле он измотан. Даже удивительно, что он так устал, ведь переход прошел без приключений и напрягов, шли ровно и даже аномалии встречались нечасто. Все, чего он сейчас желал, так это завалиться на матрас и спать до тех пор, пока его не начнет тошнить от сна. СПАТЬ. До постели оставалось двести — двести пятьдесят метров контролируемого охраной лагеря пространства.

3

Их встречали наставленными стволами. Пришлось убрать оружие и последние метры идти с поднятыми руками.

— Боцман, ты ли это, пиратская твоя душонка? — навстречу им вышел плотный невысокий сталкер в форме «Долга». Судя по его поведению и тому, как слушались его жестов остальные охранники, — старший смены. — А мне докладывают, что в нашу сторону движется отряд неопознанных сталкеров, на вызовы не отвечают, с оружием. Чуть не отдал команду «на поражение». Было бы обидно тебя пристрелить.

— Не дожدهшься, Гном. Мне гадалка предсказала долгую жизнь. — Боцман опустил руки и вышел ему навстречу.

Они встретились примерно посередине, немного постояли, оценивающе оглядывая друг друга, утробно ухнули и крепко обнялись, как старые друзья, не видевшиеся много лет.

— Какими судьбами, старый ты бродяга? А ну повернись, дай тебя разглядеть. А растолстел как, на сталкерских-то хлебах. Да вы руки опустите, опустите, — махнул он продолжавшим стоять с поднятыми руками и снова обратился к Боцману: — А сказывали, что ты все бросил, купил шикарную яхту и в кругосветку отправился. Я даже обиделся на тебя, что меня с собой не позвал.

— Врут. Не накопил я пока на океанскую. Но мысль такая есть, врать не стану, и, если соберусь, про тебя не забуду, не переживай.

— Вот и добренько. — «Долговец» похлопал Боцмана по плечу. — Каким ветром к нам занесло? По делу, или мимо шли?

— Вон ему, — Боцман показал рукой на Титаренко, — к вашим яйцеголовым надо. Да и нам отдохнуть не помешает и морду помыть.

— Ну, если очень надо, то милости просим, только оружие придется сдать. У нас с этим строго.

Пришлось пройти в вагончик, исполняющий роль строжки, где розовощекий толстячок принял у них автоматы и сложил их в ящик, запер его на ключ и клятвенно заверил, что тут оружие будет в полной сохранности. Глядя в его бегающие глазки, Дима не очень в это поверил и с автоматом расстался неохотно. Только после всех формальностей их пустили на территорию лагеря.

Внутри высокого бетонного забора царил научный беспорядок. Везде, куда падал взгляд, были разбросаны ящики. Ящики большие и маленькие, деревянные и металлические, зеленые, синие, черные и серо-буро пошкрябанные, пустые и запечатанные. Все это ящичковое разнообразие ровным слоем покрывало пространство между контейнерами-мастерскими и ангаром, оставляя для прохода только узкие тропки. Капитальный ангар из стали и бетона располагался в центре базы и служил укрытием от выбросов, жилым помещением с кают-компанией как на корабле и исследовательской лабораторией.

Дима впервые был в научном лагере и осматривался с интересом, попутно подмечая и запоминая детали, как учил его дед — вдруг пригодится.

По двое прошли фильтрационный шлюз на входе в ангар и оказались в темном, едва освещенном тусклой лампочкой коридоре. Гном провел их в комнату отдыха, предложил

располагаться на любой из кроватей, показал, где удобства, предупредил, чтоб душем пользовались экономно, и увел профессора знакомить с местными учеными.

Не сговариваясь, первой в душ отправили Машу, а сами тем временем достали из рюкзаков остатки еды. Дима сгонял на кухню и притащил крепкого горячего чая на всех. Когда девчонка вышла, румяная и довольная, стол был уже накрыт и все дружно набросились на еду, начисто позабыв о профессоре, а когда вспомнили, было уже поздно.

После еды Дима разомлел, но все же нашел в себе немного сил сходить в душ. Когда он вернулся, Маша и Боцман уже крепко спали, а Титаренко сидел на кровати и о чем-то шептался с Сюром.

— Ну что, удалось связаться? — спросил юный сталкер.

— Синицына нет на месте, — вздохнул Титаренко. — Но мне профессор Белай обещал, что он попробует договориться со своим руководством и выбить для нас вертолет на завтра. Кстати, ветка реальности очень на нашу похожа. А может, и наша. Поздравлять или нет — пока не знаю...

— Опасно вертолетом, — возразил Дима. — Вон их сколько по Зоне покореженных лежит. Может, все же так дотопаем? Нам до Агропрома только дойти, а там я уже дорогу хорошо знаю.

— Мы все устали, да и дело не терпит отлагательств. Мы не можем терять ни минуты.

— Ага, не можем, — тихо пробурчал себе под нос Дима, — а сами сидеть тут намерены неизвестно сколько.

— Вы что-то сказали, молодой человек? — профессор то ли действительно не расслышал, то ли сделал вид.

— Нет, это я молюсь перед сном, — не моргнув глазом соврал Дима и полез под одеяло. Уснул он мгновенно.

4

Проснулся он оттого, что кто-то бесцеремонно сорвал с него одеяло. Ничего не соображая со сна, он подскочил, намереваясь наказать нахала, но был остановлен грубым толчком в грудь и снова оказался на кровати. Протерев глаза, он увидел, что в помещении полно солдат военной полиции и, судя по наставленным на него и его товарищей стволам, они шутить не намеревались.

— Ну что, граждане сталкеры, — в комнату вошел майор, светящийся самодовольством, — я так понимаю, что официального разрешения на посещение зоны отчуждения у вас нет? Прелестно, прелестно.

— Я официальное лицо, — Титаренко встал с кровати и полез в задний карман, — вот мои документы. А эти люди со мной.

Майор такого ответа, похоже, ждал, принял из рук профессора корочку Академии наук Украины и сложенный вчетверо листок с подписями и печатями, дающими право на посещение Зоны.

— Качественная подделка, — он спрятал документы в нагрудный карман, даже не посмотрев их, — еще пять лет за подделку документов вам гарантировано.

— Да как вы смеете? — взвился Титаренко. И решил напугать. — Да вы хоть представляете, на какую организацию я работаю? Один мой звонок — и вы всю оставшуюся жизнь будете канавы копать отсюда и до обеда.

Майор лишь мельком взглянул на одного из солдат и слегка кивнул головой. Солдату этого было достаточно, и он отточенным движением ткнул прикладом профессора в грудь, тем самым заставив его сесть обратно и замолчать.

— В следующий раз он проломит тебе череп, — скучающим голосом сказал майор. — Разбираться будем в комендатуре, граждане нарушители. Вы все арестованы, — он обвел взглядом каждого из сталкеров. — Вам предъявляется обвинение в несанкционированном проникновении в зону отчуждения. Все что вы скажете — бла-бла-бла и прочая чушь. От себя добавлю: один пук — и получите пулю в лоб. Кравчук, пакуй клиентов.

Он развернулся и вышел из комнаты, а солдаты под командованием прапорщика Кравчука сноровисто заковали профессора и его спутников и повели на выход. В коридоре стоял какой-то плюгавенький очкарик лет тридцати — тридцати пяти и переминался с ноги на ногу, нервно щелкая костяшками пальцев рук.

— Коллега. — Титаренко потянулся к нему, насколько это позволяли дюжие солдаты, державшие профессора под руки, скованные за спиной наручниками. — Ну вы-то им объясните, что вышла какая-то дикая ошибка.

— Какой я вам коллега? — взвизгнул очкарик и затоптался еще больше. — Вы преступник, вам место в тюрьме!

Внезапное озарение заставило Титаренко замереть, но долго стоять столбом ему не дали и, подталкиваемый конвоирами, он вошел в шлюз, бросив через плечо:

— Так это ты, гадюка, нас сдал?

На пустыре за воротами базы стоял с работающими винтами огромный транспортный вертолет, создавая вокруг себя небольшой ураган. Ворота лагеря были распахнуты и по обе стороны прохода стояла охрана базы, создавая подобие живого коридора. Последним вели Боцмана. Когда он проходил мимо Гнома, их взгляды встретились.

— Ну, ты же понимаешь, Боцман, — развел руками начальник охраны, — я не мог поступить иначе. Долг есть долг.

5

Дело № 2-26/2013

Именем Украины

г. Иванков, Киевской области, 31 октября 2013 года

На основании изложенного и руководствуясь ст. 263, 267 и 273 УК Украины, суд приговорил:

Сурикова Дмитрия Николаевича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 267, ч. 1 ст. 263 и ч. 1 ст. 273 УК Украины и назначить ему наказание в виде лишения свободы сроком 3 года с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Василенко Владимира Николаевича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 267, ч. 1 ст. 263 и ч. 1 ст. 273 УК Украины и назначить ему наказание в виде лишения свободы сроком 3 года с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Титаренко Сергея Сергеевича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 267, ч. 1 ст. 263 и ч. 1 ст. 273 УК Украины и назначить ему наказание в виде лишения свободы сроком 3 года. За преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 358 УК Украины, назначить ему наказание в виде лишения свободы сроком 5 лет. На основании ч. 2 ст. XX УК Украины окончательное наказание назначить путем поглощения более строгим в виде лишения свободы сроком 5 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Сидоровича Дмитрия Александровича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 267, ч. 1 ст. 263 и ч. 1 ст. 273 УК Украины и, принимая во внимание возраст подсудимого, назначить наказание в виде лишения свободы сроком на три года условно.

Титаренко Марию Сергеевну признать виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 267, ч. 1 ст. 263 и ч. 1 ст. 273 УК Украины и, принимая во внимание возраст подсудимой, назначить наказание в виде лишения свободы сроком на три года условно.

Приговор может быть обжалован в апелляционном порядке в Киевском областном апелляционном суде в течение 15 дней со дня его провозглашения.

Глава 17/2

1

— Честно говоря, я не могу точно сказать, — медленно проговорил профессор. — Скорее всего, произойдет нечто вроде ментального выброса. Все вокруг начнет меняться. С очень большой долей вероятности — совсем немного поменяется, и мы останемся в нашей ветке реальности. Или в очень близкой, где реальность лишь незначительно, для нас почти незаметно, будет отличаться от нашей. И мы не встретим наших двойников, ничего подобного не будет. Это пока совсем непонятно. Мы как будто идем под водой по дну и готовимся выйти на берег. Что на берегу — мы не знаем. И вот мы достигли берега. Со стороны дна. Берега дна, если так можно сказать. Выныриваем — и видим все что угодно: пальмы или лед, фьорды или песок... Но с большой долей вероятности увидим свой дом, свой мир, свою Зону...

— А с маленькой долей вероятности? — заинтересовался Дима от входа. Не опуская свой АКС-74У.

— А с маленькой долей — переместимся в параллельный нашему мир, в котором ответвление произошло давно. Этот мир будет отличаться от нашего. Там может быть все — и наши двойники, а может, кое-кто там не родится на свет. Не волнуйтесь, дорогу назад найти можно. Вот тут, — профессор показал SSD, — наше спасение. Инструкция, как прокалывать миры. Мотя ведь вам уже предложил стать сталкерами межмирья. Только построить машину надо, это займет несколько лет...

В этот момент радужный провал с громким хлопком исчез. Ударило по ушам.

— Черт! Мотя! Он не вышел оттуда. Если он все-таки взорвет аномалию... Готовьтесь...

И тут их накрыло. Это было похоже на какофонию всего — света, цвета, звука, гравитации. Перед глазами все кружилось и мелькало, в голове стучали тысячи там-тамов... Маша хотела было по привычке потерять сознание, но не получилось — глаза растопырились.

Помещение налилось кроваво-красным цветом, яркая вспышка ослепила Машу, а когда к ней вернулось зрение, она увидела, что ничего не изменилось. Остальные тоже сидели и оглядывались — кто на полу, кто на мешках.

— Кажется, мы вернулись, — первым не выдержал Сюр.

— Похоже на то, — профессор поправил очки, съехавшие набок, и осмотрелся. — Похоже, мы в нашей реальности, друзья. Обратите внимание на отпечатки подошв. Вот мои, вон Дима прошел, а вот самые маленькие, Машины.

Но Машу сейчас интересовало совсем другое. Она еще раз обвела взглядом присутствующих.

— А Мотя где? — Она оглядела потупившихся отца и сталкеров.

— Кажется Мотя остался там, в прошлом, — ответил Титаренко.

— Он... он... погиб, да?

— Не обязательно. Он мог попытаться уйти в другое время, мог остаться там.

— Да, — поддержал Сюр. — Он выкрутится. Он всегда выкручивается.

Но Маша, заглянув ему в глаза, поняла, что сталкер сам не верит в то, что говорит. В поисках поддержки она полными слез глазами взглянула на Диму, но тот отвел взгляд, поднялся с ящика, на котором сидел с момента вспышки, и заглянул в коридор с лестницей, ведущей куда-то наверх. Осторожно, на полусогнутых ногах двинулся по ней.

Какое-то время ничего не происходило. Маша утирала случайные слезы, размазывая их тыльной стороной ладони по грязным щекам. Боцман топтался рядом, не зная, как успокоить девочку.

Вернулся Дима и сразу же направился к профессору с Сюри, которые о чем-то шептались, присев на ящики возле заложённого кирпичом проема.

— Там все чисто, — вполголоса доложил он обстановку, но Маша его слышала. — Следы есть, но чисто. Я ПДА проверил — мы в Зоне. Мне сообщений от деда в ящик насыпалось... волнуется.

— А что на детекторе? — поинтересовался Сюр, — аномалия на втором этаже видна?

Дима покачал головой.

— Хотя не показатель, — сталкер потерял ус. — Она не отображалась, еще когда мы в нее ныряли, так что и не знаю даже, что делать. Проверить, может?

— Не думаю, что проверка что-то даст, — вступил профессор. — Я тут немного прикинул, и выходит, что если аномалия-«матка» уничтожена, то все производные от нее тоже исчезнут.

— А у Моти в таком случае будет шанс оттуда выбраться? — понизив голос до шепота, спросил Дима.

— Никаких.

— Вот что, братцы-кролики, — Сюр резко поднялся, — хватит Мотю обсуждать. Если жив — выберется и нас найдет. А вот чтобы он нас долго не искал, пора нам отсюда ноги делать, не ровен час, «монолитовцы» нагрянут.

— Так что, на выход, значит? — Дима поднялся.

— Пусть профессор решает, он теперь у нас главный.

— Ну какой из меня здесь командир? — удивился профессор. — Я теоретик, не практик. Пусть Дима командует, он из нас самый опытный бродяга. Да и Мотя его проводником назначил бы...

У Димы челюсть отпала. Сама собой.

— Ну что же, — согласился Сюр. — Веди нас, Сусанин, извини, Семеныч.

2

Дима повел отряд не через «Янтарь», как настаивал Титаренко, а через «100 рентген». Во-первых, так было безопаснее. Он не раз хаживал с заданиями деда мимо владений Бармена и знал каждую тропку, каждую кочку на пути между Рыжим лесом и баром. На «Янтаре» же Сидорович никакого интереса не имел и внука туда не посылал. Дима чувствовал себя ответственным перед Мотей за жизнь этих людей и не мог его подвести. А во-вторых — личный интерес. Такой симпатичный черноглазый интерес. Если он, вопреки своим опасениям, выведет Машу и ее отца из Зоны без приключений, то его шансы на взаимность возрастут многократно. И он твердо был намерен сделать все возможное, чтобы свести риск к нулю.

В бар они вошли мрачнее тучи, и по их кислым физиономиям читалось многое, поэтому по дороге никто с расспросами не приставал, только местные дурачки пытались улюлюкать вслед, но Боцман посмотрел на них взглядом, не предвещавшим ничего хорошего, и они заткнулись, поперхнувшись. Бармен все понял, как только они вошли, без лишних слов провел к свободному столику и кивком головы отправил к ним официанта с бутылкой водки и пятью стаканами. Пили молча, не чокаясь, поминая Мотю, Транца и «близнецов», а потом так же молча разбрелись по комнатам.

Утром Дима, проснувшийся раньше всех, сбегал на кухню и принес прямо в номера завтрак из пяти омлетов с беконом, гренок и кофе. Наскоро перекусив, отряд кратчайшим путем выдвинулся в сторону Периметра. Юный сталкер еще в Лиманске решил, что выходить будет в полукилометре от основного КПП. Там в одном месте лес практически вплотную подступал к «колючке» и бетонному ограждению, возведенному после очередного разрастания Зоны. Строили на скорую руку, лишь бы какую преграду возвести, а

оттого плиты были свалены одна на другую не совсем ровно. Волны мутантов, подгоняемые гоном, разбивались об этот волнорез и погибали под шквальным пулеметным и зенитным огнем, пытаясь эту преграду обогнуть. Дима же давно приметил, что по плитам можно достаточно просто вскарабкаться наверх мура и незамеченным со стороны блокпоста выйти из Зоны. Он берег этот выход на всякий случай, и вот пришло время им воспользоваться.

— А нас автоматика не накроет? — поинтересовался Сюр, когда отряд вышел на опушку леса и затаился под прикрытием деревьев в семи метрах от «колючки» и в десяти от бетонной стены, отделявшей их от нормального мира. — А то мы вон когда входили, нас едва не покрошило в капусту из крупнокалиберного.

— Тут автоматику нельзя ставить — патрули. — Дима внимательно приглядывался к ближайшим подходам слева и справа. — Прямо поверху шастают. Я засекал как-то — каждые 15 минут проходят два автоматчика и один с ручным пулеметом.

— Так может, пока никого не видать, перепрыгнем заборчик? — подал идею Боцман.

— Нельзя так! — Дима перешел на громкий шепот. — Видишь вон там, — он показал пальцем вправо, туда, где ограждение делало поворот и уходило по наклону вниз, — бетонка поворачивает? Там для нас мертвая зона. А что, если патруль как раз идет в этом месте? Вот пройдут, тогда и полезем.

— Тебе виднее, — согласился Боцман и улегся за густым, неестественно зеленым для этого времени года кустом и закрыл глаза. — Разбудите меня, когда патруль пройдет.

Сюр осуждающе посмотрел на друга, покачал головой, но ничего не сказал. Не отмычка чай, должен понимать, что расслабляться до выхода из Зоны нельзя, даже если ты всего в десятке метров от Большой земли. Пусть здесь не кишат кишмя мутанты всех мастей, как в центре, пусть аномалии не встречаются на каждом шагу, но пока ты не вышел за Периметр, ты все еще не в безопасности.

«Как-то странно этот рейд прошел», — подумал Сюр. Что-то он в них изменил. Что, здоровяк пока не мог сказать, но чувствовал — он уже не тот. «Как будто оборвалась одна струна, а на пяти аккорд уже не тот, не тот цимес. Высосала радость из души Зона, а усталость накачала. Смертельную усталость. Водки хочется...»

Через восемь минут Дима предупреждающе кашлянул, и все затаились. Со стороны поворота по плитам в сторону КПП неспешно прошли трое солдат. Наметанным глазом Сюр сразу определил — сержант и два духа. Немного выждав, не больше двух минут, Дима шепотом объявил готовность, мысленно перекрестился и первым побежал к «колючке», на ходу снял с пояса штык-нож, быстро перерезал нижние ряды проволоки и махнул рукой. Сюр побежал вместе с Машей, поднырнул под проволоку и помог девчонке забраться на плиты, затем принял вещи и огляделся. Вроде все чисто. С пятиметровой высоты не открывался вообще никакой вид, потому что лес подходил почти вплотную к Периметру и со стороны Большой земли место под контрольно-следовую полосу еще не успели расчистить. Тем лучше, никто пересечения Периметра и не заметит.

Последним ловко, словно мартышка, на стену влез Дима и тут же полез в рюкзак за веревкой и «кошкой».

— Надо, чтобы кто-нибудь страховал снизу профессора и Машу, а я сверху придержу.

Первым полез Сюр, как самый большой, принял внизу Машу и профессора, Боцман от поддержки отказался и следом уже спустился Дима. Он отцепил хитрым движением «кошку», повернулся спиной к Зоне и из его горла вырвался вздох облегчения.

— Дошли!

— Куда теперь? — спросил Боцман, глядя на профессора. — В контору или сначала в «Поросята» заглянем?

— В какие поросята? — не понял Титаренко. Они вышли наконец из этой чертовой Зоны и профессор начал обретать былую солидность. Не прошло и двух минут, как он слез с бетонной стены, а в голосе уже прорезались начальственные нотки. — Я думал сперва заглянуть в Институт и дать о себе знать кое-кому.

— «Поросятами» мы «Три парсека» называем, — объяснил Сюр.

— А, нет, ребята. Я сначала должен сообщить «куда следует» о своем возвращении. Бар подождет.

— Тогда давай оружие сюда, мы его припрячем и будем ждать тебя в баре — знаешь, где он?

Профессор кивнул и выразительно посмотрел на Машу.

— Зачем тебе девчонка в институте? Дай ребенку расслабиться, от Зоны отойти, она же не железная, в самом деле. Пусть с нами вдет.

— Хорошо, — легко согласился Титаренко. — Дима, покажешь, куда идти?

— Пришли уже! — раздался высокий скрипучий голос и из-за деревьев выскочили семеро военных с автоматами, нацеленными на сталкеров. Следом за ними появился низкий толстый офицер в чине майора.

— Попрошу ваши документки.

3

— Итак, продолжим. Что вы делали на территории зоны отчуждения?

Майор помешал чай в стакане с металлическим подстаканником, попробовал на вкус, сыпанул еще ложку сахара и принялся методично его размешивать. «Сериалов про „кровавую гэбню“ насмотрелся, — подумал профессор. — Вот псих. Лампу в глаза направил, чаек в стакане калапуцает, повадки с какого-то актера копирует — фамилию запомнил».

Допрос продолжался второй час после того, как Титаренко несколько часов промариновали в одиночке, не дав возможности переговорить с Машей и сталкерами. Сколько он ни стучал в дверь, сколько ни требовал адвоката и конституционного права на один телефонный звонок, внимания к своей персоне так и не привлек. А когда он, утомившись, задремал на жестких нарах, дверь открылась и двое дюжих охранников вновь отвели его в кабинет к Весельчаку, как мысленно окрестил профессор следователя. Уж больно тот был похож на мультяшного пирата. И вот уже два часа Весельчак с настойчивостью барана, долбящего лбом закрытые ворота, допрашивал Титаренко, и достал уже настолько, что профессор был готов вцепиться толстяку в горло, чтобы не слышать этого премерзейшего скрипучего тенорка.

— В который раз повторяю — я был там с официальной научной экспедицией. Документы, это подтверждающие, я вам предоставил еще во время задержания.

— Почему вы тогда вышли не через КПП, как это делают официальные научные экспедиции, а перелезли через заграждение? Заодно может, объясните, почему в составе группы присутствуют совсем не те люди, которые указаны в документах?

— Я вам уже тысячу раз объяснял. Дайте мне позвонить — и все разрешения на мою группу через час будут вам предоставлены. А выходили подобным образом потому, что ситуация была нештатная.

— Ничего, голубчик, повторить никогда не лишне. Так что вы говорите, позвонить вам дать? А куда, позвольте узнать, вы станете звонить? Своим сообщникам?

— Господи, да каким сообщникам? Вы нарочно придуриваетесь, что ли, господин майор?

— Пан... называйте меня «пан майор». И я не советовал бы вам так нервничать и оскорблять меня. Я человек мирный — мухи не обижу, но могу позвать старшину Свинцова, он существо недалекое и предпочитает душевному разговору дело. Как вам такой вариант?

— Пугать вздумали? — Титаренко если и испугался, то никак этого не показал.

— Господь с вами, я всего лишь предупреждаю, что вас ожидает, если вы будете упорствовать и отказываться сотрудничать.

— Наша сказка хороша, начинай сначала... — пробормотал себе под нос Титаренко, так, чтобы майор его не расслышал. — Мне нечего больше вам сообщить.

В эту минуту приоткрылась дверь и в щель просунулась голова посыльного солдата.

— Что надо? — неожиданно грубо рявкнул на него майор.

— Вам приказано срочно подойти на пульт, — виновато пробормотал солдат.

— Кто?

— Не могу знать. Меня дежурный послал, сказал, чтоб бегом.

— Бегом? Вот я ему покажу «бегом»! Он у меня сейчас марш-бросок с полной выкладкой побежит. Совсем обнаглели!

Майор резко поставил недопитый чай на стол, приказал охранникам следить за профессором и засеменил по коридору, на ходу отчитывая посыльного.

Вернулся он через десять минут уже не такой самоуверенный, достал из ящика стола документы, отобранные им при задержании, и положил перед профессором.

— Извините, Сергей Сергеевич, неувязочка вышла. Можете идти. Ваших людей сейчас тоже отпустят.

Титаренко долго уговаривать не пришлось. Схватив документы и спрятав их во внутренний карман, он торопливо вышел из кабинета, неразборчиво буркнув на прощанье «спасибо». На улице его уже ждали Маша и сталкеры.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил Сюр. — Оружие отдали, рюкзаки отдали, все вещи и артефакты на месте.

Профессор только и смог, что в ответ развести руками.

— Коллеги, а давайте мы не будем тут торчать? — встрял Боцман. — А то неудобно как-то.

— Это верно. — Сюр подхватил рюкзак. — Пойдем в «Поросят»?

Все вопросительно посмотрели на Титаренко, он немного подумал и кивнул.

— А ладно, позвоню оттуда. Все равно кушать хочется.

4

— Это мы, конечно, слегка забурели, с оружием в бар заперлись. — Боцман огляделся. — Народ вон коситься начинает. Куда бы его спрятать?

«Три парсека», как и любой популярный бар, наполнялся под вечер, а потому, когда сталкеры, ведомые Сюром, спустились по лестнице в холл, они обнаружили, что в баре негде яблоку упасть. Уставшие от дневных дел сталкеры и барыги, военные и ученые пили и закусывали, травили байки, решали недоделанные днем дела, пели песни и били друг другу морды, в общем — развлекались кто во что горазд. Но, несмотря на всю свою популярность, бар оставался небольшой уютной забегаловкой, а не обрастал помещениями, как культурист мускулами, ради того, чтобы вместить всех желающих. Хозяев вполне устраивал нынешний его объем, ведь основную прибыль ему приносили не кухня и выпивка, а те дела, которые решались конфиденциально в кабинетах. В «Трех парсеках» не был оборудован даже полноценный гардероб, и сталкерам пришлось пробираться в подсобку через весь зал с оружием в руках под пристальными взглядами посетителей.

— Надо Диану найти, про Мотю ей сообщить, — перекрикивая шум, предложил Сюр, когда вещи были сложены в углу подсобного помещения за барной стойкой. — Попробуйте из кабинетов выкинуть кого-нибудь, а я ее пока поищу.

— Давай из «Мотиного» кабинета народ выкинем? — предложил Боцман. — Имеем право сегодня. Да и Транец любил там посидеть...

— Делай как знаешь, — кивнул здоровяк и скрылся в коридоре, ведущем к кабинету хозяина.

Боцман по-боксерски размял шею, чуть наклонил корпус вперед и, ловко работая локтями, направился к дальнему кабинету, который так любил Мотя. Маша, Дима и профессор двигались за ним, как караван кораблей двигается за ледоколом. Он решительно откинул полог, намереваясь без лишних объяснений выкинуть хоть Папу Римского, взбреди тому в голову выпить в кабинете «Трех парсеков», и замер как вкопанный. Замер настолько резко, что идущая следом за ним Маша не успела среагировать и уткнулась ему в спину.

— Что, что там такое? — она пыталась из-за широкой спины сталкера разглядеть, что же заставило Боцмана застыть как статую.

— Вот же гад везучий! — вдруг заорал Боцман, сорвался с места и кинулся обнимать кого-то, кого Маша рассмотреть не могла, сидящего на диванчике возле кальяна. Сзади напирали Дима и Титаренко, которые, похоже, разглядели посетителя.

— Кто там? — Маша больно ткнула Диму в бок.

— Да Мотя же! — ответил юный сталкер и ужом проскользнул между Боцманом и диванчиком.

Маша сперва даже не сообразила, о каком Моте идет речь, а когда до нее дошло, она с визгом бросилась расталкивать мешающих ей сталкеров, прорвалась и повисла на шее у того, с чьей гибелью она уже смирилась. Почти смирилась.

— Ну-ну, Машенька, — Мотя погладил ее по голове, — не надо плакать, все обошлось, я живой и книга, которую я обещал, от тебя никуда не денется. Все нормально. Пусти, задушишь ведь.

Но отпустить вновь обретенного друга Маше было не так легко. Слезы ручьями катились по щекам, и она вновь стеснялась плакать прилюдно.

Когда Сюр, так и не разыскавший Диану, прошел через полог, профессор, Дима и Боцман уже перестали обнимать Мотю и пили пиво, ожидая рассказа о том, как тот спасся. Диме пива не разрешили, поэтому ему пришлось довольствоваться гранатовым соком. Маша отпускать Мотю не захотела и сидела, прижавшись щекой к его плечу. Сцена радостных объятий повторилась, и, когда наконец все расселись, Мотя приступил к рассказу:

— Погибли Петя и Федя... А я не мог поставить таймер на подрыв тротила. Иначе аномалию не завалило бы и мы оставили бы ненужные следы в прошлом. А рисковать получить «эффект бабочки» очень не хотелось. Вот я и подумал — а что, если прыгнуть за секунду до взрыва? Тогда у меня было два варианта: либо я исчезну вовсе, либо останусь в том времени, ведь затягивать обратно будет нечему, сорок две секунды становятся неактуальны. Рассчитывать время было уже некогда, пришлось воспользоваться настройками, которые мы с Петей прикидывали, когда я прыгал нам на помощь. Выбрал ближайшие к моменту вашего прыжка — и вот я здесь, разыскал Синицына, сижу уже третий день в баре и жду вас.

Он, довольный, откинулся на спинку, глубоко затянулся из кальяна и потрепал Маше челку.

— Так это Синицын нас из каталажки вытащил? — громко спросил Титаренко. — А я голову ломаю, чего это вдруг нас отпустили.

— Он вернулся из Японии еще позавчера и тут же примчался в Дитятки, вызвонил меня и убежал «дергать за рычаги», чтоб вас не особо долго мариновали. Мы же не знали, где и как вы будете Периметр пересекать.

— Да, напрыгался ты по разнесенным временным точкам... И, если я правильно понимаю, даже сам себе помог пару раз?

Мотя кивнул.

— И никаких тайм-шифтингов не случилось! Мы явно в нашей ветке. Ну, или почти в нашей. — Профессор, после того как подлечил нервы бокалом темного «Манчестер эля», не мог удержать свою академическую сущность и не начать интересоваться научной стороной вопроса.

— Как видишь.

— У тебя ведь был шанс улететь черт знает куда и погибнуть... Помнишь параметры перехода? Надо бы тебя в институт завтра затащить...

— На опыты? — перебил Титаренко Боцман. — Бля, коллега, все живы и здоровы, перспективы есть, бабки будут — чего тебе еще неймется? Пей свой эль и радуйся жизни.

— Вот это точно, — поддержал его Сюр, поднимая свой бокал. — За Зону! За нашу кормилицу!

— И пусть никто не уйдет обиженным, — поднимая бокал с соком, пробормотал Дима, но его никто не услышал.

КОНЕЦ

Глава 17/3

1

— Честно говоря, я не могу точно сказать, — медленно проговорил профессор. — Скорее всего, произойдет нечто вроде ментального выброса. Все вокруг начнет меняться. С очень большой долей вероятности — совсем немного поменяется, и мы останемся в нашей ветке реальности. Или в очень близкой, где реальность лишь незначительно, для нас почти незаметно, будет отличаться от нашей. И мы не встретим наших двойников, ничего подобного не будет.

— А с маленькой долей вероятности? — заинтересовался Дима от входа. Не опуская свой АКС-74У.

— А с маленькой долей — переместимся в параллельный нашему мир, в котором ответвление произошло давно. Этот мир будет отличаться от нашего. Там может быть все — и наши двойники, а может, кое-кто там не родится на свет. Не волнуйтесь, дорогу назад найти можно. Вот тут, — профессор показал SSD, — наше спасение. Инструкция, как прокалывать миры. Мотя ведь вам уже предложил стать сталкерами межмирья. Только построить машину надо, это займет несколько лет...

В этот момент радужный провал с громким хлопком исчез. Ударило по ушам.

— Черт! Мотя! Он не вышел оттуда. Если он все-таки взорвет аномалию... Готовьтесь...

И тут их накрыло. Это было похоже на какофонию всего — света, цвета, звука, гравитации. Перед глазами все кружилось и мелькало, в голове стучали тысячи там-тамов... Маша хотела было по привычке потерять сознание, но не получилось — глаза растопырились. И Маша увидела, как помещение начало меняться. Как в компьютерном морфинге, формы перетекали одна в другую — иногда медленно, иногда рывками.

Колонны обрастали штукатуркой и побелкой. Мешки с песком исчезали, и Маша даже почти засмеялась, когда Боцман, сидевший на таком мешке, опрокинулся на спину. На полу вырастал, в буквальном смысле вырастал, как трава, паркет. Стены покрывались обоями. Из пустоты с треском появлялись на полу стулья. Вместо заложенной кирпичом двери как призрак материализовалось небольшое возвышение, с кафедрой, обтянутой зеленым сукном, посередине. Затем на подиуме образовался длинный стол, также обтянутый зеленым сукном. На столе всеми цветами радуги засиял, отражая световую какофонию, высокий графин. Вида графина Машино сознание почему-то перенести не смогло, и она все-таки грохнулась в обморок. Как выяснилось чуть позже — не она одна.

* * *

— Маша, очнись! — услышала Маша Димин голос и почувствовала, что ее трясут за плечи. И очнулась. Открыла и уставилась в потолок, сияющий люминесцентными лампами. Потолок был свежепобеленный.

Маша привстала, закутила головой. Они находились все в том же зале с колоннами. Но сейчас это были не захламленные полуразвалины, а нечто вроде зала заседаний. На возвышении — стол и кафедра, в зале ряды стульев. Как актовый зал у них в школе, только поменьше.

Остальные тоже сидели и оглаживались — кто на полу, кто уже на стульях.

— И где это мы? — первым не выдержал Сюр.

Но Машу сейчас интересовало совсем другое. Она еще раз обвела взглядом присутствующих.

— А Мотя где?

— Моти тут нет, Машуль, — ласково сказал отец.

— Он... он... погиб, да? — Маша сама не заметила, как по щекам покатились первые слезинки. Ведь она уже знала ответ.

Но она не угадала.

— Может быть, и погиб. Но я полагаю, что Мотя не тот человек, чтобы погибнуть. Он наверняка что-нибудь придумал...

— Да, Мотя не тот человек, чтобы себя подрывать, как Павлик Морозов, — поддержал Сюр. — Он выкрутится. Он всегда выкручивается.

— Павлик Морозов себя не подрывал, — вставил Боцман, — ты перепутал.

— Ну там, может, и не подрывал, а здесь — кто знает? — заупрямился Сюр.

— Где здесь?

— Ну, тут, куда мы попали... Мы же в параллельном мире, да?

— Похоже, — подключился профессор.

— Ну, вот и...

— А где же тогда Мотя? — Маша не позволила съехать с темы.

— Где-нибудь. Во времени и пространстве. Может, здесь, может, в соседней ветке. Найдется как-нибудь, не волнуйся, — бодрым голосом сообщил профессор.

Маша так обрадовалась, что Мотя жив, что не заметила, какими взглядами обменялись профессор и сталкеры. В этих взглядах не было надежды. Они просто подбадривали Машу. И немного себя.

Зато эти взгляды заметил Дима.

Он поднялся и пошел к единственной входной двери — тяжелой, дубовой. Прислушался. Тихо. Подергал за медную ручку — дверь была заперта. Вернулся, сообщил:

— Ничего не слышно. И ПДА ничего не показывает. Вообще.

— Может, сломался?

— Вряд ли. Ну, а что дальше делать-то будем?

— Пусть профессор решает, — Сюр кивнул в сторону Титаренко, — он теперь у нас главный. По старшинству.

— Ну какой из меня здесь командир, — удивился профессор. — Я скорее балласт. Точнее, ценный груз — ибо от меня в будущем будет многое зависеть. В том числе и деньги. Так что даю первое и последнее указание. Здесь и сейчас командиром будет Сюр. А по Зоне нас поведет... Семеныч!

У Димы челюсть отпала. Сама собой.

— Что? — вскинулся Сюр. — Этот мелкий? По Зоне?

— Остынь, Сюр... — поддержал профессора Боцман. — Семеныч лучше нас с тобой вместе взятых Зону знает. Да и Мотя был бы готов его за старшего в Зоне оставить. Он мне сам так говорил... Лучше, раз уж ты у нас «зам по боевой», командуй, что дальше делаем?

— Как — что? Ломаем дверь и разбираемся на месте. Мы с тобой впереди, Семеныч — прикрывает тыл. Титаренки — сидят здесь, пока мы не разведем обстановку. Маша — пали из дробовика во все, что движется. Только не в нас.

Повернулся и пошел к дверям.

2

Голос у Оксаны Ивановны был зычный и глубокий. Виктория Леонидовна немного завидовала такому голосу. Даже когда Оксана Ивановна начинала досаждать своими громкими рассказами о том, какие сволочи соседи, Виктория Леонидовна не раздражалась. А слушала голос как музыку. Тем более что сейчас они находились в комнате вдвоем и им никто не мешал общаться. Третья их соседка по кабинету, смешливая секретарша Верочка, недавно ушла в декрет.

Шел обычный рабочий день. Звонки, накладные, курьеры, звонки. За отсутствием Верочки обязанность принимать звонки выпала Оксане Ивановне. Она очень хорошо умела «строить» зарвавшихся подрядчиков. Вот и сейчас отчитывала очередного:

— Але... Да, это «Лиманскпотребсоюз»... Да, вы попали туда, куда надо. В отдел поставок сельхозпродукции. Да, мы отправляем продукцию по всему ССГ... Да, и в Казахстан... Молоко, картофель, помидоры, кукуруза... С лучших ферм области... Да... Цены можете уточнить у нас на сайте, там есть прайс... Нет, качество продукции у нас самое отменное... Ну и что, что рядом атомная станция? Уровень радиации всегда в норме... А вы знаете, что по исследованиям МАГАТЭ Чернобыльская АЭС входит в десятку самых чистых и безопасных станций начала двадцать первого века? Ах, не знаете... Ну почитайте, об этом много писали... А если не нравится... Что?.. Да, а если не нравится, можете закупаться в Ленинградской области, там после Соснового Бора овощи светятся... А у нас, между прочим, лучший потребсоюз на Украине. А то и в ССГ. И цены сами посмотрите... Хорошо, высылайте заявку е-мейлом, счет мы вам выставим...

Оксана Ивановна положила трубку.

— Что-то клиенты сегодня какие-то странные... Выясняют что-то, нервничают...

— Зато вы замечательно с ними общаетесь, — польстила Виктория Леонидовна. — Они после разговора с вами всегда как шелковые.

— Это опыт, милочка, опыт. — Оксана Ивановна была на десять лет старше Виктории Леонидовны и любила этим немного побравировать. Скорее всего, чтобы скрыть зависть. — А не соорудить ли нам, милочка, чайку? Пока не позвонил очередной глупышка-клиент. Или директор не вернулся с базы.

— Совсем не возражаю, Оксана Ивановна. Чайку — это завсегда. Только сейчас дочке позвоню. Она уже должна из школы выйти... — Виктория Леонидовна достала мобильник. Но набрать номер не успела.

За дверью кабинета в коридоре раздался грохот.

— Опять стулья в зал заседаний таскают, — недовольно проворчала Оксана Ивановна. — Говорила же грузчикам — аккуратнее таскайте, работать мешаете...

Дверь с треском распахнулась, почти слетев с петель. В комнату ворвались двое с автоматами наизготовку. Один здоровенный, второй пониже, но тоже не маленький. Сзади в коридоре маячил еще один — совсем низенький. Резко запахло порохом и степью.

Чайный пакетик выпал на стол из руки Оксаны Ивановны. Мобильник выпал на стол из руки Виктории Леонидовны. Обе обалдело таращились на ворвавшихся. «Налоговая полиция!» — подумала Оксана Ивановна. «Ограбление!» — подумала Виктория Леонидовна. Тем более что тот, кто повыше, проорал:

— All right, everybody be cool, this is a robbery!

«Американский миротворческий десант!» — хором подумали Виктория Леонидовна и Оксана Ивановна. И совсем испугались. Слухи о зверствах американских миротворцев ходили страшные. Но откуда они тут, в центре ССГ? Они же все в Азии и Африке...

Впрочем, второй, что пониже, пихнул большого локтем.

— Сюр, ты чего? Обалдел? Тарантины насмотрелся?

— Ну... Всегда хотелось это сказать, да ситуация не подворачивалась подходящая, — смутился здоровяк.

«Не миротворцы! И не ограбление!» — обрадовалась Оксана Ивановна, и поняла, что уже не боится. И передумала визжать. Ведь это выглядело бы несолидно для заведующей отделом поставок «Лиманскпотребсоюза». Она собралась, привстала и, заставляя себя не глядеть на дула автоматов, громко спросила своим зычным голосом:

— Молодые люди! Вы кто такие? По какому праву вы врываетесь в рабочее помещение в рабочее время?

Здоровяк Сюр опешил от такого тона, смутился еще больше и даже попятился. Но того, что поменьше, похоже, таким нахрапом взять было нельзя.

— Ша, мамаша. Тебе же сказали — be cool... Не хами, не кричи — и все будет хорошо. Никто не пострадает. А вот если начнется нервотрепка... — он громко передернул затвор автомата.

У Оксаны Ивановны обмякли ноги, и она шлепнулась обратно на стул.

— Так, мамаша... и ты, вторая мамаша... ответите на несколько вопросов — и мы тихо, спокойно уйдем, никому не причинив вреда. Ферштейн?

— Да... ик... ферштейн... — Голос у Оксаны Ивановны куда-то пропал, а Виктория Леонидовна, по-прежнему пребывающая в ступоре, лишь молча кивнула. Ее пальцы скребли по столу возле упавшего мобильного.

— Так, а мобильнички я у вас заберу, если не возражаете. — Боцман взял со стола мобильник Виктории Леонидовны и жестом приказал Оксане Ивановне отдать ее аппарат. Та торопливо зарылась в сумочке, а Боцман, пока она рылась, вырвал из розеток провода стационарных телефонов.

— Семеныч, как там в коридоре? — обернувшись, спросил Сюр.

— Чисто. Все под контролем.

— Увидишь кого, не убивай, ладно... — попросил Сюр. — А то знаю я тебя...

«О, Боже, у них там еще ребенок-убийца!» — подумала Виктория Леонидовна и опять впала в прострацию.

— А теперь — поговорим. — Тон у Боцмана был деловой. — Вопрос номер раз — кто еще есть в здании?

— Никого, — торопливо сказала Оксана Ивановна. Как-то слишком торопливо.

— Точно? — Прищур Боцмана не обещал ничего хорошего.

— Только вахтер на входе, — быстро поправились начальница отдела закупок сельхозпродукции. — Экспедиторы все в разъездах, закупщики по фермам... Директор сам подъедет скоро... Он с похмелья сегодня, вчера у племянника свадьба была...

— Вопрос номер два. Где мы находимся?

Оксана Ивановна ответить не успела.

— А находимся мы, дружище, — Сюр поднес к глазам взятый со стола первый попавшийся бланк, — в городе Лиманск, Чернобыльского района, Киевской волости ССГ. Что такое ССГ?

— Ребят, вы с неба упали? — изумилась Оксана Ивановна.

— Хуже, мамань, из-под земли вылезли. Из самого ада. И зовут нас Люцифер и Азраил. А того, в коридоре, — Маленький Никки.

— Не морочьте мне голову, молодые люди, — уверенность опять возвращалась к Оксане Ивановне, — вы кто?

— Сталкеры мы, слышали, наверное?

— Сталкеры? А что вы здесь делаете? Вам место в Зоне, а не здесь!

— А мы где?

— Вы, ребята, в городе Лиманске, Чернобыльского района, Киевской волости ССГ. Союза Славянских Государств. А надо вам быть в Ленинградской волости, в зоне отчуждения Сосновый Бор. А здесь хабара нет, только тыквы да картошка с кукурузой! — Оксана Ивановна понимала, что с сумасшедшими надо вести себя аккуратно, особенно если они с оружием, но остановить попершую из недр души язвительность не могла.

У обоих сталкеров синхронно открылись рты. Непонятно, что их больше ошарашило — Союз Славянских Государств или Зона вокруг Сосновоборской АЭС.

— Ну, профессор, ну закинул... Убью я его когда-нибудь... — грустно произнес Сюр.

— Ага, а как выбираться будем тогда? — перебил Боцман. — Так, вопрос номер три. Какой сейчас год?

Оксана Ивановна решила ничему не удивляться.

— Как какой? 2013-й вестимо. Октябрь.

— Та-ак... Правда, в параллель вперлись. Следующий вопрос. Как отсюда добраться до Киева?

— Зачем нам в Киев? — спросил Сюр.

— Не въезжаешь? Двойника профессора искать. Установку строить. За вазой в Казахстан. Казахстан-то есть? Не взорвался?

— Есть. Мы с ним дружим. Не то что с Польшей и Америкой...

— С Чернобыльской АЭС все в порядке?

— А что с ней случится, ребятки? Может, вам к врачу надо? У нас хорошая клиника в городе...

— Нет, к врачу нам не надо. Пока. Так как нам в Киев попасть?

— Ну как... Садитесь в автобус, платите двадцать пять копеек — и через час с небольшим вы в Киеве...

— Сколько?

— Двадцать пять копеек.

— Да уж... Скажите, э-э-э...

— Оксана Ивановна!

— ...Оксана Ивановна... А доллары у вас поменять можно?

— Можно. В банке.

— А курс какой?

— Примерно пять к одному?

— Пять к одному чего?

— Пять долларов к одному рублю.

— О как! — Боцмана начинала забавлять ситуация, а Сюр все еще стоял ошарашенный. — А у вас рубли есть, Оксана Ивановна?

— Ну... — Оксана Ивановна замялась.

— Оксана Ивановна! Если бы мы хотели вас ограбить, мы бы вас ограбили. Но мы просто хотим поменять доллары на... рубли. У вас, а не банке. По удобному вам курсу. Вы потом пойдете и меняете обратно.

Тут, поняв, что странные гости никого не собираются убивать, очнулась Виктория Леонидовна.

— У меня есть деньги, ребятки. Как раз сняла в банкомате рубли и хотела купить доллары. В Ливию с дочкой отдыхать собралась...

— В Ливию??? — изумился Сюр.

— Ну да, там пляжи хорошие, и наших много ездит.

— Ну, профессор, ну, погоди! Вот устроил!

Боцман же предпочел не слушать причитания Сюра, а продолжать заниматься прагматизмом.

— У меня есть две тысячи долларов. Меняю один к шести. — Он хотел еще раз передернуть затвор, чтобы пресечь попытки поторговаться, но испугался, что тетка опять впадет в ступор.

Но Виктория Леонидовна торговаться не стала. Молча достала из сумочки пачку синих пятирублевых, весьма напоминающих советские деньги. Только вместо Ленина — Иоанн Грозный. Вынула из пачки лишнее.

— Вот. Триста тридцать пять рублей.

Боцман достал из внутреннего кармана комбеза скрутку долларов. Вручил Виктории Леонидовне. Та считать все же побоялась.

За окном раздался шум. Подъезжал автомобиль. Сюр мгновенно переместился к окну, немного отодвинул штору, выглянул. За окном был двор, обычный асфальтированный участок, огороженный высоким забором. Во двор въезжал грузовик. Сюр поразился — это был новенький ГАЗ-52. Бортовой, тентованный. То, что надо!

— «Газон» номер ноль тридцать один — чей? — спросил у тетушек Сюр.

— Это Петровича. Экспедитор. Картошку на базу возил...

— Так, грузовичок ненадолго конфискуем. Доедем до трассы, там еще кого поймаем.

— Не повезет вас Петрович. Он попутных принципиально не берет...

— А мы ему аргумент предъявим. — Сюр покачал автоматом.

— Мальчики, вас же в милицию заберут! — Стокгольмский синдром в тетках уже бурлил вовсю.

— Да, кстати, о милиции... — Сюр ласково посмотрел на Оксану Ивановну и Викторию Леонидовну. — Мы сейчас уйдем. И вам нестерпимо захочется туда позвонить. Захочется, захочется. Не стоит это делать. По двум причинам. Во-первых — мы не бандиты.

Нас забросил сюда странный научный эксперимент. И мы никому не хотим причинить вреда. И если нас посадят или убьют, это будет на вашей совести. Во-вторых, захватить нас или убить — не так просто. Особенно раздобревшим милиционерам из небольшого городка. И если мы убьем кого-нибудь из них, или вашего Петровича — это опять будет на вашей совести. Вам понятно?

Тетки дружно закивали.

— Мобильники я у вас все же заберу. На всякий случай. Оставлю их Петровичу. Потом отдаст. Договорились?

Тетки опять закивали.

— О, какой интересный мобильник. Фирмы «Славутич»... Отечественный?

Тетки синхронно закивали в третий раз.

Боцман выглянул в коридор.

— Димыч, давай иди, бери профессора и Машу. И за нами к выходу. На улице грузовик. На нем уходим. Мы пока вырубим вахтера и... хм... уговорим... шофера. Профессору, едрить его, потом объясним, куда он нас закинул.

3

Костер уже почти догорел. В безлунном небе начал отчетливо проявляться Млечный путь, он же чумацкий шлях в девичестве. Но Маше не хотелось спать. Нахлынувший днем во дворе той самой конторы, куда их выкинуло, прилив счастья до сих пор так и не превратился в отлив.

— Вполне вероятно, что нас выкинуло сразу в несколько реальностей, — продолжал рассказ профессор, — одновременно. В этой реальности развилка произошла давно. Не было взрыва на Чернобыльской АЭС, очевидно, из-за того, что Мотя грохнул нафиг аномалию, ее червоточины и точки сингулярностей. И мир двинулся по другому сценарию развития — мы еще узнаем о нем много интересного. Не исключено, что мы как бы раздвоились или растроились — и попали в другие ветви, где отклонения минимальны. Там двойников может и не быть, мы переместимся как бы в самих себя. Ведь и Мотины прыжки тоже плодили новые ветки... Сколько раз ты прыгал, Мотя?

— Сейчас посчитаю, — ответил Мотя, а Маша в очередной раз обрадовалась, что она слышит его голос, видит его лицо в отблесках костра — она ведь уже считала его погибшим. — Всего четыре раза получается. Первый раз — за Машу отомстил, в подворотне консьержу электрошок устроил и диск отобрал...

— За диск — спасибо. Но у меня в рюкзаке ноут со всеми данными, — перебил профессор.

— Ну, мало ли, важную информацию продублировать никогда не помешает. Вдруг у тебя в какой-то другой реальности ноут отберут...

— В другой реальности вместе с нами не обязательно окажешься ты... И мы будем думать, что ты погиб...

— Ну, что ж, бывает... Так вот, второй раз... Отобрал у Федя его старую оранжевую «Аляску». И подложил самому себе. На кусты повесил, чтобы проход в Зону по канаве я-другой обнаружил, когда оружие пристреливал... В третий раз — во время перестрелки у амбара. Сам себе солнечным зайчиком подмигнул. Я еще тогда задумался — кто ж мне так помог-то, жизнь спас, неужели наемник так глупо подставился?.. Никого, кроме Семеныча, тогда рядом в Зоне не было — и я, когда в прошлое попали, все понял... Что это должен быть я сам... Федя меня и отправил туда.

— Ну, а про четвертый мы уже знаем, — торопливо сказал Сюр.

— Нет уж, нет уж, Мотя, расскажи, — засмеялся Боцман, — мы готовы еще раз послушать... Боже, какая у Сюра была морда лица... Вспоминать приятно...

Вслед за Боцманом захихикала Маша, присоединился Дима, затем все остальные...

— Да ну вас, дурачки, — Сюр сделал вид, что обиделся, — вообще, пошел я в кузов спать, завтра день тяжелый.

Вахтера «Лиманскпотребсоюза» на месте не оказалось, никого вырубить не пришлось. Сюр первым выскочил из дверей и рванул к грузовику. Распахнул правую дверь кабины с криком «Стоять-бояться!», а потом отпрянул, как будто привидение увидел. И стоял возле грузовика с открытым ртом, опущенным автоматом и совершенно ошарашенной «мордой лица». Таким его и застали выбежавшие вслед за ним из дверей конторы товарищи. А из грузовика с водительской стороны кабины уже вылезал улыбающийся Мотя...

— Ну, я же уже рассказывал... Действительно, пора спать.

— Нет, расскажи еще, — потребовала Маша. Ей опять хотелось слышать Мотин голос. Она даже не заметила, какой ревнивый взгляд на нее и на Мотю бросил Дима.

— Ну хорошо. — Моте самому было приятно еще раз вспомнить, как он сумел выбраться из окруженной шахты. — В общем, пытался я наладить ручной подрыв... Наладил, но портал уже схлопнулся. Провесить новый — не получалось. Чтобы оттуда рвануть в наше время, оставался единственный вариант — обычный прыжок. Как три предыдущих. Но через сорок две секунды меня затянуло бы обратно. А я и подумал — если я прыгну, и сразу за этим бомба рванет, затянет ли? Так и поступил... Точку выброса уже было не рассчитать — запустил наобум. Выбросило сюда, часов за десять до вас, и километрах в трех. В лес. Хорошо, мимо Петрович ехал с грузом, подобрал меня, не удивился виду... Баксы поменял, потом мы мне новый комбез в сельпо купили... Потом решили отметить... Отметили... У него дома... Полагаю, Петрович до сих пор не очнулся, он хорошо набрался, а я ему еще опохмел прямо возле кровати поставил... Прикинул, откуда и когда вы должны появиться... И вот награда — замечательная Сюрора морда лица... Или Сюрная? И вы — живые, невредимые...

— Я тебе еще припомню «морду лица», не беспокойся, — раздался из кузова голос Сюра.

— Ой-ой, уже боюсь, — засмеялся Мотя, вслед за ним опять захихикали остальные.

— Давайте лучше решать, что дальше...

— Дальше все ясно... Машину я утром к дому Петровича отгоню. Заеду в сельпо, куплю одежды вам нормальной. Оружие спрячем — и в Киев. Искать двойника профессора. Только он нам может помочь. Ученый ученого всегда поймет. Сделаем на нашего профессора документы и отправим его в Казахстан за вазой. Построим установку — и начнем бродить между мирами. Или останемся здесь. Как захотим.

— А нам что завтра делать? — не удержался Дима.

— А вам... Грибы собирать... Вторая волна опять пошла.

— Зачем???

— Зачем гордому юному сталкеру унижаться сбором грибов? Завтра узнаешь.

4

Дядя Вова почувствовал, что начинает засыпать. Это надо было пресечь немедленно, и дядя Вова полез в карман за кофейными зернами. Скоро и зерна перестанут помогать. За последние сутки он подремал только пару часов, в очереди на границе. Остальное время — постоянно за рулем. А все этот горе-коллекционер Ираклий! Поперся в Будапеште на местный рынок за своими дурацкими пуговицами — и простудился. Загребел в больницу с подозрением на пневмонию. В результате дядя Вова остался без сменщика. И пришлось гнать их с Ираклием на двоих купленный старенький «Икарус» в одиночку.

И челноков в этот рейс набралось маловато. Всего пол-автобуса заняли. Дядя Вова в который раз подумал, что челночество умирает, люди предпочитают закупаться в нормальных магазинах и скоро они с Ираклием останутся без работы. Впрочем, совсем без работы не останемся, одернул себя дядя Вова, наймемся возить пассажиров от какого-нибудь села Гадюкина до города Вонюкина, и будем в день по десять рейсов по одной и той же разбитой трассе наматывать. Пока от скуки не попрем...

Такие мысли посещали дядю Вову не в первый раз. И не в последний. А пока он внимательно следил за обочинами. Надо было компенсировать недостаток челноков подсадками. Лечение Ираклия посредством европейской медицины обойдется компаньонам в немалую копеечку, и дядя Вова готов был подбирать с обочины всех подряд. Несмотря на ворчание пассажиров.

Дядей Вовой его звали все окружающие, хотя он был не так уж и стар. Когда-то сеструха решала свои личные дела и скинула на неделю на Вову мелкого племянника. Вова вынужден был брать племяша с собой на автобазу. И племяш ходил за ним как на веревочке и все время вопрошал: «Дядя Вова, а это что на стекле?», «Дядя Вова — а сколько автобус весит?» И так далее. К концу недели Вова и его друзья-шоферы так замучились детскими вопросами, что отметили отправку племянника домой радостной попойкой. А обращение «дядя Вова» так с тех пор и приклеилось. Даже жена его иногда звала дядей Вовой.

Дядя Вова опять помотал головой, отгоняя воспоминания и сонливость. Надо за дорогой следить, а то улетишь в дерево в конце маршрута, мало не покажется. Да и подсадку надо высматривать. Сейчас вторая волна опять пошла, грибников должно быть много.

«О! Вот и грибники!» — порадовался дядя Вова собственной прозорливости. На обочине голосовало шестеро. Четверо взрослых мужиков, двое подростков — мальчик и девочка. В руках у всех были корзинки. Что в корзинках — не видно, они накрыты пакетами. Надо будет спросить, как урожай, подумал дядя Вова, тормозя и нажимая кнопку открытия двери.

* * *

Обшарпанный «Икарус» с шипением затормозил и остановился. С похожим шипением открылась передняя дверь. Первым в дверь сунулся Сюр, стараясь не греметь спрятанным в корзинке пистолетом. Он наотрез отказался закапывать любимое оружие, убедив всех, что оно еще пригодится. Пистолеты оставили себе и Мотя с Боцманом, а Диму пришлось хором убеждать оставить его родной АКС-74У — хоть он и в разобранном виде влезал в рюкзак, но все равно были заметны выпирающие части.

— Здорово, шеф, до Киева не подкинешь? — с порога спросил водителя Сюр.

— Отчего же не подкинуть? Подкину... Трешка за всех... — ответил водитель и повернул голову.

Сюра отшатнулся, как будто увидел дьявола. Шагнул назад, на дорогу. Повернулся к товарищам. Лицо его было таким же, как вчера, — когда он увидел Мотю.

— Сюр, ты чего, разыгрываешь, штоль? — удивился Боцман.

— А ты сам загляни... — потрясенно пробормотал здоровяк.

Боцман всунулся в дверь.

— Опаньки! — обалдел уже и Боцман. — Транец, ты ли это???

— Простите? — удивился водитель. — Вы о чем?

— Ага, все ясно. Извини, шеф, обознались мы — уж больно ты на нашего знакомого похож. Вова, по кличке Транец. Только он умер уже, вот мы и опешили малость. — Боцман повернулся к товарищам. — Заходи, народ, рассаживайся.

И добавил шепотом:

— А вот и двойники пошли... Не удивляйтесь, ладно, проходите спокойно.

— Меня, кстати, тоже Вова зовут, — сообщил шофер. — Точнее, дядя Вова. Проходите скорее, а то пассажиры ругаться будут.

— Вот уж не сомневался, что ты и есть Вова. Мы тебя еще потом разыщем и на работу возьмем. Как обустроимся, — пробормотал под нос Боцман и шагнул внутрь автобуса.

КОНЕЦ